

В Донбассе мужеству забвенья нет

*к 50-летию
Мемориального комплекса
«Саур-Могила»*

Министерство культуры Донецкой Народной Республики

Государственное учреждение культуры
«Донецкая республиканская универсальная
научная библиотека им. Н. К. Крупской»

В Донбассе мужеству забвенья нет

*Сборник лучших произведений
открытого литературного конкурса,
посвященного 50-летию
мемориального комплекса Саур-Могила*

Донецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(4 Рос)6
В 11

В Донбассе мужеству забвенья нет : сб. лучших произведений открытого лит. конкурса, посвящ. 50-летию мемор. комплекса «Саур-Могила» / М-во культуры ДНР, ГУК «Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской» ; [сост. А. Л. Толмачева ; ред. О. А. Пинзон ; отв. за вып. И. А. Горбатов]. – Донецк, 2017. – 284 с.

В сборник «В Донбассе мужеству забвенья нет», посвященный 50-летию мемориального комплекса Саур-Могила, вошли лучшие произведения участников открытого литературного конкурса, организованного Министерством культуры Донецкой Народной Республики совместно с Донецкой республиканской универсальной научной библиотекой им. Н. К. Крупской с целью сохранения и увековечения памяти о мужестве и героизме народа Донбасса, проявленных в годы Великой Отечественной войны.

Конкурс «В Донбассе мужеству забвенья нет» реализован в рамках Гуманитарной программы по воссоединению народа Донбасса. Предоставленными возможностями для творческой самореализации, развития и укрепления культурных связей жителей Донбасса воспользовались не только жители Донецкой Народной Республики и территории Донецкой области, временно подконтрольной Украине, но и отдельных городов России и Украины.

Конкурсные произведения (рассказы, стихи) посвящены событиям 1943 г. при освобождении Донбасса, взятии советскими войсками высоты Саур-Могилы.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

Составитель:	А.Л. Толмачева
Редактор:	О.А. Пинзон
Ответственный за выпуск:	И.А. Горбатов

Материалы, присланные на конкурс, отображены с сохранением содержания, орфографии и синтаксиса текстов, представленных авторами

© Министерство культуры
Донецкой Народной Республики, 2017
© ГУК «Донецкая республиканская универсальная
научная библиотека им. Н. К. Крупской», 2017

*Владимир Журилов,
член Союза журналистов СССР с 1980 г.,
Золотое перо Донбасса*

ВОЙНА И ГОРЕ ХОДЯТ РЯДОМ

Война в наш тихий городок пришла неожиданно. И хотя в самом Снежном не было боевых действий, она успела оставить здесь кровавый и разрушительный след. В который раз досталось Саур-Могиле. Седой и легендарной... Все опять «закрутилось» за обладание стратегической высотой, дающей возможность контролировать ситуацию в далекой округе. Мы с болью наблюдали из города дымные клубы взрывов у исторического памятника, замечая как разрушается основная достопримечательность нашего края. Обидно было то, что варварские действия творили не какие-то пришельцы из зарубежья, а такие же, как и мы украинцы. Полные, правда, ненависти и злости к жителям Донбасса, то есть к нам. И все это только за то, что мы хотели говорить на языке, на котором думаем. Желали, что бы самим решать свои проблемы, без подсказок и окриков из Киева. Ведь мы их лучше знали, чем люди из киевских кабинетов. А еще мы хотели заработанные нами деньги тратить в своем доме, хотя бы на самое необходимое: улучшение экологии, поднятие уровня жизни донбассовцев, решение коммунальных проблем... Мне, как коренному жителю Донбасса, известно, что нашему краю всегда чего-то недодавали, зато брали отсюда всегда по полной. Донбасс всегда был кормилицей страны. И при царизме, и в советские времена, и в пору независимости Украины. А отдачи от берущих – практически не было. Помню, в бытность Советского Союза неоднократно принимались постановления на самом высоком уровне о развитии Донбасса. И все они не выполнялись, то средств у государства не хватало, то вдруг акцент делался на другой регион, то просто о нас забывали, сами, мол, разберутся... Терпеливые все-таки в Донбассе люди. Продолжали трудиться,

не обращая внимания на ужасные условия работы на шахтах и заводах, высочайшие травматизм и смертность. Довелось быть свидетелем встречи японской делегации в Донецке в 80-е годы прошлого века. Измерив в Донецке радиационный фон, делегация тут же улетела обратно. И это несмотря на радушный прием донбассовцев. После прекращения военных действий мы с приятелем сразу же отправились на Саур-Могилу. В соседних селах решили купить несколько букетов цветов. Когда люди узнали цель приобретения цветов, они отказывались категорически брать деньги за них. И это было так патриотично, свойственно жителям Донбасса. Возлагали цветы к разрушенному, величественному монументу и нас не покидала мысль, что мы его все равно возродим и будем часто сюда приезжать. Вот чувство скорби будет непомерно высоким – ведь здесь похоронены наши земляки, отдавшие жизни за то, чтобы «звери» не вошли в наш город. Вечная им слава! Снежное пока так и не избавилось от незаживающих ран тех трагических событий. Зияет пустыми глазницами окон жилое здание по центральной улице Ленина. Оно как напоминание живым о павших. И меня не покидает чувство скорби – ведь там погибли мирные люди. Они хотели жить, мечтали о счастье, строили планы. Не должно быть прощение тем, кто совершил это преступление. Военные действия в Донбассе не прекращаются. Продолжаются обстрелы населенных пунктов, гибнут люди..., подорван экономический потенциал Донбасса, брат воюет против брата, а кучка магнатов наживаются на сложившейся ситуации. Сложное положение в нашем крае оставляем мы нашим потомкам. Нет уверенности в их прекрасном будущем. Незыблемым остается только тезис: «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!» За свой край, его свободу готов отдать свою жизнь каждый житель Донбасса. Мы, мирные люди, очень гостеприимны..., но только к тем, кто приходит к нам с миром.

*Владимир Журилов,
член Союза журналистов СССР с 1980 г.,
Золотое перо Донбасса*

О ЧЕМ МОЛЧИТ САУР-МОГИЛА

1951 год. Война кровавая и жестокая уже давно завершилась, но израненная земля только начала залечивать раны. Мальчишки в окрестностях города находили мины и снаряды, патроны сотнями. А самые отчаянные в потаенных местах прятали винтовки, пистолеты, автоматы, штыки. Высота 277.9, в народе Саур-Могила, возвышается над местностью как напоминание о жестоких боях, проходивших здесь летом 43 года. Что-то в тот выходной потянуло меня на Саур-Могилу. То ли свежим ветром донецкой степи захотелось подышать, то ли грустные думы первых дней войны позвали меня на легендарную высоту, а может просто от будничных дел бежал из города на природу... Из города к Саур-Могиле добрался пешком. На повороте на поселок шахты № 2, в поле, стояли несколько брошенных бронетранспортеров, вражеских. Ржавчина обильно покрывала их бока, но желтый цвет краски еще хорошо просматривался. Из Африки, подумал я. Это надо же. Стоило ли так далеко передислоцироваться, что бы найти свой конец в поле у неизвестной тогда высоты 277.9? Саур-Могила встретила щебетом птиц и своим величием. На вершине ее, рядом с невысокой каменной пирамидой, стояла «сорокапятка» (пушка 45 мм калибра). Вездесущие мальчишки для симметрии по другую сторону обелиска установили немецкий самолет на треноге. Легковая машина подъехала тихо. Из нее вышла очень красивая белокурая женщина. Посмотрела на заросшую ковылью и степной травой высоту и заплакала. Потом в платочек взяла жменьку земли, а его положила в сумочку. Чувствовалось, что женщине хочется выговориться, кому-то излить свою печаль. Я подошел к женщине. И она заговорила. Муж – моряк погиб в Литве, а она приехала сюда к сыну. Именно отсюда в 1943 году ее сын Саша прислал свое

последнее письмо, в котором сообщил о готовящемся штурме высоты 277.9. Больше вестей от него не было. А где же здесь найдешь могилу сына? Все изрыто окопами, снарядами.

Красивейший букет цветов возложила она к стволу того сухого дерева, которое было свидетелем жесточайших боев. Больше эту женщину я никогда не встречал, хотя образ ее храню до сих пор. Наверняка имя ее Сашки написано сейчас на мемориальной плите Саур-Могилы. Как жаль, что мать не смогла тогда найти могилу сына, чтобы положить на нее цветы. А может, все-таки нашла? Может она приезжала в наш город еще, когда на Саур-Могиле возвели мемориальный комплекс? Так хочется в это верить. А еще хочется верить, что подвиг того Саши и еще миллионов Иванов, Николаев, Сергеев и других парней и девчат, отдавших жизни за нашу свободу, никогда не забудут потомки... Как жаль, что Саур-Могила не умеет говорить. Она такое бы поведала.... Но легендарная высота бережно хранит свои секреты...

*Владимир Журилов,
член Союза журналистов СССР с 1980 г.,
Золотое перо Донбасса*

САУР-МОГИЛА

Этот овечьяный славой курган в донецкой степи давно называют легендарным. Он был свидетелем многих исторических народных битв, беспримерного мужества и отваги. Здесь, у Саур-Могилы, оживает волнующая страница подвига советских людей, сокрушивших мощную оборону гитлеровцев на Миусе. Отсюда началось освобождение Донбасса от коричневой чумы. Плечом к плечу тут бились русские и украинцы, белорусы и грузины, азербайджанцы и якуты, литовцы и молдаване, сыновья и дочери многих народов нашей великой Отчизны. Благодарная память приводит сюда ежегодно в дни больших торжеств ветеранов-фронтовиков и молодежь, тружеников шахтерского края и наших соседей из Российской Федерации. Каждый считает своим

долгом отдать дань глубокого уважения тем, кто завоевал мир и счастье. В сооружении памятника советским воинам, погибшим в боях за освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, принимали участие десятки тысяч жителей Снежного, Тореза, Шахтерска, Амвросиевки, и других городов Донецкой области. На вершине кургана взметнулся в небо 36 метровый гранитный обелиск, у которого – бронзовая скульптура воина-освободителя с поднятым автоматом. К обелиску ведет широкая аллея, вдоль которой установлено четыре пилоны, отражающие героические подвиги представителей разных родов войск: пехотинцев, танкистов, артиллеристов и летчиков. Скульпторы запечатлели на них воинов, принимавших участие в штурме Саур-Могилы. А внизу, на специальной площадке, выставлены образцы боевой техники, которой советские воины громили захватчиков. Величественный мемориальный комплекс, созданный скульпторами Ф. А. Коцюбинским, И. А. Горовым и К. А. Кузнецовым, архитекторами Н. М. Поддубным, М. И. Потипако, И. Я. Козменером, П. М. Щербиной, стал народной святыней, символом мужества и героизма советских воинов. Коллектив ордена Ленина шахтоуправления «Ударник» (г. Снежное), Донецкая организация Союза архитекторов УССР, областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры, областное управление культуры выдвигали группу авторов проекта этого мемориала на соискание Государственной премии Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко в области литературы, искусства и архитектуры за 1980 год. Да, это было в 1980 году. Государственную премию мемориальному комплексу тогда не присудили или действительно нашлись более достойные претенденты, или возникли другие причины... А жаль! Саур-Могила достойна самых высоких наград. И событиями, которые здесь проходили, и архитектурным дизайном. События 2014 года не пощадили строения Саур-Могилы. Замечательный памятник наполовину разбит. И вновь перед нами стоит задача вернуть мемориалу прежнюю красоту и величие. Это будет лучшим признанием и памятью героизма наших предков.

*Владимир Журилов,
член Союза журналистов СССР с 1980 г.,
Золотое перо Донбасса*

ПОДВИГ САПЕРА

Пожалуй, Яков Филиппович Листопад был самым титулованным участником боевых действий в Великую Отечественную войну среди журналистов Снежного. Его боевой путь отмечен орденами: Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы III степени, Богдана Хмельницкого II и III степени и более десятка медалями, среди которых – «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и др. Мирный труд на земле, а перед войной Я. Ф. Листопад окончил Каменский сельскохозяйственный техникум, прервало нападение фашистской Германии на нашу страну. В октябре 1941 года (ему тогда исполнилось 20 лет) Яков Филиппович принял серьезное решение – добровольно ушел на фронт. И сразу занял должность заместителя командира роты 8 отдельного строительного батальона 10 армии. С мая 1942 года – командир отделения 43-й отдельной Краснознаменной Перекопской ордена Суворова II степени инженерно-саперной бригады специального назначения. Страшной и тяжелой была дорога к освобождению родных земель. После защиты Сталинграда участвовал Я. Ф. Листопад в освобождении Ростова-на-Дону, Снежного, Тореза, Макеевки, Донецка, Красноперекопска, Севастополя. С боями прошел до Венгрии, Германии. Войну закончил в Берлине, где участвовал в штурме Рейхстага. Во время Сталинградской битвы довелось 16 раз ходить в тыл врага за разведчиками и «языком». При штурме Саур-Могилы также возглавлял группу разведчиков. Быстрым броском пришлось отбивать у врага два моста через Вислу, а затем сдерживать яростные контратаки превосходящих сил немцев. Яков Филиппович часто вспоминал и эту операцию на Одере. На 60 километров углубились разведчики в

расположение фашистов и все с одной целью: найти удобный плацдарм для изгнания фашистов из города Франкфурт. Этот эпизод боев за Саур-Могилу рассказывал мне директор совхоза имени Челюскинцев Федор Яковлевич Конча:

– Бывший сапер Яков Филиппович Листопад в районе Саур-Могилы совершил настоящий подвиг. Перед штурмом он готовил проходы для танков в минных полях, а потом чтобы провести наши бронированные машины, по только ему известной полосе, Я. Ф. Листопад сел на головной танк. До вражеских окопов было уже рукой подать, но намеченная дорога полностью затерялась в дыму и пыли. И тогда Я. Ф. пошел впереди танковой колонны на изрыгающие огонь вражеские окопы. За тридцать метров до вражеских укреплений он упал тяжело раненый. А мимо, на полном ходу, ведя шквальный огонь, неслись вперед советские танки... Еще Конча признался, что спрашивал у своего фронтового товарища, зачем он рисковал жизнью? На это Я. Ф. Листопад спокойно так ответил, что на его месте так поступил бы каждый советский воин. И никакого героизма в своих действиях боец не видит. Вот такой он был – Яков Филиппович Листопад. Храбрый до отчаяния и скромный до безграничности. Это не только мое мнение о нем. Так думал его однополчанин Ф. Я. Конча.

Елена Киселева

ДЯДЯ МИТЯ

Это было в далеком 75 году, когда наша семья переехала жить из суровой Сибири в небольшой городок на побережье Азовского моря. Приезд к родственникам припал на конец августа, когда земля щедро одаривала людей фруктами и овощами. Во дворе мне сразу бросились в глаза огромные плетеные корзины с виноградом. Ароматный запах спелых гроздей смешивался с запахом петунии и львиного зева. Родня ждала нас давно, уже была отведена комната в доме.

Тетка матери, тетя Тася, была немолодая, небольшого роста, худощавая. Ее муж, дядя Митя, был полноватым и смуглолицый. Ходил он медленно, как бы переваливаясь из стороны в сторону. Как я узнала позже, у него ноги были в шрамах от многочисленных осколочных ранений. В его комнате так резко пахло мазями, различными настойками, тройным одеколоном, что уже сколько лет прошло, а я отчетливо помню тот запах.

Спустя несколько дней после нашего приезда, погостить к родителям приехал старший сын из Сургута дядя Коля с сынишкой. Он приезжал каждый год в конце лета, чтобы насладиться теплым морем и фруктами после утомительного холодного климата. У дяди Мити было еще два сына – Леонид и Василий, которые жили в этом же городе.

По случаю приезда Николай закупил вкуснятины: балык, икру, камбалу, конфет. Вот тогда-то, сидя за общим столом вместе со взрослыми, впервые услышала от дяди Мити про войну. Я внимательно слушала его рассказы, пытаюсь понять что к чему. По вечерам мы усаживались за стол во дворе на длинную деревянную скамью. Каждый старался сесть поближе к рассказчику, а кому повезло – тот вообще пристраивался у него на коленях. Хоть прошло тридцать лет, дядя Митя подробно рассказывал истории о войне, много раз повторял те, которые нравились и были дороги сердцу.

Я выросла и, слушая про войну, все больше понимала, какие трудности и невзгоды пришлось пережить, я все больше осознавала масштабы трагедии, боль и страдания людей.

Дядя Митя воевал на Донбассе. В сорок третьем году немцы превосходили нашу армию и держали линию обороны. Атакам подвергались города и села, казалось, что эта коричневая чума не иссякнет никогда. Фашисты во всю господствовали на Саур-Могиле. Все люди участвовали в сооружении оборонительного рубежа в ее окрестностях. К работам привлекали женщин, нужно было рыть окопы, бойцы минировали поля, ставили проволочные заграждения и противотанковые ежи.

С разными бойцами Митя ходил в разведку, но чаще со своим товарищем Павлом, которого знал давно. Они делились друг с другом едой, табаком, караулили по очереди ночами, даже спали по очереди. Тогда летом ночи стояли теплые, спали под открытым небом, нарвав охапку травы и постелив, чтоб не так было жестко. Через какое-то время командование должно было отдать приказ о наступлении, но перед этим нужно прочесать местность.

В вылазку пошли Митя, Павел и еще один солдат. Предстояло выходить, как только стемнеет, а возвращаться перед рассветом. Сначала шли бодро, даже весело, но вскоре стали уставать, земля была в ямах и ухабинах, дальше идти было все труднее.

Вокруг тихо, ветерок колыхал деревья. Вдруг тишину пререзал крик птицы, похоже, что ее спугнули. Все втроем замедлили шаги, стали прислушиваться. Точно, птицу потревожили. Наткнулись на какое-то бревно, развернули его и залегли. Птица, издавая крики, что аж мурашки пробежали по коже, надвигалась все ближе. Тут Павел и говорит: «Давайте пойдём вперед, только не так быстро». Митя сразу его оборвал: «А если там немцы, мы местность не знаем, заляжем тут, бревно прикроет». «Да, не нужно рисковать, нас в поле перестреляют как зайцев», – поддержал второй боец.

Тогда Митя пошарил в траве, выпрямился во весь рост и стал изо всех сил швырять комья земли и камни вперед. От ударов об деревья и кусты земля посыпалась, листья зашуршали. Митя быстро упал на землю. Тут раздалась короткая автоматная очередь. Это было так неожиданно, что все втроем втянули животы в себя и всей тяжестью тела вдавились в землю. Пули просвистели высоко над головой. Страшно представить, что было, если бы не послушали Митю и пошли дальше. Немцы устроили засаду или же сами пошли разведывать местность. Пролежав некоторое время, выдвинулись обратно. К отряду добрались, когда еще не начало светать.

Дмитрий Павлович Охотников прошел всю войну. Был наводчиком орудия, награжден орденом «Красной Звезды»,

орденом «Славы», орденом «Отечественной войны I степени» и многими другими орденами и медалями, на его счету два сбитых самолета.

Дядя Митя прожил долгую жизнь, дождался правнуков, умер в возрасте восьмидесяти лет. Таисия пережила мужа на четырнадцать лет. Похоронен Дмитрий Павлович в Бердянске на кладбище главной Аллее Славы.

Вот уже не стало двух его сыновей, Василий живет в России, разъехались внуки по многим странам. За могилой дедушки и бабушки ухаживает их внучка Анна Леонидовна. Память о дяде Мите останется в сердцах родных и близких, всех людей, как и память обо всех погибших и умерших бойцах, защищавших нашу Родину. Вечная слава, вечная память героям-освободителям!

Валерия Войтко

А ВЫ УВАЖАЕТЕ?

«Это было достаточно давно, я уже все забыла, напоминанием служат лишь фотокарточки да шрамы на теле».

Все еще живой взгляд упал на сморщившиеся от старости и долгих лет труда руки, лежавшие на островатых коленях. Женщина так долго смотрела на них, что казалось, будто она уснула. Но вскоре она качнула головой, прогоняя докучливые грустные мысли. Прозрачные голубые глаза оторвались от рук и посмотрели вдаль. Черные точки плясали в зрачках, как молодые девушки танцуют перед парнями, как дети танцуют друг перед другом: как бы дразнясь, выпячивая свои таланты.

«Все случилось осенью, в октябре сорок первого года, они налетели как коршуны, своими цепкими когтями вцепились в волосы женщин и молодых девушек, а мужчин уводили за пределы города, некоторых мы больше не видели. Говорят, их сбрасывали в шахты... Мой отец и братья воевали, дома осталась сестра, старшая, да мать. Обе работали на заводе. В то время в нашем городке все работали на заводах и

шахтах, а было их... уже и не вспомню. Дома была только я, справлялась по хозяйству, да супы варила рабочим. Нас атаковали с воздуха, трижды, а потом они вошли в город...»

Старуха опять опустила глаза и поправила юбку.

«Знаете, у меня в молодости была подобная юбка, ее разорвали фашисты. Страшно вспоминать, что они творили с нами. Били, унижали. Но самое страшное, это то, что они разрушали наши дома, наш город, мы оставались живыми, но без крова, без культурного наследия. Вы, молодежь делаете сейчас то же самое, не бережете то, что годами строилось, восстанавливалось, усовершенствовалось, ну да ладно. Они с ноги открывали двери в наши дома и выгоняли нас на дорогу, а сами выносили все, что хотели, и кого хотели. Одному генеральчику понравилась моя подруга, нам с ней тогда было по 16 годков, он хотел забрать ее с собой, но мы отстояли ее, пусть и ненадолго. Ночью, перед наступлением наших войск они уехали и забрали ее с собой, не знаю, что случилось с нею потом, но до сих пор слышу ее плачь и крик матери ей во след...»

Рассказ женщины с каждым словом пробирал до косточек. Все рассказанное представало перед глазами как живые картинки, так, как будто сам присутствуешь при всех тех событиях.

«Потом начался голод, конечно не так как в Ленинграде, но кушать было нечего, как бы страшно не звучало, но закончилось все, даже кошки и те убежали из города». Старушка сипло просмеялась и утерла слезу с глаз, покотившуюся то ли от смеха, то ли от печали и боли, которую она переживала вновь и вновь, вспоминая все те кошмары.

«Самой было не так тяжело, как рабочим и другим труженикам, которые продолжали работать на благо родины, они пропадали в полях и лесах на вылазках, на заводах и шахтах, работая не покладая рук. В один вечер мать пришла со смены и упала без сил на кровать. Сестра не вернулась. Померла. Я, не зная чем помочь, решила накормить маму, сварила ей похлебки, отломилла самый большой кусок хлеба, что могла себе позволить и поднесла к кровати. Мама съела похлебку за несколько минут, так изголодалась, а потом спросила: «С чем похлебка-то, шибко вкусная, наваристая!» Я уже не помню, что

ответила, помню только, что соврала матери, впервые...»

Она подняла подол юбки и приспустила чулок, на щиколотке виднелся рваный шрам. Было видно, что шит он на скорую и неумелую руку, шрам был большой, не ровный и выболевший.

«Я понимала, что от матери, и таких же трудяг как она, зависит судьба моя и всего государства, мне было не больно, и не жаль красоты и молодости, они ничего не значили, по сравнению с жизнью сотен тысяч людей! Матери я так и не сказала... Потом еще был случай, соседская девчонка прибежала к нам и попросила дров. Ее мать, бригадир на шахте, болела, сильно кашляла, а у них даже дрова закончились, не на чем было воды нагреть. Я, конечно же, дала, а еще сена для коз, чтобы молоко было. Маме опять не сказала». Она опустила юбку и опять посмотрела вдаль.

«Но были и хорошие дни, через пол года оккупации, после нового года, к нам пришло письмо от отца. Писал, что братьев он давно не видел, но одно радовало, что он был жив. Описывал, как они батареей срубили в лесу елку, украсили ее чем было – кто последнюю папиросу повесил, кто банку с тушенкой, кто ложку деревянную, кто фотографии детей, и плясали вокруг нее под звонкие песни. Нам так тепло от этого стало, что мы даже открыли последнюю банку варенья. Вы представляете, что такое банка варенья в то время? Мы так дано не ели сладкого, что эти несколько ложек были для нас в новинку. На следующий день отдали эту банку детям в городе, вы бы видели их счастливые лица!» Она опять улыбнулась.

«Шел второй год нашего заточения, мать сильно болела после зимы, но нам в помощь, еще до зимы, пришел брат мой, средний, он был ранен, еле добрался до родного города, говорит, что не узнал никого и ничего тут. Погоревали мы над былыми годами, как было хорошо тогда, но и надеялись мы, что будет хорошо и в будущем». Старушка опять начала теревить юбку. Что ее так сильно волновало, что могло так сильно обеспокоить при рассказе, остается загадкой. Она продолжала.

«Брат мой пошел в шахту работать, как мать не была против, он не слушал. Встретил там свою жену. И месяца не прошло, как узнали мы, что она ребенка ждет. И счастье и горе, знаете

ли. Он так плакал, говорил, что не хотел этого. Не думайте, за ребенка боялся он, не за себя и не за жену. Дите не виновато было. В один вечер, когда жена была уже на сносях, к лету время шло, мы гуляли с ней и братом по полю, как тут немцы из-за кустов, один пистолет к голове невестки приставил и что-то кричат на своем, немецком. Брат кинулся на него, тут же и упал от выстрела... Мальченку, что она родила, я вырастила, как сына, родной мамой называл. А дети его меня бабушкой кличут». Она опять по-доброму улыбнулась и шмыгнула носом.

«Страшно было оставаться одной с ребенком на руках, никого у меня не было, мама померла, из братьев больше ни один не вернулся. Пятеро нас было, двое на моих руках умерли, больше ни о ком не слышала, отец пропал без вести, невестка тоже скончалась, не долго сына на руках подержала, да и он мамку не знал, я ему ее заменила... Ах, да, говорила уже. Страшное время было. Но через пару месяцев после этого ужаса, наши пришли, счастье пришло! Помню я как с сыночком на руках бежала к ним, руки целовала, в ноги падала, плакала от счастья за то, что освободили, за то, что спасли. Приболела я тогда опять, сил не было подняться, только ребенка прижала к себе покрепче, от его сопения легче на душе было, тогда-то меня муж мой и подобрал. Подал руку и говорит: «Не тебе барышня нам в ноги падать, а нам в твои в самую пору. Ваш город помогал, метал да уголь поставляете вы нам на фронт. А еще был у нас один парень, просил сестре своей привет передать в город этот, коли помрет, не знаешь такого?» Мой это брат был, вот и еще один помер. А этот парень поднял меня, до дома довел, сказал, коли ждать буду, то со мной останется, и ребенка моего воспитает. Не сказала я ему тогда, что не мой он, и потом не сказала, но думаю, от этого он бы его меньше любить не стал. Принял его как родного, и меня принял, и любили мы друг друга. Помер дедушка, с десятков лет назад помер, но помнит и знает его вся семья, и гордится им и чтит память». Она опять утерла слезу и посмотрела на небо. На улице об этом говорить, наверное, было легче, приятный осенний ветерок обдувал ее морщинистое лицо, развеивал седые волосы из-под платочка, который она то и дело поправляла.

«Через парочку дней он ушел на фронт и дошел до Берлина, героем был, а мы встречали родных, приветствовали их вот тут, в этом скверике. Раньше, конечно, все не так было, но вот на этом месте я стояла, еще молодая и такая счастливая, подавая цветы и хлеб да соли спасителям нашим, а они в ответ руки целовали. Уважали мы тогда труд друг друга. А вы уважаете сейчас?» Она так пронзительно посмотрела в глаза, казалось, будто в душу смотрит.

«Они рассказывали нам о сражениях, о мирных днях, днях затишья. Но самым запоминающимся рассказом был рассказ об освобождении нашего города, о взятии Саур-Могилы. Бой длился две недели, 31 августа красное знамя безмолвно огласило безоговорочную победу наших солдат. Они пришли к нам в город побитыми, ранеными, оглохшими и ослепленными... Но они пришли, а сколько их там осталось... Через несколько дней мы вызвались помочь солдатам убирать трупы умерших героев.. Нам не разрешили их закапывать, только сжечь. Вы себе представить не можете, что там было! Горы из камней, земли, техники и людей. Некоторых приходилось откапывать. Мы сбились со счета, сколько людей мы сожгли в те дни. Теперь там памятка, мемориал, а раньше был пустырь, немцы готовы были сровнять с землей все, лишь бы оставить за собой высоту. Но наши герои прорвались, 17 человек прорвались на высоту. Их осыпали гранатами, убили обоих командиров, но они ее захватили и отбили у фашистов... В конце лета фашисты покинули город».

Женщина поправила платочек на голове и, посмотрев в камеру, спросила: «Долго еще, деточка? А то внуки должны приехать из-за границы».

«Да, конечно, только один, последний вопрос: скажите, что давало Вам силы, что внушало надежду в те дни, когда вас окружал котел?».

«Что давало силы? Вера в наш союз. И я говорю не о стране, а о людях, о союзе людей. Мы были семьей, мы верили друг в друга, и именно эта вера держала нас. Знаете, говорят, что одна семья, это единая цепочка, вот мы в годы

войны, все, без исключения, стали огромной цепью, и благодаря этому выжили. А еще уважение, любовь, доверие, мы же люди, как в такие времена можно прожить без этих чувств, без них никуда! Вот так и справили».

Со стороны города к старушке стали приближаться три фигуры. Один из них нес букет, двое других держали его под руки. Видно было, что это семья, отец с уважающими его детьми. Они со спины подошли к старушке, подали ей букет. Тот, что старше поцеловал руку женщине. «Это мой сынок, тот, которого я спасла, и который спас меня. Извините, мне пора».

«Конечно, спасибо Вам большое и всего хорошего!»

Старушка обняла внуков, один из них взял ее под руку и они ушли.

Эта семья служила доказательством той самой надежды, надежды на то, что всему плохому, рано или поздно, приходит счастливый конец!

Ольга Гладнева

ФРОНТОВОЙ ПУТЬ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Два интервью спустя 67 лет после Победы

Чем дальше нас уносит время от событий Великой Отечественной войны 1941-1945 лет, тем ярче ощущается Величие Подвига Советского народа и его Красной Армии, трагедия и Мужество Героев Орлиного племени, в жизни же – простых, обыкновенных людей, как эти двое парней из шахтерского городка Харцызск, участников освобождения Донбасса, у которых автору этих строк посчастливилось успеть взять интервью об этом, видеть их и с благодарностью пожать руки.

Совсем недавно оба боевых товарища ушли в мир иной, но Слово правды их о событиях тех лет, о русском характере воина-победителя пусть живет вечно на страницах книг.

* * *

Шла весна 2012 года. Оригинал-макет второго сборника воспоминаний состарившихся «детей военного времени» уже был готов, но мне так хотелось открыть его страницами воспоминаний непосредственных участников боевых действий – наших старших братьев и отцов, отдать еще и еще раз им дань почести и показать связь, единство поколений в труднейшие дни Родины – борьбы с фашистскими захватчиками.

На тот момент в городе живых освободителей Донбасса оставалось десять.

Апрельским днем, накануне 9 Мая, мне пришлось посетить только двоих.

По первому адресу проживал **Михаил Семенович Бунеев** (1926 г.р.).

Михаил Семенович сам открыл мне калитку, сопроводил в домик, где за опрятным столиком и чашечкой чая и прошли незаметно почти два часа нашей беседы-воспоминаний.

Эпиграфом к интервью подошли строки П. Шубина:

*Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее, врезать как надо
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо
Чтоб пылью осел он в траву...
Прожить бы мне эти полмига,
А там я - всю жизнь проживу!*

- Уважаемый Михаил Семенович, помните ли вы свое боевое крещение и не в тягость ли ныне для вас вспоминать о войне?

Молчит ветеран. Взгляд устремил в толщу лет, словно силясь увидеть опять за ней юность свою фронтovou.

- Ну, что ж – пройдуся еще разок в беседе с вами по вехам пройденных дорог.

Только эпизодично. И, возможно, не последовательно, как получится. И потекла река воспоминаний песком часов и

расстоянием – в жизнь.

- 30 августа наша Армия в тяжелых боях освободила Саур-Могилу. Враг отступил, но не ушел из Донбасса. Всеми силами он стремился вернуть главную высоту Миус-фронта, с вершины которой просматривался весь плацдарм боевых действий до бабушки – Азова.

- Пятого сентября 1943 года в 9 утра части Красной Армии освободили Харцызск, а в 17.00 полевой военкомат по Харцызску, Зугресу, Иловайску и близлежащим поселкам мобилизовал около 4 000 всех способных воевать, в том числе и нас троих друзей: меня, Васю Тенищева и Леню Ярышко.

Собравшихся разделили на группы по 25 человек и пешком, строем, до села Макеевка. Ночью. Небольшой привал. А в 6 утра нам выдали английские шинели и ботинки с отечественными портянками, 10 винтовок и 15 автоматов на группу. Мне достался автомат. И опять строем и вперед за командиром.

Оказалось – к кухне полевой. Хорошенько накормили. Выдали сухой паек и опять строем и вперед. Пришли на склад боеприпасов. Загружайтесь, ребята, мол, дисками, гранатами, минами, патронами. Мы сунем в карманы их, за пазуху. Мне показалось дисков маловато, и я насыпал патронов верхом в только что полученную каску.

Весь день учебные тренировки, а к вечеру маршем до станции Рутченково, ночью – до шахты имени Абакумова. Тут – окопы. Команда – занять позиции. Мы выбрали окопчик небольшой и трое разместились в нем. Присели и тут же уснули, уставши от ходьбы и неизвестности.

Утром – подъем. Нам надо по нужде, а как и где? Вася суетится, мол, сейчас выскочу из окопа, посмотрю – может быть поблизости кусты. Пока он рассуждал, я котелок отцовский, что с собой из дома прихватил, поднял со дна окопа и машинально поставил на бруствер. И только руку опустил, как котелок дзинь опять в окоп. Глядим, а в нем торчит застрявшая пулька. Мы очумели. Это что ж? Мы, значит, на войне? Значит, немецкий снайпер снял наш котелок? А если б Вася во весь рост поднялся? И стало страшно. Ну, чисто, по-человечески,

страшно. А тут и командир:

– Ребята, смотрите, как ракета взорвется, так сразу поднимаемся и – в бой!

– Как в бой? А что такое бой? А как? А с кем? – мы растерялись от неожиданности все.

– Да вы что?! Не знаете где вы?! Вы – на войне, мать вашу... – заорал на нас старший.

Взвилась ракета. А мы – сидим. Нет силы даже встать, не только, чтоб окоп покинуть.

– Вы можете представить? Нам этот окоп казался самым дорогим в мире, ведь, в нем – гарантия на жизнь!

А что он может стать могилой, если снаряд накроет, сразу на ум не пришло.

Вдруг слышим: «Ура-а-а!». Мы поднялись, глядим – кое-кто встал, куда-то побежал. Но многие – сидят. И мы опять в окоп. А тут как закричат: «За Ро-одину-у! За Сталина! Вперед!» Мы разом подскочили, глядим – все выскакивают и бегут вперед. Ну и мы побежали.

И вдруг навстречу нам без крика, молча, густой стеной тоже бегут фашисты.

Наш командир кричит: «Уураа!». И тут на смену страху пришла такая ярость! И порыв ненависти и злости: «Ну, немчура! Держись!» И руки сами сразу вспомнили про автоматы, винтовки, мины и гранаты. И понеслось!

Теперь мы знали, что такое бой. Враг отступил. И тут я на руке увидел кровь. Пуля продырявила палец и застряла в обойме между гнезд. Прямо напротив сердца. Если б не обойма, мой первый бой стал для меня б последним.

Так состоялось мое боевое крещение в сражение за родной Донбасс. Палец перебинтовали. И – вперед. Теперь мы знали – дорога ведет в бой. Освободили Сталино. Дрались за Волноваху, Пологи, Гуляй Поле – за свою, шахтерскую землю.

Меня старшим назначили в разведку роты. Вот на пути к Мелитополю деревушка... Там усиленное укрепление врага. Как преодолеть? А на краю деревни церквушка. Нам дают задание. И поползли. Со мной наводчик, два радиста. Ползем в

пасть врагу. Представляете? Доползли, забрались в церквушку. Позиции врага, как на ладони. Наводчик корректирует огонь. Связной передает координаты. И – первый залп. И не по цели. Второй снаряд лег тоже с отклонением. Наводчик уточняет координаты, радист их посылает на КП. И полетели стаями снаряды, с ювелирной точностью – по цели. И такой поднялся суетняк! Фрицы мечутся и не поймут откуда! Догадались! И обрушили на церковь лавину минометного огня!

Но главные орудия их, склады, штабы, гнезда дотов, дзотов были уже смешаны с землей.

Нам приказ – быстрее возвращаться. Путь для наступления мы открыли. И сумели выйти из огня.

Мне вручили первую награду – Орден Красной Звезды. И перевели в дивизионную разведку.

Деревня взята. Враг уничтожен. Еще стал ближе Мелитополь. И вот мы уже стоим у речки Молочной. А тут такое укрепление, что и не знаешь, где пройти. Место открыто всем ветрам. Ни леса, ни посадочки... Болотистая местность. Железнодорожная колея, высокая насыпь, за нею враг. Нам надо точно знать его расположение, возможности и планы намерений.

А насыпь, что стена. Нам надо ночью через нее пройти. Можем нарваться на засаду.

А вдруг убьют? А я не коммунист. Отец – коммунист. Мать – тоже. И я заявил командиру, что хочу, если придется, умереть коммунистом. Командир привел политрука. Тот просил назвать фамилию, имя, сколько лет. Ответил – 18! «Можешь, сержант, считать себя коммунистом, только возвращайтесь живыми назад!» – напутствовал нас политрук.

И пошли мы с Васею и Леней в тыл врага.

Ночь. И глина липнет. Да ракеты прорезают тьму. Вот и насыпь. Слышим – немцы, рядом. По ту сторону железки. Метрах в четырех-пяти. Громко, ну, как дома, говорят. Патрулируют передовую. Мы приготовились. И вот один взобрался на железнодорожное полотно, чтоб убедиться в тишине. Хотел на рельс встать, да поскользнулся. И соскочил

на гальку, галька – вниз, и он упал. А тут ракета – светло, и он увидел нас. Но крикнуть не успел. Рывок, бросок, всем телом на голову ему. А Вася за ноги стащил нас с немцем вниз. Леня поясом скрутил. Кляп забили, закрутили, руки за спину, связали, как бревно подмышки взяли – понесли. «Язык» риск и старанья наши оправдал – такую информацию узнали, что вряд ли б удалось нам раздоставть!

А утром командир солдат построил, и политрук вручил мне партбилет.

Пять дней стояли у Молочной, пять суток силились прорвать оборону врага.

Колодцев нет. Хотя стоим в жиже болотной по колено. Мучает жажда. И вот собираю у ребят фляжечки, котелочки и – была, не была – иду к реке. Глубока Молочная, да узкая.

На том берегу сидят солдаты армии противника. Смотрю на них и набираю воду. Они молчат. Один рукою машет в знак приветствия. Я тоже фляжки приподнял – смотрите, мол – питье, а не гранаты. И пошел. А по спине морозец – а вдруг у кого-то из них сдадут нервишки... Там, у воды, существовал на фронте неписанный закон – не стрелять. И нам, и им хотелось жажду утолить.

Пятый день – сплошной шквальный огонь. Что ж нам болота трупам мостить? Форсировать реку в ночи возможно, и насыпь одолеть тихонько тоже, но как преодолеть смертельный ров? Змеєю вьется у самых пастей дотов, дзотов. Противотанковый, глубокий, а по дну его уложен «капкан смерти».

Это густая спираль из колючей проволоки, которая обвивает жертву, опутывает, как липкая паутина, и не выпускает. Узкая полоска суши отделяет этот ров от речки. А жерла дотов расположены так, что углы радиусов их огненных посылов как бы перехлестываются, в накладку, и получается сплошная линия огня.

Командование ставит перед нами цель – ликвидировать хотя бы два дзота, сделать брешь во вражьей обороне. И опять втроем уходим в ночь. Переплыли речку – вот он, ров.

По ту сторону его бруствер обрывистой стеной. Упираемся в него дулом автоматов, осторожно, медленно, бесшумно переставляем ноги – метр, и переносим ствол вперед на полметра. Влево оступись – вода заплещет, вправо – срыв, смертельная спираль.

А за спиною, по колену в жиже, стоят в окопах, согнувшись, дивизии наизготове. И пот холодный по лицу струями, ни вытереть нельзя, ни шевельнуться – руки максимально ощущают, чтоб автомата дуло не вонзилось глубже и не соскользнуло, а следом – мы головою вниз. Ноги каждой мышцею опору ищут, равновесие – еще полшага, шаг. Минуты – вечностью. И вот он, перед нами, дзот. Открыта дверь. И при слабом освещении, опершись на стол, спокойно спит дежурный немец. Он уверен – к дзоту никому не подойти. Первым по ступенькам спускается Вася, как бестелесная тень.

– Взмах, расчет, сверкнула сталь стрелой. Фриц обмяк, и крикнуть не успел. Какая ж точная у Васеньки рука! Спускаюсь по лесенке и я. О, как же тут тепло, как тут уютно. Двухъярусные нары. Немцы спят, как дома – в белье нижнем! И зацепил ногою за ведро я. Упало, звякнуло ведро. Вася пулей выскочил наружу, а я под лестницу шмыгнул.

А с нар прыгнули двое и сразу к телефону: «Русские тут! Тревога!». Их очередью короткой успокоил мой автомат.

А по дзотам лупили свои же фрицы. Я выскочил. Зову ребят, мечусь возле дзотов. Вдруг – стон, я – туда, а там раненный Вася. Я склоняюсь к другу помочь, перевязать, остановить кровь, а друг сквозь зубы:

– Да пошел ты... Доты взорви, доты... Быстрее! Наши ждут!

И тут я сразу отрезвел от жалости и страха – рванул к дзотам, установил зарядку, выскочил, и – взлетели в воздух тучи обломков, дыма и огня! И в линии сплошного огня, где мы – зияла брешь.

И в эту узкую брешь, с рокошущим раскатом грома «Уурраа!», ринулись наши дивизии!

Дрались жестоко и отчаянно!

Ночь перешла в рассвет, рассвет сменился днем.

Команда – закрепиться на новых рубежах. Враг отступил. Бруствер и ров – вся округа усеяна трупами. Воды Молочной стали темно-бордовыми, и обмелело дно. Был день шестой.

Михаил Семенович вдруг замолк, встал из-за стола, склонив печально голову.

Я поняла. И тоже встала. Так минутой молчанья мы почтили память отцов, братьев – Сынов Отечества, чей прах навечно стал дном реки Молочной.

– Уважаемый Михаил Семенович, Вам скоро 90. За плечами – огромный багаж опыта, наблюдений, выводов. Чтобы Вы, с высоты долгих лет, пожелали тем, в чьи руки передаете этот Мир, его Свободу, омытую и Вашею кровью и потом?

– Мира. И чтоб соблюдали справедливость, совесть, взаимоуважение и Правду. Это главные условия, без которых не возможен ни Мир, ни Радость жизни.

Распрощавшись с гостеприимным хозяином, я направилась к второму участнику боев за Донбасс – к **ГРОМОЗДА ЯКОВУ ЛУКИЧУ.**

Опрятный домик по улице им. Крупской. Орех у калитки разросся шатром. Под ним на колоде, сидит пожилой человек.

Приятная улыбка, приветливый взгляд. И повеяло вдруг из минувшего дальнего чем-то близким таким и знакомым – так смотрел на меня отец, всякий раз радуясь редким встречам...

И забилося сильнее вдруг сердце в груди, накатились волной жалость с нежностью, запылала душа, затревожилась, мысли бурной волною нахлынули – предо мною стоял настоящий, живой, той Великой войны и Победы солдат!

- Дорогой Яков Лукич, Вам уже 91 год. Не тяжелы ли будут для вас воспоминания? Как самочувствие?

– А знаете, – сказал после паузы собеседник, – может, даже это и здорово – еще разок всю свою жизнь сопережить? Школьные годы, кружки ДОСААФ и ОСАВИАХИМА.

А в 38-ом, окончив 8 класс, пошел учеником токаря на Харцызский трубный завод. Вместе с отцом. Он у нас участник еще Первой мировой войны.

Приобрел навыки и нас, бригадой в 17 человек, направили в Сталино, так тогда назывался нынешний Донецк, на авиазавод № 73. И вытачивали мы доньи, это такие кругленькие детальки для снарядов, типа запальников.

А тут – война. Завод вместе со старшими специалистами эвакуировали в Магнитогорск, а нас, молодежь, на рытье окопов. Мы роем рвы и траншеи, а в город уже вошли немцы.

Вот что тяжело вспоминать, так это оккупацию. Радостно вспоминать, как встречали мы своих освободителей – солдат родной нашей Армии – в сентябре 1943 года!

Утром, 5 числа, встретили, а к вечеру всех, кто способен воевать, собрали, построили группами и маршем за город Зугрес. Там на базе выдали нам шинели, оружие, и пошагали до Сталино. Тут и сразу вступили в бой, освобождая город и Донбасс.

Тут и начались, как говорят, бои местного значения. А пули и снаряды такие же, как и в сражениях при стратегических операциях. А 8 октября получил первое ранение в правую стопу. Направили в Сталино, в госпиталь. Подлечили – и на фронт.

Наступали – отступали, Приазовье, Краснодарский край. Тут меня как садануло в спину, так через кишечник вылетело и в автомат врезалось, покоробив приклад. И опять госпиталь. Думал – конец. Нет. Прооперировали. Ведь у меня кроме автомата, на моей ответственности три «Максима». В слякоть и при переправе через озерце, реку – на плечо, и несешь. А ведь в нем в каждом почти 80 килограмм.

Подлечили – и на фронт. Гнали фрицев мы на Запад. Бои, бои, бои...

Движемся к границам Чехословакии. И тут, под географическим центром Европы, Рахово, меня в атаке

скосило в третий раз. Сквозное ранение бедренной кости.

Шел март 45-го года. Нас, тяжелораненых, отвозят в Прагу, в госпиталь.

Тут и встретил Победу. Подлечили, комиссовали, и – в свою дивизию. И вместе еще с двумя дивизиями – на Восток, домой! Своим ходом.

По городкам шли строем и с песнями. По селам – вольно. И так до самого Львова.

– Даааа... Одно дело читать о войне, другое дело заставить себя оторваться от земли и бежать навстречу смерти, чтоб защитить родную эту землю от врага.

Одно дело знать – сколько погибло, другое дело – видеть своими глазами и своими руками закапывать землю трупы своих друзей...

– Один мой брат погиб под Киевом. Второй – под Сталинградом. Третий, как я, весь изрешеченный, раньше времени умер от ран. А я, как видите, жив. Вот и радуюсь солнышку, саду, вот этим кисточкам винограда, вот – встрече с вами, нашей беседе... Радуюсь, что мое государство 67 лет хранит Мир, завоеванный нами.

– Яков Лукич, что бы Вы пожелали настоящим и будущим потомкам?

– Эх! Как же я хочу пожелать всему земному Миру научиться жить без войн! Ценить жизнь! Уважать друг друга. И помнить о мужестве гвардии рядовых во имя Родины! Мир, отвоеванный и отстроенный, оставляем вам!

От автора: воспоминания ветеранов даны в сокращении. Полный текст – в книге «Дети солдат Победы»

Беседу вела – О. Гладнева, филолог, автор-составитель книг «Война глазами детей» (2008 г.), «Дети солдат Победы» (2013 г.), председатель Совета ОО «Забота о детях военного времени и мире».

Юрий Кошелев

СУДЬБЫ...СУДЬБЫ...СУДЬБЫ...

Курган Саур-Мои́ла редко остается безлюдным. Разве что ранним утром, когда туман разбрасывает искринки росы по степной траве, а восходящее солнце нежно отдает ее небу.

Это место как магнитом притягивает людей. Куда бы они не спешили, но хотя бы на пять-десять минут останавливаются, чтобы отдать почести ее славным защитникам.

А вот когда остаешься сам и стихает за бугром рокот двигателя одинокого грузовика, тогда набираешь полную грудь степного ветра и начинаешь слышать.

И слышишь ты, как перешептывается между собой трава, рассказывая тебе, как рвались ее корни под шквальным огнем. Как раскалывались, ставшие для нее родными, чугунные барельефы. Как пытались сломить так ненавистный для врага обелиск, думая, что с его падением сломят дух Донбасса.

Восточный ветер, облетая курган, пересказывает тебе разговоры между навечно сложивших голову его защитников: «Слышь, дядька, помяни добрым словом. Мы достойны дедов наших. Не отступили. Не бросили. Огонь зывали на себя. А имя нам - Медведевцы, и знаем мы, что расцветет всеми красками наш край...»

Притихнет ветер и тихий звон начинает ласкать твой слух. Он ото всюду, звенит и небо, и гора. Звенит все громче и громче, начинает пульсировать, и ты понимаешь, что слышишь стук сердца Донбасса. Понимаешь, почему тут всегда так многолюдно.

Сколько загубленных судеб, сколько выплаканных материнских слез с той и этой войны, казалось бы, скорее прогнать из памяти все те ужасы, но как только выпадает возможность посетить святыню – попробуй кому сказать, что в автобусе места нет.

А это потому, что все хотят услышать этот стук. Подстроиться под эту частоту. Притронуться ладонями к

земле, где чувствуешь, что в этом месте начинается Родина.

И понимаешь, как смертельно звучит этот стук для врага. И становится особенно жаль морально глухих, кто оборвал связь с этим святым местом. Не жаль лишь тех, за деньги пришедших убивать.

Они просто не понимали, что стук сердца Донбасса не возможно заглушить. Что на смену павшему, придут десять других. Что непокоренный, это не просто слово, а это наша жизнь.

Все. Выдох. И колени сами преклоняются к земле.

Эх, ребятаки, в долгу большом мы перед Вами.

Но мы помним. Мы при каждой возможности приходим к Вам. Отобьемся, отстроим, наладим, и станем еще больше едины. А пока мы едины – мы, НЕПОБЕДИМЫ.

Вот где герои!!!

Вот кому слава!!!

Ура Донбассу!!!!

Ярослав Головченко

ПОБЕДНЫЙ АВГУСТ САУР-МОГИЛЫ

Стоит в среднем течении Мауса высокий одинокий холм – Саур-Могилы. Далеко видны просторы с него, до самого моря Азовского. С древних лет эта гора служила ориентиром проезжим и проплывающим. Была эта гора еще и сторожевым курганом. Отсюда следили за приближением врагов.

Начиная войну, фашисты уделяли особое внимание захвату Донбасса с его запасами угля и развитой промышленностью, в результате чего в 1941 году и был оккупирован.

Операция по прорыву Миус-фронта началась в ночь с 16 на 17 июля 1943 года с мощной авиационной и артиллерийской подготовки, после чего подразделения 5-й Ударной Армии перешли в наступление. Атака советских войск была успешной, части РККА вышли на окраины Мариновки и к высоте 213,9, сумев продвинуться на 2-6 км. Также 18 июля 4-я и 5-я Гвардейские механизированные бригады полностью очистили

от противника населенные пункты Степановка и Мариновка, Саур-Могильский и вышли к подножию Саур-Могилы. Немцы пытались контратаковать, но отступили.

В ночь на 30 августа группа разведчиков 96 стрелковой дивизии под руководством младшего лейтенанта Шевченко смогла пробиться на вершину кургана Саур-Могила и занять там оборону. В течение дня 12 раз немцами предпринимались попытки атаки. Младший лейтенант погиб. Место командира занял старшина Кораблев. Немцы прекратили атаки и начали отступление. 1 сентября на высоте был водружен красный флаг. Захват ключевого опорного пункта открыл частям Красной Армии дорогу на Иловыйск и Харцызск. Миус-фронт был прорван, советские войска продолжали наступление на запад, началась Донбасская наступательная операция. Расчеты немецко-фашистского командования на неприступность обороны на реке Миус не оправдались. Советские войска прорвали мощные укрепления противника. С потерей Миусского рубежа рухнула вся система обороны врага на юге.

Освобождение Донбасса имело большое военное, экономическое и политическое значение. Прорыв Миус-фронта еще раз показал всему миру мощь и силу советского оружия, способность советских войск добиваться победы в любых условиях.

В сентябре 1943 саперная рота соорудила на вершине Саур-Могилы обелиск в честь героев, штурмовавших легендарную высоту. Сразу же после окончания Великой Отечественной Войны на Саур-Могиле был поставлен памятник: шестиметровая пирамида из местного известняка, увенчанная сверху красной звездой. Молчаливые пирамиды с красной звездой встали вдоль всего бывшего Миус-фронта. В каждом селе, которое лежало на пути прорыва, горят, горят красные звезды на братских могилах. Обелиски, обелиски на лесных опушках, у степных дорог. Представители всех национальностей сражались на Миусе. Их объединяло, вело на подвиг чувство любви к Родине, чувство верности своему народу.

В 1963 году горняки Снежного решили создать фонтан для сооружения памятника на Саур-Могиле. В сентябре

1967 года памятник был открыт. На самой верхней точке Саур-Могилы вознесся 36-метровый обелиск из гранита. На обелиске надпись: «Освободителям Донбасса – воинам Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.»

У подножия кургана оборудована нижняя смотровая площадка. На ней выставлена боевая техника военных лет. Самоходная артиллерийская установка, корпусная пушка, гвардейская реактивная установка «Катюша», зенитная, противотанковая пушки, миномет. На высоком постаменте замер прославленный Т-34.

От смотровой площадки на высоту ведет высокая лестница. По правую сторону от нее четыре пилоны. Они посвящены разным родам войск – пехотинцам, танкистам, артиллеристам, летчикам. Скульптурные композиции, горельефы, пилоны, надписи на них рассказывают о мужестве и стойкости советских воинов, во многом отражают реальные события.

На первом пилоне пехотинцы показаны в момент атаки. Бросается вперед автоматчик. Другой боец занес гранату, весь напрягся. Третий гвардеец готов открыть огонь из ручного пулемета. На правом фланге атакующей пехоты командир с группой смельчаков. Он тяжело ранен, сорвал с себя окровавленную рубашку и поднял как знамя. Это подвиг младшего лейтенанта Г. П. Шевченко.

Второй пилон показывает момент танкового боя. Вот два танкиста, один из них поддерживает раненого товарища. Солдат богатырской силы бросает связку гранат под гусеницы вражеского танка.

Третий пилон посвящен артиллеристам. Девушка с телефонной трубкой внимательно принимает и передает команды. Наблюдатель смотрит в бинокль. Подносчик снарядов готов в любую минуту передать заряжающему снаряд. Артиллеристы разворачивают пушку, чтобы дать отпор атакующим танкам противника.

Четвертый пилон славит советских летчиков. Авиамеханик подвешивает к самолету бомбу, руководитель полетов говорит в микрофон, два летчика наблюдают за воздушным боем над Саур-Могилей.

На каждом пилоне выдержки из приказа Верховного Главнокомандующего о присвоении пехотным, танковым, артиллерийским, авиационным частям названий донецких городов, которые они освобождали от гитлеровцев.

У самого обелиска в круге, увенчанном дубовыми листьями, горит Вечный огонь.

Внутри обелиска комната боевой славы. Здесь выставлены картосхемы боев за высоту.

Есть на Саур-Могиле и свидетели жарких боев. Это обугленный дуб на южной стороне кургана и два дерева у подножия. Появились и зеленые памятники героям боев на Миус-фронте. Это молодые березки, клены, вязы и дубки.

Тысячи людей собираются на Саур-Могиле в День Победы 9 мая и в День освобождения Донбасса – 8 сентября. С вершины кургана открывается панорама донецкого края. Разбегаются во все стороны сады и лесопосадки, синеют терриконы шахт Снежного, Тореза, Красного Луча, маячат трубы Амвросиевского цементного комбината. В погожий день отсюда можно увидеть солнечные блики на зеркальной глади Азовского моря.

Все тихо, спокойно вокруг. И вдруг раздается голос Левитана: «От Советского информбюро...». Звучит записанная на магнитную пленку передача военных лет. Войска южного фронта ведут тяжелые бои на Миусском рубеже. Рвутся бомбы и снаряды, трещат пулеметы и автоматы. И все снова встает перед глазами тех, кто воевал. И снова клянутся младшие поколения быть верными наследниками боевой славы старших поколений.

И в праздники, и в будни идут и идут к легендарному кургану люди, чтобы поклониться светлой памяти тех, кто сберег для них сегодняшний день: и счастье быть вместе с любимым человеком, и радость воспитывать детей и мирно жить и трудиться.

Высоко и светло небо над Саур-Могилей. Донбасс стоит на страже мира, на земле.

Александр Гросов

ПАМЯТНИК БЕССМЕРТИЮ

...У подножия Саур-Могилы марево. Туман оседает росой на травах степи донецкой и застывает скупой слезой на щеках пришедших.

Стоят ветераны у Саур-Могилы, низко склонив головы. Их, загасивших огнище войны, осталось совсем немного. Но именно они знают цену жизни, дружбе, подвигу. Эта высота 277,9 для них – как родник, источник, призывающий молодое поколение к будущему без войн.

Люди, дружите! Народы, будьте терпимы друг к другу, цените мир. Это говорим вам мы, убеленные сединами солдаты. Героически сражавшиеся в годы Великой Отечественной войны здесь, у Саур-Могилы, ставшей символом подвига советских воинов.

...В период с 3 по 17 августа 1943 г. армии Южного фронта пополнялись личным составом, вооружением, боевой техникой и готовились к новым боям в рамках Донбасской стратегической операции. Главный удар наносился силами трех армий – 5-й ударной, 28-й и 2-й гвардейской. На участке прорыва фронта сосредотачивалось до 2-х тысяч орудий и минометов, не считая полковой и противотанковой артиллерии. Такое количество позволяло создать плотность до 93-х орудий на участке прорыва.

Уставшие воины отдыхали, чутко прислушиваясь к эпизодическим перестрелкам. Среди них находился и наш земляк Яков Филиппович Листопад. Сейчас он лежал на сухой траве и вспоминал самые различные моменты своей жизни. Лицо его словно изнутри озарялось чистым легким светом, морщинки разглаживались, губы расплывались в улыбке. Боец заново переживал свои шалости и насмешки, которые он когда-то делал без злобы и желания кого-то обидеть. Он совершал это просто потому, что так интереснее было жить. Его проделки походили на солнечный луч, который по

утрам щекочет нос, от чего чихают и просыпаются, тянутся в постели, глядя в окно, и замечают какое нынче чистое небо с катящимся по нему нестерпимо ярким шаром солнца. А уже утром Яков стремительно летел на танке через проложенные саперами проходы в минных полях. Пыльная завеса стала совсем густой, и, чтобы не потерять ориентиры, он вылез из боевой машины и пошел впереди. Так он продвигался почти до самых вражеских окопов, пока не получил пулевое ранение. На танкоопасном направлении отважно сражалась и батарея дончанина И. Ф. Юнды, подбившая в бою против 11 танков противника – 7. Благодаря таким героям как Я. Ф. Листопад и И. Ф. Юнда, уже в первый день фронт был прорван на глубину до 9 км.

В эти дни солнце палило невыносимо и силы советским воинам прибавляли только животворные местные родники и колодцы. Алексей Андреевич Боркунцов из с. Григорьевка, лежащего на подступах к Саур-Могиле, вспоминает: «Мы не уставали встречать и провожать советских солдат, а вода в колодцах не успевала пополняться».

29 августа подразделения 96-й гвардейской стрелковой дивизии подошли к западным скатам Саур-Могилы. 291-й и 293-й гвардейские стрелковые полки после овладения селом Саур-Могильский к середине дня вышли к юго-восточному и южному склонам высоты. В этих страшных боях достойно проявил себя и будущий пастырь душ человеческих в храме с. Воровка под Енакиево Михаил Илларионов. «Ночь. Только небо дымчатое и луна. И я стал на все четыре стороны кланяться. Перекрестился и прошу у Бога: «Господи, хоть бы мне еще раз родных после победы увидеть, хоть бы пожить в мирное время годка три!» Михаил и многие другие бойцы и командиры были твердо убеждены, что вера не только помогает остаться человеком, но и спасает жизнь. Война ведь страшна тем, что кроме черствости человек становится безразличным, когда кровь – уже обыденность.

Наиболее удобными для наступления на высоту были пологие восточные и северные склоны. С юга и запада

склоны были крутые и практически недоступные для техники. Северный склон находился в глубине обороны противника, с востока – плотная оборона противника. Фашисты в эти дни наносили ряд жестоких контрударов по советским войскам. В частности, они нанесли удар по дивизиям, ведущим бои у сел Дмитриевки и Степановки (4–8 км восточнее высоты «Саур-Могила»). 30-31 августа противник нанес контрудар по войскам 5-й ударной армии и несколько потеснил части Красной Армии. Однако успешное продвижение частей 96-й гвардейской стрелковой дивизии создало угрозу выхода ее в тыл фашистских войск, ведущих бой восточнее города Снежного. Немцы подтянули резервы и после шквального огневого налета перешли в контратаку, в ходе которой оттеснили части дивизии к селу Саур-Могильский. Большого в ходе боя фашисты не достигли, но советскому командованию пришлось по-новому организовать наступление. Под покровом ночи группа бойцов из 293-го гвардейского стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта Г. П. Шевченко, уроженца города Горловки, обойдя позиции противника с юга, сумела выйти на высоту и закрепиться на ней. Но когда рассвело, то гитлеровцы обнаружили на высоте разведчиков и открыли по ним огонь из всех видов оружия. В атаку на них пошли вражеские автоматчики, танки, самоходки. Тяжело был ранен Г. П. Шевченко. Тогда, чтобы воодушевить атакующих снизу высоту советских бойцов, разведчики укрепили на верхней точке высоты импровизированное знамя – смоченную кровью рубашку командира. Оно развевалось под ветром и призывало к мести! Для удержания высоты 277.9 командованию частей и дивизии необходимо было перейти на ее скаты и оттуда руководить боем. Ночью защитники расположились на склоне кургана, обращенного к противнику. Для наблюдательного пункта командованием была выбрана каменная щель. Выше был оставленный вражеский блиндаж, в котором разместился наблюдательный пункт заместителя командира 96-й гв.

стрелковой дивизии полковника А. А. Сошальского. Утром 30 августа в 5.20 на высоту вышел 1-й стрелковый батальон. 293-го гвардейского стрелкового полка, в 8.30 – батальоны 291-го гвардейского стрелкового полка, наступая вдоль западной опушки леса южнее высоты, а в 9.00 с юго-запада на Саур-Могилу вступил 295-й гвардейский стрелковый полк. Выход дивизии на высоту в момент, когда немецкие части вели бои в районе сел Степановка и Дмитровка, 5–9 км юго-восточнее, создавал угрозу флангового удара для фашистов. С целью ликвидации угрозы продвижения частей 96-й гв. стрелковой дивизии противник уже с 11.00 30 августа начал плотный артиллерийский обстрел и стал предпринимать отчаянные контратаки. Немецкая артиллерия вела огонь с такой интенсивностью, что высота была закрыта висевшими в воздухе клубами пыли, поднятыми взрывами. Под прикрытием такого артогня фашисты, при поддержке самоходных орудий, неоднократно переходили в контратаки, не давая возможности подразделениям дивизии выйти на северные скаты высоты для развития наступления. К исходу 31 августа бой стал стихать, а ночью немцы, не имея более возможности сдерживать натиск советских войск, оставили позиции и отступили. Высота 277,9 была триумфально взята! С утра 1 сентября «Миус-фронта» как такого больше не существовало. Позднее командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн писал в своих мемуарах: «Мы любой ценой должны были избежать опасности, выразившейся в том, что наши части в результате глубоких вражеских прорывов могли быть отрезаны и могли разделить судьбу 6-й армии в Сталинграде».

...О, Саур-Могилы, вершина всеобщей любви и славы, гордость и боль моя! Только в боях за нее войска 5-й ударной армии потеряли 23 238 солдат и офицеров. Склоним же головы и будем вечно помнить о Великом солдате Великой Отечественной войны!

...Первый памятник на Саур-Могиле был поставлен после войны. Это была пирамида из местного известняка, высота

которой составляла шесть метров. Наверху пирамиды была установлена красная звезда. Вокруг пирамиды – площадка, окаймленная цепью. По углам стояли пушки, оставшиеся после местных боев.

19 сентября 1967 г. был открыт новый памятник. На вершине кургана установлен обелиск из железобетона, облицованный гранитом, высотой 36 метров... У подножия – чугунная скульптура советского солдата высотой 9 метров, обращенного лицом на запад. С левой стороны мемориала высечена надпись: «Берегите, берегите, берегите мир!» С правой стороны лестницы расположены четыре пилоны, каждый из которых посвящен одному роду войск: пехоте, танковым войскам, артиллерии и авиации. На боках пилонов отмечены наименования войсковых частей и соединений, которые принимали участие в освобождении Донбасса. В 1995 году у подножья Саур-Могилы по инициативе и при непосредственном участии ветерана Великой Отечественной войны И. И. Кулаги был открыт Блок Памяти, на котором отлиты более тысячи фамилий воинов, погибших на дальних и ближних подступах к Саур-Могиле. В 1998 году рядом с Блоком Памяти на средства казаков установлен Поклонный Крест.

Но в августе 2014 г. важную высоту попытались взять украинские каратели. И во время боев с оборонявшимися ополченцами мемориал был практически разрушен. В настоящее время согласно плану реконструкции комплекс будет полностью возрожден, но его левую сторону теперь посвятят нынешней войне. А его составной частью станет открытие 8 сентября 2017 г. тринадцатиметровой православной поминальной часовни. И курган «Саур-Могилы», с которого так далеко и много видно, и где так вольно поется, снова стрелой вознесется в поднебесье и святыней засияет над всем Русским миром!

Ольга Губарева

50-летию Мемориального
комплекса «Саур-Могила»
посвящается...

КУРГАН ДОНБАССКОЙ СЛАВЫ

«В родных местах и солнце ярче светит...»

Один из героев фильма «Не могу сказать прощай» сказал: «Может, и есть на свете места краше, да не наши. Пусть возвращаются люди к истокам своим». Вот и автор этих строк, увидев красоты мировых городов-музеев, всякий раз думала: «Только домой, только дома я все смогу». Улицы и памятные места Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи, Тулы, Риги, Севастополя, Ялты, Берлина, Лейпцига, Дрездена остались лишь в памяти и на фотографиях. Непостижимым образом всегда завораживал и был интересен родной Донбасс с его терриконами, перелесками, речушками с ивами на берегах, бескрайними степями, где раскачивается от ветра седой ковыль, катится перекасти-поле, благоухает тимьян. Здесь зачаровывает пение жаворонков и поднимающиеся ввысь ароматы разнотравья.

«Донбасс никто не ставил на колени
и никому поставить не дано!»

В 1941 году наш родной край, как и всю огромную страну, постигла несказанная беда – началась Великая Отечественная война. Из истории наиболее известно создание «Миус-фронта». С 30 октября 1941 года по 17 июля 1942 года фронт, протяженностью 375 км, стоял на Миусе, начинающемся близ Дебальцево. Эта степная речушка впадает в Азовское море. Миусский рубеж враг постарался сделать неприступным. Глубина его достигла более двадцати километров. Правый берег Миуса, который занимали гитлеровцы, выше левого и имеет много обрывов, высот, оврагов. И эти условия максимально использовали

захватчики. Все эти высоты оцетинились дзотами, боевой техникой. В нескольких километрах за передней линией возвышалась Саур-Могилы – курган близ города Снежное. Это был главный наблюдательный пункт врага.

В конце лета 1943 года Южный фронт начал операцию по освобождению Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. Макеевский медработник Мария Ивановна Скворцова в начале 90-х годов прошлого века вспоминала: «Во время войны я училась в медицинской школе Чистякова (ныне Торез). Во время оккупации землю нашего родного Донбасса топтал кованый фашистский сапог. Этому надо было положить конец. Однажды, придя домой после учебы на выходные, я увидела такую картину. Пылает костер, а зубоскалящий фашист хватает одного из малышей и грозит бросить в пламя. Надо ли говорить о том, как был испуган ребенок. Бросаюсь к немцу и выхватываю мальчишку из его лап. Чем могло грозить это мне, шестнадцатилетней? Но в столь жуткий момент об этом не думалось». Началась Миусская стратегическая наступательная операция советских войск. Они продвинулись в сторону легендарной Саур-Могилы и в ходе ожесточенных боев взяли ее.

Ольга Губарева

ТВОИМ ОСВОБОДИТЕЛЯМ, ДОНБАСС

Автор этих строк побывала на торжествах, посвященных 63-й годовщине освобождения Донбасса, проходивших на Саур-Могиле. Увидела даже сохранившийся ствол дерева, росшего на знаменитом кургане в годы военных сражений. В память о подвиге воинов на Саур-Могиле многочисленные посетители мемориального комплекса украсили неживой, растрескавшейся от времени ствол ленточками и монетами. Это своеобразный знак, посланный современными поколениями: «Мы помним». Люди фотографировались у взмывшей ввысь стелы со скульптурой советского автоматчика. Развивались на ветру многочисленные стяги, звучала музыка военных лет

и, словно наша живая память, искрились громадные цифры «1941–1945» «Мы помним».

Хотя ныне, после своего полувекового юбилея, Мемориальный комплекс «Саур-Могила» нуждается в полном восстановлении после страшных последних событий 2014 года, народную память о ратном подвиге дедов и прадедов не убить.

В нынешнем сентябре героическая Саур-Могила вновь встречает потомков защитников Донбасса.

При подготовке этих заметок автором использована книга Ф. И. Прудникова «Саур-Могила».

Наталья Задорожная

ТАМ, ГДЕ ПРОХОДИЛИ БОИ

«Ты припомни, Родина, как все это было, как полжизни ушло у тебя на бои».

*Только соприкоснувшись
с подвигом победителей,
можно осознать, что такое
война, что такое мир.*

Издалека видна Саур-Могила, с какой стороны не подъезжай, откуда ни подходи. Легендарный курган гордо возвышается над горизонтом, а рядом несет свои тихие воды река Миус. Издали ее не видно: она вытекает из лощины на равнину, послушно изгибаясь дугой, спокойно течет на юг, к Азовскому морю. Речные берега радуют глаз живописными видами. Но у этой степной речки громкая боевая слава. Здесь проходил один из рубежей Великой Отечественной войны – Миус-фронт. Осенью 1941 г. на этом рубеже больше чем на 8 месяцев был остановлен враг, а летом 1943 г. в битве за Донбасс тут ему был нанесен сокрушительный удар.

Начиная с февраля 1943 г. от Азовского моря до верховья р. Миус гитлеровцы стали укреплять мощный оборонительный рубеж, накапливать живую силу и технику. Газета «Правда» в сентябре 1943 г. так описывала этот рубеж: «Четыре линии

обороны, связанные между собою бесконечными ходами сообщений, цепи дотов и дзотов по всему фронту и во всю глубину, пулеметные гнезда и гнезда подвижной артиллерии, взаимно прикрывающие друг друга, создающие многослойный огонь – «крабы» – кочующие глухие доты из стали, с особой аппаратурой, регулирующей поступление воздуха; траншеи, выдвинутые вперед; проволочные заграждения и минные поля, управляемые и мертвые, – все это дьявольское нагромождение войск и техники, ввинченной в камень, врытой в землю называлось «Миус-фронтом». Особое значение имела высота, обозначенная на фронтовых картах как 277,9 или Саур-Могилы, ставшая связующим звеном всей обороны гитлеровцев, ей они придавали исключительное значение. Этот курган, возвышающийся над уровнем моря на 277,9 м, господствует над всей окружающей местностью. Подступы к этому историческому кургану просматривались на расстоянии до 30–40 километров. Летом 1943 года он стал камнем преткновения во время прорыва Миус-фронта – линии обороны вермахта по одноименной реке. В июле советское командование провело наступление, поначалу развивавшееся успешно, но в итоге остановившееся на рубеже, включавшем, собственно, и сам курган. Причина, по которой генерал Толбухин бросал своих лучших солдат на штурм Саур-Могилы, очевидна: великолепный обзор с высоты. Ровная, как стол, местность открывает виды на десятки километров, в ясную погоду с Саур-Могилы можно увидеть даже Азовское море, до которого 90 верст. Таким образом, владеющий высотой может вести наблюдение и корректировать огонь артиллерии на огромную глубину в режиме реального времени.

Ночь на 18 августа 1943 года была тихая. Готовился прорыв Миус-фронта советскими войсками. Ждали своего часа 1500 орудий и минометов, самолеты 7-го авиационного корпуса. Их цели были определены заранее. Разведчики уже доставили нужные сведения. С рассветом началась часовая артиллерийская подготовка. Не успел прекратиться шквал артиллерийского огня, как над передним краем противника понеслись «илы». Еще длилась бомбежка, а уже двинулись танки. Навстречу свинцовой

метели поднялась пехота. В первый день штурма фронт был прорван на глубину 8–9 километров. 19 августа наши войска вплотную приблизились ко второй полосе обороны противника. Прорыв достиг 24 километров в глубину и до 16 километров по фронту. Шаг за шагом советские воины продвигались вперед.

В решительное наступление части дивизии перешли рано утром 27 августа 1943 года. Несколько суток шли ожесточенные бои за высоту. Высота была взята. Это было в полдень 30 августа 1943 года. Но сравнительно легко было захватить высоту, да трудно ее удержать. Подтянув артиллерию, противник буквально засыпал курган снарядами. Кругом разлетались бесчисленные осколки снарядов, камни, сея смерть и разрушения. Под губительным огнем противника батальоны полков 96-й гвардейской стрелковой дивизии вынуждены были сползти к подножию кургана. Гитлеровцы выдыхались, а советские войска усиленно готовились к штурму. Высота по несколько раз в сутки переходила из рук в руки. В эти дни 30 и 31 августа наши воины отбили более 20 атак фашистов, но Саур-Могилу не отдали. Ночью 31 августа гитлеровцы, оставляя раненых, стали панически отходить. Саур-Могила – она стояла черная, страшная. Вся зелень на ней сгорела. Тысячи мин и снарядов взрыли ее склоны. В утренней дымке на рассвете 1 сентября на вершине высоты развевался красный флаг. Ворота в Донбасс были открыты. Начался стремительный бросок войск Южного фронта в Донбасс...

Нина Коровина

ПАМЯТЬ...

Еще каких-то 20 лет назад я со своим Ваней каждый год приезжала туда, где встретила свою первую любовь (Ваню). И хотя это были военные годы, середина войны, любовь была единственная и, как говорят классики, с первого взгляда. Это место особенно чтят жители Донбасса, ведь это героическая Саур-Могила.

Я – русская 19-летняя девушка, которую война вырвала со студенческой скамьи Воронежского медицинского института; Ваня – украинец, работал на Харьковском тракторном заводе. Наша встреча была предначертана свыше, но все по порядку.

Память... Говорят, что все плохое нужно забывать. Война – это ведь плохое, ужасное, страшное слово. Но как забыть?! Как забыть миллионы погибших, десятки тысяч сожженных городов и сел, тысячи осиротелых детишек, разрушенные мечты, судьбы...?!

Память...

Я снова и снова возвращаюсь в август 43 года на Саур-Могилу. Эти дни не могу, нет, не так, нельзя вычеркнуть из памяти.

С первых дней войны я попала в полевой военный госпиталь, с ним прошла от Москвы и до Праги. В наше мирное время молодежь мало имеет представление, что такое полевой госпиталь. Хотя название звучит достаточно солидно, по сути своей, это чаще всего были несколько крупных палаток, которые легко раскладывались или собирались, чтобы госпиталь мог быстро последовать за бойцами. Менялись названия: эвакогоспиталь, полевой передвижной, терапевтический полевой передвижной, но задание оставалось одно: как можно скорее вернуть здоровье воинам, а фронту – солдат.

Тяжелейшие бои за Саур-Могилу проходили в июле-августе 1943 года. Я впервые познакомилась с Донбассом. Тогда он мне показался суровым краем: голая, выжженная снарядами степь, высокие одинокие холмы, которые оказались терриконами, 40-градусная жара и постоянные ветры. Это потом, в мирное время, я влюбилась в эти безбрежные степи, покрытые ковром полевых цветов, в красно-оранжевый закат на фоне терриконов-великанов, в этот трудолюбивый донбасский край.

Наш госпиталь базировался в местной школе села Мариновка. Просторные классы переделали в палаты. Прибыло новое пополнение медсестер, совсем еще девочки, 17–18 лет. Мне тогда было почти 22 года и я себя считала уже опытной. Но, несмотря на свой юный возраст, эти «сестренки»,

так их называли бойцы, выносили с поля боя тяжелораненых, стояли у операционного стола по 26 часов в сутки. Да, я не ошиблась, 26 часов бледные, худые, часто голодные, потому что невозможно было сделать даже обеденный перерыв во время крупных наступлений, с отеками и распухшими ногами, но стояли до конца, до последнего раненого.

18 августа 1943 года в 6 часов утра началось масштабное наступление. Накануне перед бойцами выступили командиры о важности освобождения угольного края, но это было излишне, ведь солдаты и так рвались в атаку, вперед, выбить врага с родной земли. Сила бойцов была в их злости, ярости, ненависти к фашистам, и их злость была во сто крат сильнее слов командиров. Каждый ждал наступления.

Вперед! Сначала начала артиллерия, потом включилась авиация, и, наконец, поднялась пехота, пошли танки. Земля так гудела, что казалось вот-вот уйдет из-под ног. Небо от разрыва снарядов стало черным, это был уже не день, а ночь.

Все это нереально, неправдоподобно. Как во сне. В кошмарном сне. Сознание отказывалось верить тому, что видят глаза и слышат уши. Казалось, что все это сейчас закончится, снова будет тихо, снова будет голубое небо. Сейчас... Сейчас все пройдет...

Теперь, согласно приказу, надо ждать. Ждать, когда принесут, приведут раненых или вызовут туда, где без перерыва трещат очереди, глухо рвутся гранаты.

Вскоре к нам лавиной пошли раненые. Не было одинаковых ран. Самые тяжелые в голову и живот. У некоторых хребет перебитый – движутся только руки и больше ничего. Зрелище не для слабонервных, некоторых новых «сестричек» рвало от увиденного. Но на войне привыкаешь ко многому.

Теперь мы почти не спали. Мы были постоянно среди бойцов. Эти искалеченные, израненные люди, представлялись мне каким-то монолитом. Они чувствовали себя временно вышедшими из боя, но готовыми в любой момент ринуться в сражение.

И вот когда пришла очередная партия раненых, мой

взгляд упал на бойца, даже не на него, а на его глаза. Тяжелое ранение, недвижим, в полусознании, но глаза... Куда бы я ни пошла, я чувствовала его взгляд. Во время операции каждый ведет себе по-своему: одни кричат матом, другие вспоминают родных, а он молчал, только следил затуманенными от боли глазами за движениями хирурга и мною. У нас были хирурги от Бога. Они подарили жизнь сотням людей. Пусть даже солдатики оставались без ноги, без руки, но зато живыми, зато их обнимет мать, зато их увидят дети, а кого-то и внуки.

После операции «глазастого», так я почему-то про себя назвала бойца, поместили не в мою палату (ночью мы по очереди дежурили у палат, а иногда в палатах, если особо тяжелые больные). И тут какая-то необъяснимая тревога закралась в мое сердце: «Как там, в палате, наш прооперированный «глазастый»? А вдруг девочки чего-то недосмотрят?» И я первый раз за всю войну нарушила приказ – оставила свой пост и наведальась к бойцу. Хорошо, что начальство не узнало, а то только выговором не отделалась. А мой Ваня (как его зовут я узнала позже) опять лежал с открытыми глазами, словно ждал меня. Увидев меня, он тихо сказал: «Спасибо, сестричка!» Почему именно мне, он так и не мог объяснить даже после войны.

Понятно, что мои частые посещения к одному бойцу не могли оставаться незамеченными. Нас стали дразнить «женихом и невестою». Иван не храбрился передо мною, он старательно лечился, выполняя все предписания врачей, все их назначения и советы. Он упорно и основательно готовил себя к возвращению в строй полноценным бойцом. За это я его уважала. А влюбилась, наверное, за его выразительные глаза.

Хотя Ваня не геройствовал, но он и его взвод были настоящими героями. Он был сапером. Еще ночью перед наступлением они сделали проходы для танков на минных полях. Но во время наступления в пыли танкисты не видели установленных для них вешек. Танки могли сойти в сторону от обозначенной дороги и подорваться. Тогда Иван поднялся во весь рост и стал указывать танкистам безопасный проход. Так на своем участке он провел танки через минное поле. Ни

один из них не подорвался. А Ваня был тяжело ранен.

Высота была взята. Враг отступал. Я со своим госпиталем продвигалась дальше за фронтом, Ваня был отправлен в тыл, а после выздоровления назначен офицером в военно-инженерном училище в Болшеве, где готовили курсантов-саперов. Встретились мы уже после войны и никогда не разлучались. Каждый год в августе мы приезжали на Саур-Могилу. Почему в августе, а не в праздничные майские? Да потому, что именно август нас соединил, потому что не было суеты, не было какой-то праздничной напыщенности, а были мы, молчаливый курган и тысячи наших братишек и сестер разных национальностей, которые не задумываясь отдали свою жизнь, защищая Родину.

Каждый метр на Саур-Могиле – это тысячи погибших солдат. Каждая травинка на Саур-Могиле – это пролитые слезы матерей, вдов, невест. Каждый камень на Саур-Могиле – это наша память.

Много лет прошло. Не все сохранилось в памяти. Что-то забылось, что-то под грузом прожитых лет видится по-другому. Да и каждый видел войну по-своему. Я ее видела и запомнила такой, как в стихотворении «фронтowej медсестры» Юлии Друниной:

Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой –
Пусть душа
Едва держалась в теле.
Память...

Татьяна Красулина

ГЕРОИЗМ ЗАЩИТНИКОВ САУР-МОГИЛЫ – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

*Послушай ветры над Саур-Могилкой –
И ты поймешь, кто эту землю спас,
Чье мужество в боях освободило
Врагу не покорившийся Донбасс.*

Ф. Серебрянский

Каждое общество создает своих героев, патриотов и идеалы. Уважение к героям проявляется по-разному в различные эпохи, но оно является мерилем отношений между людьми, а способ этого уважения говорит о нормальности или ненормальности этих отношений.

Герои в любые времена есть, были и будут. Герои – это люди, которые своим самоотверженным трудом, ратным подвигом или нравственными поступками в экстремальных, неординарных обстоятельствах проявили себя как патриоты своей Родины, защитники ее интересов.

Героические поступки – это всегда встреча с риском. Мужественный человек совершает акт самопожертвования ради общего блага. То есть он жертвует собой ради кого-то: друга, родителей, детей, простых людей, своего города, страны.

Мы – мирные жители Донецкой Народной Республики – прочувствовали на себе все ужасы войны, испытали горечь утраты близких и знакомых, и далекие события Великой Отечественной войны стали нам ближе и понятнее.

Гражданская война на Донбассе, то затухая, то разгораясь, продолжается уже три года. За время конфликта произошло множество трагических событий, и одним из героических и кровопролитных в этой войне стало сражение за высоту Саур-Могила. Наши современники – воины-ополченцы – не посрамили память предков.

Саур-Могила – этот курган был местом жесточайших боев во время Великой Отечественной войны. В 1941 году гитлеровцы, развивая наступление на юге СССР, стремились

захватить плацдармы на берегу Дона и двинуться к Майкопу и Туапсе, а остановили их как раз в окрестностях Саур-Могилы, сформированные в Донбассе 383-я и 395-я шахтерские стрелковые дивизии. Штурмовать вражескую оборону и освобождать донецкую землю в августе 1943 года начали войска Юго-Западного фронта под командованием генерала армии Родиона Малиновского.

17 июля советские войска внезапной атакой трех гвардейских мехкорпусов при поддержке 31-го гвардейского стрелкового корпуса прорвали фронт на глубину до 10 км и заняли плацдарм на западном берегу реки Миус в районе сел Степановка и Мариновка. В состав занятого плацдарма входила и высота 277,9 («Саур-Могила»).

Повторный штурм Саур-Могилы советскими войсками был начат 18 августа 1943 года. В штурме участвовали части 96-й гвардейской Иловайской стрелковой дивизии, которой командовал гвардии полковник Семен Самуилович Левин.

В ночь на 30 августа разведгруппа во главе с Г. П. Шевченко прорвалась через боевые порядки противника и овладела высотой 277,9. После того, как Шевченко был убит, руководство группой взял на себя Веремеев. В течение дня группа из 17 человек удерживала позицию, ожидая подкрепления и отражая одну атаку немцев за другой. К полудню высоты достигли наша пехота и танки. Во время установления Красного знамени на Саур-Могиле был убит заместитель командира дивизии А. А. Сошальский.

31 августа под угрозой окружения противник оставил высоту.

В боях под Саур-Могилой отличился взвод гвардии младшего лейтенанта Михаила Иосифовича Рогачева. За личную храбрость и умение, проявленное в схватках с немецкими захватчиками, Рогачев был назначен командиром взвода пешей разведки полка. В сражениях на Донбассе его соединение не единожды проявило себя.

Какой ценой была взята высота 277,9, говорят очевидцы и фронтовая хроника.

Советские воины проявляли чудеса отваги и стойкости, отбиваясь от врагов буквально до последнего вздоха, до

последнего снаряда. Вот строчки из фронтовой печати: «У разбитого пулемета лежали трое наших бойцов. Рядом с первым номером нашли клочок бумаги, на котором было всего несколько строк: «Я – горняк. Дед и прадед мои – горняки, отец мой – горняк, три моих брата – тоже горняки. Я дрался за Донбасс».

Жительница поселка Матвеев Курган Ольга Исидоровна Белоглазова писала: «18 августа сорок третьего года мы получили от папы письмо, что он сражается совсем рядом, на Саур-Могиле. Второе письмо пришло 22 августа. Отец писал, что из всего батальона (численность этого воинского формирования от 250 до 950 человек) осталось в живых всего семеро, из них трое раненных. И все. Тишина. После мы получили еще одно письмо. В нем писали, что 30 августа мой папа погиб».

А это свидетельство тех страшных событий со слов своего покойного деда-фронтовика оставил житель Матвеева Кургана Виктор: «...Можете себе представить: август, страшная жара. А на всем склоне кургана и на подступах к нему в три слоя лежат тела наших убитых товарищей. И мы – живые – вынужденные по этим телам ползти, идти и бежать... Я никогда в жизни не видел, не чувствовал ничего более ужасного...».

Через несколько дней после взятия высоты 277,9 – Саур-Могилы – местные жительницы были мобилизованы на уборку трупов погибших солдат. Женщины в течение трех дней собирали погибших во время штурма. После сбора трупов они были уложены в штабеля и сожжены, останки (кости) захоронены где-то перед высотой.

Установить сколько солдат и офицеров полегло при лобовой атаке на крутом склоне, в настоящее время не представляется возможным. Хотя известно, что штурмовавшие высоту полки потеряли в атаках более половины своего состава.

Памятник на Саур-Могиле был поставлен сразу же после окончания войны. Шестиметровую пирамиду из местного известняка венчала сверху красная звезда. Такие памятники воздвигали на братских солдатских могилах. Небольшую

площадку окаймляла корабельная цепь. По углам замерли пушки, которые остались здесь после боев.

В 1967 году в память о тех грозных и героических событиях на Саур-Могиле был возведен мемориальный комплекс. От подножия кургана к его вершине, увенчанной высокой стелой, вечным огнем и внушительным монументом солдата-освободителя, победно ликующе поднявшего свой автомат, вела широкая каменная лестница, вдоль которой стояли пилоны, увековечивающие славу родов советских войск и воинских соединений, а также поименно перечислявшие установленные фамилии павших бойцов.

Во время боев за Саур-Могилу на ней была уничтожена вся растительность. Выжило только одно дерево. Возле него установили чугунную плиту с надписью: «Это дерево – свидетель неслыханной храбрости и мужества советских воинов, которые дрались за твое счастье. Так будь же, друг мой, современник, бдителен на земле, которая полита кровью твоих отцов и братьев. Право требовать это они смертью в бою заслужили».

8 сентября, в день празднования освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, и в День Победы у Саур-Могилы собиралась чуть ли не вся Донецкая область, люди вспоминали погибших и чествовали убеленных сединами ветеранов-освободителей, тогда никто не знал, что спустя некоторое время в один ряд с ними встанут молодые и даже юные ветераны-ополченцы.

В 2014-м курган Саур-Могилы вновь оказался ключевой позицией крупнейшей битвы уже новой войны. В июле 2014 года в бой против украинской танковой армады вступила группа бойцов отдельного взвода тяжелого вооружения «Восток» в составе 32 человек под командованием ветерана войны в Афганистане, кавалера советских боевых орденов Красного Знамени и Красной Звезды Олега Гришина, позывной «Медведь».

Что значило для ополченцев стоять на Саур-Могиле, легко понять из рассказа командира «Востока» Ходаковского об

одном из боев конца июля: «На высоте находился отряд из 32 человек, который после нескольких часов боя потерял шестерых убитыми и шестнадцать бойцов ранеными. Оборудовать укрытия на кургане было крайне трудно из-за каменистого грунта, а любая строительная техника была бы немедленно разбита, так что люди спасались в воронках, использовали для защиты подбитую технику, короче говоря, цеплялись за любую возможность укрыться от падающего на голову железа».

28 июля пресс-служба Петра Порошенко объявила о взятии высоты, однако, как быстро выяснилось, это было выдачей желаемого за действительное. Фактически произошло вот что. Группа украинских солдат и офицеров с бронетехникой въехала на высоту, ополченцы, засевшие на ней, оставили пик, после чего занявшие гору украинские солдаты оказались открыты всем ветрам, не имея возможности даже спрятать технику. После нескольких часов обстрела и серьезных повреждений боевых машин украинский отряд скатился с высоты и отступил.

В конце июля положение вокруг высоты было предельно неустойчивым, а исход сражения не взялся бы предсказать ни один Нострадамус. На самой высоте у ополченцев сидело буквально несколько человек, корректировавших из укрытий огонь артиллерии. Насколько опасным было их положение, говорит один факт: они несколько раз вызывали огонь на себя.

В первой половине августа ситуация вокруг кургана резко изменилась, противоборствующие стороны были измотаны не прекращающимися боями, но передышки на Саур-Могиле не было – враг и не думал отступать. ВСУ перебросило новые силы для взятия высоты и уничтожения упрямого батальона «Восток». Высота несколько раз переходила из рук в руки. Но Саур-Могила выстояла, выстоял батальон «Восток». Вспомнив ратный подвиг предков, ополченцы рвались в бой, желая выбить украинцев под немецкой символикой с кургана. «Востоку» противостояли самые боеспособные части украинской армии.

Что же позволило ополчению, изначально заметно уступавшему в силах и средствах, остаться «царями горы»? Нет

сомнений, что украинская армада в несколько тысяч солдат и офицеров при сотнях боевых машин и артиллерийских стволов могла просто раздавить поначалу слабую оборону батальона «Восток» и затем с непредсказуемым результатом обрушиться на пограничные переходы, имея прочную позицию в тылу. Однако этого не произошло, так как командующий состав, рядовые солдаты и офицеры армии ДНР проявили стойкость. Этому способствовал высокий уровень мотивации.

Защитники ДНР говорили: «Мы не могли отдать хунте Саур-Могилу – отсюда весь Донбасс как на ладони». Ополченец с позывным «Бродяга» так комментировал ситуацию: «Они приехали к нам, а мы их не звали. Матери их сидят дома и думают, что здесь Россия бомбит города. Но это их сыновья выполняют здесь преступные приказы. Может, и против своей воли. Многие, кстати, сознаются, что специально портят снаряды, чтобы мирные жители не пострадали. Мы стоим за свою землю, за свои дома, за своих родных и близких. Не победить никогда Новороссию, сильную духом».

Сейчас уже бригада «Восток» располагается в Донецке и ведет позиционные бои у донецкого аэропорта. Что несет «Востоку» будущее – пока неизвестно. Но ясно одно: когда горела Украина, когда Киев был захвачен радикальными революционерами и пытался изобразить какие-то там «выборы», когда Вооруженных Сил Новороссии как таковых еще не существовало, батальон «Восток» сумел зажечь пламя борьбы в хаосе всеобщего разложения. Не может быть сомнений в том, что уже ставший бригадой «Восток» и дальше верой и правдой будет служить народу Донбасса, защищая его от всех внешних и внутренних врагов.

7 мая 2016 года накануне 71 годовщины Победы в Великой Отечественной войне к подножию Саур-Могилы, к руинам мемориального комплекса с кое-где уцелевшими, израненными и как бы кровоточащими пилонами пришел батальон «Восток». Его командир, Александр Ходаковский, обращаясь к присутствующим, проникновенно сказал: «Когда-нибудь здесь снова будет возведен монумент и

в этом новом монументе будут отражены и пересечение эпох, и преемственность поколений, а рядом с именами воинов Великой Отечественной войны будут увековечены имена ребят, которые уже в наши дни погибли, защищая эту высоту. Но вообще, мы приходим сюда не для того, чтобы поклониться бетону, железу и мрамору, а для того, чтобы почтить подвиг и предков, и наших современников».

Удивительно, что период ожесточенного сражения за высоту в 2014-м практически совпадает по датам с 1943 годом: 5 июля – 26 августа. Вот только противником был на этот раз не пришлый на русскую землю Донбасса немецкий фашист, а украинская армия в лице трех бригад и украинские неонацисты, приписанные к силам МВД Украины.

Но и тогда, и теперь Саур-Могилы не покорилась оккупантам.

Иван Кулага

ДОНБАСС НИКТО НЕ СТАВИЛ НА КОЛЕНИ...

Бои за освобождение шахтерского края начались 29 января 1943 года действиями 8-й армии Юго-Западного фронта. 5 февраля перешли в наступление войска Южного фронта. В ходе донбасской наступательной операции в феврале 1943 года соединения Южного фронта нанесли немецко-фашистским оккупантам крупное поражение. За 12 дней они прошли с боями от нижнего течения Дона и Северского Донца до Миуса, преодолев расстояние в 150 километров.

Войска Юго-Западного фронта освободили свыше 40 населенных пунктов области, в том числе города Славянск, Артемовск, Краматорск, Красноармейск, райцентры Красный Лиман, Доброполье, Александровку, Яму (ныне Северск).

Перед войсками Южного фронта была поставлена задача последовательно разгромить противостоящие силы 6-й немецкой армии и привлечь на себя резервы с Курского направления. Для этого они должны были прорвать Миусский оборонительный рубеж, который представлял

собой комплекс инженерных сооружений, заблаговременно построенных за водными преградами и расположенных на трех оборонительных полосах.

В 6 часов 17 июля 1943 года после артиллерийской подготовки началась атака. Противник встретил атакующие части сильным огнем и неоднократными контратаками. Обе стороны несли значительные потери.

К исходу 18 июля частями 5-й ударной армии под командованием генерала Цветаева В. Д. на правом берегу реки Миус был захвачен плацдарм до 12 километров по фронту и до 6 километров в глубину. В ночь на 19 июля на рубеже сел Степановка и Мариновка в районе кургана Саур-Могилы в бой были введены части 2-й гвардейской армии.

29 августа части 96-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии полковника Левина С. С. вышли к подножию легендарного кургана Саур-Могилы. В ночь с 30 на 31 августа 17 разведчиков дивизии захватили вершину высоты и водрузили там красный флаг.

Вот их имена: младший лейтенант Шевченко, старшины Иванов и Кораблев, рядовые Алешин, Кобзев, Гаин, Селиванов, Веремеев, Дудка, Симонов, Калинин, Чернов, Гавриляшин, Петраков, Лобков, Бондаренко, Меркулов.

За период с 18 по 30 августа соединения и части Южного фронта прорвали сильную, заблаговременно подготовленную оборону противника, расширили прорыв до 90 километров, продвинулись на глубину до 50 километров и вышли на рубеж Кутейниково, Екатериново-Хопрово, Щербаков. В ожесточенных боях они нанесли врагу большие потери. Только убитыми он потерял 35 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, много гитлеровцев было захвачено в плен. Части 28-й, 44-й армий и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса захватили в плен 3,5 тысячи солдат и офицеров. 1 сентября войска Южного фронта начали преследование отходящего противника, войска левого крыла Юго-Западного фронта – 2 сентября.

Наступавшая на правом фланге фронта 51-я армия генерала Крейзера Я. Г. к исходу 3 сентября продвинулась на запад до 60 километров и освободила более сотни

населенных пунктов. Частями 5-й ударной армии генерала Цветаева В. Д. к 3 сентября были освобождены Снежное, Чистяково (Торез), Зуевка. 3 сентября 34-я, 40-я гвардейские и 320-я стрелковые дивизии освободили Енакиево, получив впоследствии почетное наименование «Енакиевские».

5 сентября Горловка была освобождена от гитлеровских оккупантов частями 126-й, 127-й Чистяковской и 271-й стрелковыми дивизиями.

Кисходуб сентября частями 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Белова А. И. и 9-го стрелкового корпуса Героя Советского Союза генерал-майора Рослого И. П. была освобождена Макеевка. При этом особо отличились воины 54-й гвардейской дивизии генерала Данилова М. М., получившей наименование «Макеевская».

В 19 часов 7 сентября отряд капитана Ратникова Н. Н. 87-й гвардейской стрелковой дивизии ворвался в город Сталино (Донецк). В 20 часов 20 минут сержант Герасименко и рядовой Жуйков пробились к зданию театра оперы и балета и водрузили над ним Красное знамя.

В ночь на 8 сентября части 50-й гвардейской (командир – полковник Владычанский А. С.), 230-й (командир – полковник Украинский А. А.) и 301-й (командир – полковник Антонов В. С.) стрелковых дивизий полностью очистили от противника областной центр.

Борьба за Донбасс была долгой и нелегкой. Она началась зимой 1943 года в донских и приволжских степях, продолжалась летом на рубеже рек Северский Донец и Миус и закончилась 14 сентября у Приднепровья.

Почти за 40 суток непрерывного наступления в августе-сентябре 1943 года войска двух фронтов продвинулись от Северского Донца и Миуса на глубину более 300 километров и освободили из неволи сотни тысяч советских людей. В ожесточенных боях они разгромили 11 пехотных и две танковые дивизии противника.

При освобождении Донецкой области погибло около 150 тысяч человек, из них 2800 наших воинов-земляков.

За образцовое выполнение боевого задания командования и проявленные при этом отвагу и героизм 80 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. В числе погибших значатся 15 Героев Советского Союза. В честь их доброй памяти по инициативе председателя Регионального объединения «Память» И. И. Кулаги 5 мая 2017 г. была открыта «Галерея Героев Отечества». В мероприятии «Война. Победа. Память» активное участие приняли писатель и краевед Александр Гросов, члены Президиума совета организации ветеранов ДНР Николай Штефан и Владимир Сурков, и. о. Министра культуры ДНР Михаил Желтяков, руководитель филиала краеведческого музея Великой Отечественной войны Людмила Декурно и др.

В период наступления наших войск в августе-сентябре 1943 года народные мстители также принимали самое активное участие в боевых действиях и с оружием в руках били отступающих фашистов, вылавливали их приспешников и передавали правосудию.

По обобщенным данным, за период с октября 1941 года по сентябрь 1943-го партизанскими отрядами было проведено более 600 боевых операций на территории области. Уничтожено свыше 10 тысяч гитлеровцев, пущено под откос 14 эшелонов с воинскими грузами, уничтожено 7 паровозов и 26 железнодорожных вагонов, взорвано 2 склада с боеприпасами, 19 складов с продовольствием и военным имуществом, демонтирован 131 километр железнодорожных линий, разгромлено 23 немецких гарнизона и 18 полицейских участков.

Эти успехи партизан и подпольщиков оплачены и их кровью. В боях с немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и пропало без вести более тысячи человек. В рядах подпольщиков погиб наш земляк, Герой Советского Союза А. И. Белогуров, удостоенный этого высокого звания за участие в боях с белофиннами, а в годы Великой Отечественной войны бежавший из фашистского плена и организовавший в родной Времевке Великоновоселковского района подпольную молодежную группу.

Подвиг героев-партизан, патриотов-подпольщиков бессмертен. 642 партизана и подпольщика области

награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза, многие из них посмертно.

Все воины-земляки, павшие в боях и умершие после 9 мая 1945 г., внесены в 53 тома Книги Памяти. В настоящее время по предложению Республиканской ветеранской организации также внесено предложение при реконструкции Мемориального комплекса «Саур-Могила» увековечить 17 воинов, погибших при взятии высоты 277,9 (курган Саур-Могила»), о чем доложено Главе ДНР Александру Захарченко.

Донбасс, захваченный врагом, не покорился ему, он не раскрыл ему своих богатств и недр. Немцы не смогли поставить себе на службу его сокровища, его людей. Здесь уместно вспомнить крылатые слова шахтерского поэта Павла Беспощадного: «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано».

Елена Литвинова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА НЕ ПРЕДАСТ...

*Прошли года, пройдут века,
Но память сердца не предаст,
Ведь рана очень глубока
Любимый край, родной Донбасс!
Фашизм в Донбассе не пройдет,
Нас на колени не поставит.
И терпеливый наш народ
В истории победой славен.*

Лариса Журавель

Война – самое трагическое событие в жизни людей. Она несет с собой боль и утрату, жестокость и разрушение, страдание многих людей. В жизни не существует таких катастроф и стихийных бедствий, которые унесли бы больше жизней, чем война. Великая Отечественная война началась в ночь с 21 на 22 июня 1941 года. В эту ночь на территорию Советского Союза без оглашения войны напала Германия.

В сводках Советского информбюро прозвучало сообщение об оккупации Донбасса 26 октября 1941 г. Завершилась оккупация 8 сентября 1943 г. Именно в этот день Донбасс был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, и с тех пор в шахтерском регионе отмечают его с особым уважением и трепетом. 8 сентября 1943 г. – это день торжества и памяти, гордости и скорби, праздник освобождения донбасских сел и деревень от фашистских захватчиков.

Наш край привлекал к себе фашистских захватчиков по многим причинам. В начале войны Донбасс был основной угольно-металлургической базой страны. Донбасс называли «стальным сердцем» страны, «всесоюзной кочегаркой». Гитлеровское руководство верило, что если Советский Союз потеряет такую важную базу, то это сломит сопротивление народа и принесет быструю победу Германии.

Шел 1942 год. Гитлеровцы пришли на землю Донбасса, захватывая все на своем пути. Захватывались заводы, шахты, карьеры, терроризировалось население. Готовую продукцию, сырье, люди отсылались в Германию. Фашисты строили лагеря, в которые бросали попавших в плен солдат. Их заставляли работать на производстве, кормили через раз, больных расстреливали. Некоторых бросали в заброшенные шахты. Люди бросали заключенным солдатам воду и еду через колючую проволоку.

В период временной оккупации на территории края самоотверженно действовали подпольные организации и партизанские отряды. Земля горела под ногами фашистов. Все трудящиеся Донбасса развернули решительную борьбу с врагом. Они не желали работать на немцев, выводили из строя шахты, заводы, механизмы.

Оборона наших войск была сильной. Поэтому командование вражеских сил приняло решение об отступлении. Но как ни упорно сопротивлялся враг, остановить наступление советских войск ему не удалось. Быстро продвигаясь на запад, Красная Армия один за другим освобождала донецкие города – Горловку, Иловайск, Артемовск, Краматорск и другие.

28 августа начался штурм Саур-Могилы – одной из

высочайших точек Донецкого кряжа, кургане, находящемся в Шахтерском районе Донецкой области и имеющим в Донбассе стратегическое значение. Сражение за Саур-Могилу продолжалось трое суток и было особенно ожесточенным. Утром 31 августа бойцы 96-й гвардейской стрелковой дивизии окончательно сбросили противника с вершины, приступив к преследованию отступавших гитлеровцев.

В память о боях за Донбасс, происходивших в июле-сентябре 1943 г. на Саур-Могиле, после войны поставили первый памятник. Он представлял собой пирамиду высотой шесть метров. Наверху пирамиды была установлена красная звезда.

В 1967 году на вершине кургана был установлен обелиск из железобетона, облицованный гранитом, высотой 36 метров. Внутри обелиска находится комната боевой славы. У подножия обелиска установлена скульптура советского солдата. Высота скульптуры девять метров. На солдате плащ-палатка, которая развеивается на ветру. Правая рука поднята вверх, в ней автомат. Солдат стоит лицом на запад. В 1975 году у ног солдата был зажжен Вечный огонь.

7 сентября 1943 года развернулись бои за столицу Донбасса город Сталино.

К исходу первой половины дня Сталино полностью оказалось под контролем советских войск. Впоследствии именно 8 сентября стали отмечать как День освобождения Донбасса.

За 700 дней фашистской оккупации только город Донецк потерял 75 тысяч своих граждан, похоронил 25 тысяч воинов, уничтоженных гитлеровцами в лагерях для военнопленных. Бессмертной славой покрыли себя солдаты. Навечно занесены в списки Книги Памяти имена воинов-освободителей, погибших на фронтах ВОВ. Многие, многие защитники нашего края умерли от ран и болезней в послевоенные годы. Вечная слава павшим героям – солдатам, сержантам и офицерам, отдавшим свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Мы помним и тех, кто не вернулся с полей сражений, кто умер от ран в послевоенные годы, и тех, чьи могилы и сегодня все еще остаются безымянными.

Дарья Мочалова

УГОЛЬ, КРОВЬ И ПОРОХ

– Деда, расскажи про курган, – мальчишка крепко сжал руку старика и повторил – про курган хочу.

– Эх, дите, – горько усмехнулся дед и потрепал внука по вихрастой макушке, – Ну, охота что ли снова слушать?

– Ну, деда, ну расскажи! – мальчик подбежал к окну и задернул шторы, – я так люблю про солдат! И про танки, и про самолеты, и... И меня папка обещал на танке покатать! Правда-правда!

– Ладно уж, садись. Да отойди, отойди от окна-то! Мало ли чего еще в голову взбредет обормотам... Ну, Пашка, слушай... Было это давным-давно... Я тогда еще пацаном был...

– Как Витька-сосед? – спросил Пашка, потирая глаза измазанными кулачками.

– Как Витька, – согласился дед, – ты слушай-то, слушай. И призвали меня на войну: дали автомат тяжелый, форму, и стал я служить в пехоте.

– Впехо-о-оте?

– Во-во. У танкистов сила в танках, у летчиков в самолетах, а пехота – войско особое. Наше дело – и разведать, и к врагу поближе подойти, наступать как есть – пешком, ползком, как прикажут. И вот сталбыть, братец ты мой, служил-то я с самого сорок первого года. Много кой-чего повидал, – тяжело вздохнул старик, – ох и лютый немец был! Здорово бились с ним тогда...

– Неужто прям убегать приходилось?

– Приходилось, Пашка, приходилось. Вот хоть и Горловку помню: уже не идем – бежим. Сил моих нет уже, а портянки так и теряю. И чую, чую-то их, гадов. Гогочут, по-своему лают вдогонку. А я, Пашк, – стыдно сказать! – все об дворе об родном, да об кургане-то нашем думаю. Слезы в глазах стоят, до того жалко. Ну, я и рассудил: хоть как, а вернусь домой, пускай там-то и помирать придется. Ты слушаешь-то?

– Слушаю, дедуль, – Пашка сбил игрушечным танком солдатиков и серьезно посмотрел на деда, – кто ж тебя спас-

то, а, дедушка?

– А вот оно как было, – усмехнулся старик, – бегу я, значит, ног под собой не чую, и черт дернул оглянуться. Вижу – лежит на земле солдат. Уж на что я худой был, а этот и навовсе. Так мне его жалко стало – страсть! Подбегаю – а солдат-то светлокосый!

– Как Зинка?¹

– Верно говоришь! Откуда и сила-то у меня взялась! Поднял я девчонку, пробовал под руки вести, а она шагнет разок-другой – и на меня валится. Тут уж мне товарищ мой подсобил. Так мы с Колькой ее и протащили. Он потом долго шутил еще – вытащил ты, мол, себе, Степан Лексеич, невесту!

– А невеста что? – засмеялся Пашка.

– Разминулись тогда наши с ней дорожки, – невесело улыбнулся старик, – а меня-то с той поры где только ни кидало. И всюду-то домой тянуло страшно. Куда только ни забрасывало: и под Москву, и на Смоленщине был, и Ворошиловград (Луганск, сталбыть) потоптал маленько – а душою тут, у кургана! Уж сколь радости было, когда дивизию нашу сюда направили, я и о невесте думать забыл совсем. Да кто ж знал, что дома-то горя больше всего хлебну, – старик смахнул слезу и продолжал, – вечером нас сюда перебросили, а на утро должны мы были на самый курган наступать. С пологого склона фрицы стояли, а нам – по крутому вгору карабкаться. Ну да что мне дела до того! Я, Пашк, такой счастливый был, что дома наконец! Я ить сколько себя помню, столько и курган родненький. Был он мне, что твои терриконы.

– Я терриконы люблю, – протянул Пашка, – там п-а-а-апка воюет.

– Вот и я так же был, внучек, – согласился дед, – и вишь ты как оно было, не сунешься к ним, гадам-то! Уж третья неделя пошла, как фрицы там окопались. Ох и дали мы им тогда! Страшное время было, братец ты мой, ох, страшное. Так и было ить, как я сказал! Ползешь по скату, а наверху – дзоты ихние. Сцепил зубы – ползи. Лезешь, а в тебя гранаты дождем цельным пополам с землею. Забило мне рот, а я все отплеываюсь да

¹ Одноименное стихотворение Ю. Друниной (1944 г.) (Примеч. авт.)

лезу. Хрустит она мне на зубах, кровавая, побуревшая. Уголь, кровушка солдатская и порох. Страшно это, братец ты мой. Ползу я значитца таким макарком, рядом товарищ мой, Петька, тот, что мне девчонку помогал вытаскивать... Слышим – свист. Я голову руками закрыл, кричу ему: «Петька, родненьки-и-и-й!». Глаза открываю – а он хрипит-задыхается. Тут я едва не взвыл: трясу его, горемычного: «Петька, проснись!», – кричу. А он мне: «Прощай, братчик ты мой, прощай, родный. Я уж отвоевался. Невестушку найди-то свою, и меня лихом не поминай», – да и помер. Залился я тут горькими слезами – Петька мне и за брата, и за папаню тут был. До сих пор тоскую об нем иногда. А порой раздумаюсь – хорошо, наверное, что до новой войны не дожил, не видел, что с его Одессой-красавицей сотворили. Э-э-эх!

– Деда, дедушка, не плачь, миленький! – Пашка обнял старика и попросил. – Ты мне дальше расскажи, а потом и я тебе скажу что-то.

– Ну, все-все, слушай. Делать нечего, дальше ползу. А гранаты уж прямо не катятся – сыпятся, куклы чертовы! А я ползу, а Петьку мертвого перед собою толкаю – как-никак, прятался за ним все-таки, дополз до дзотов. Автомат сжал, плачу, трясет меня всего. И пошел-пошел-то бить гадов этих! Стреляю-то, а самому – хоть бы хны! Видать, Господь сберег душу мою грешную.

Вдруг – свист. Я и голову закрыть не успел, точно рухнул куда, заснул натурально. Чудится, будто стоит передо мною отец, строгий такой, а я ему: «Батянь, как-то? Тебя ж в шахте завалило». Он и прикрикнул на меня. «Цыц, – говорит, – солдатик, рано тебе сюда, успеем свидеться. Аленке спасибо скажешь, что тебя с того света выволокла», – и исчез. Тут я глаза открыл – башка гудит, кругом грохот... И солдат светлокосый передо мною. По голове меня гладит, приговаривает: «Здравствуй, Степушка, вот мы и свиделись с тобою». А я ей: «Аленушка, ты моя, спасительница, храни Господи тебя», – и рассказал ей все.

– Де-е-еда! – всплеснул руками Пашка, – так это бабушка была наша?

– Известно дело! – подмигнул дед. – Чудом мы с ею тогда свиделись, да и после как-то судьба нас свела. Вот

как с фронта оба вернулись, так и не расставались боле. Ну, Пашка, ложись-ка ты спать, не знаем еще, что за ночька будет. Ложись, сердешный друг.

– Деда-а-а, – Пашка сел в кровати и шмыгнул носом, – а папка сказал, он тоже скоро всех фашистов победит и ко мне вернется. И курган у них отберет, и терриконы мои любимые. А потом мы в Донецк поедем, на парад! И тебя с собой возьмем, да, дедуль?

– Поедем, милый, поедем. Спи уж!

Степан вышел из дома и еще долго стоял у двора, любясь заходящим солнцем. Где-то там Пашкин отец в сотый раз открывал огонь по врагу, рвались снаряды и падали замертво подлещы, посягнувшие на святое – память о той Великой Войне.

Главный бой за Саур-Могилу был еще впереди.

Людмила Передереева

ВОЙНА И ВРЕМЯ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ БЕССИЛЬНЫ

Память... Она не подлежит забвенью... Она жива, пока живы мы, пока сможем передать и рассказать услышанное и увиденное, нынешним и будущим поколениям о делах и подвигах их дедов и отцов, о такой недавней и уже забываемой истории. Время унесло героев тех дней, память о них все слабее и слабее. Это закон жизни. Но мне хочется, чтобы этот рассказ немного отодвинул пелену забвения, и молодые жители нашей Республики оглянулись на подвиги и дела своих предков, и, может, совершили бы что-то доброе и полезное для родного Донбасса, для единственной и неповторимой малой моей Родины – Степановки.

Донбасс и время... Сколько в этих словах боли, страдания и слез. Это разрушенные человеческие судьбы, уничтоженная память, стертые и сожженные дотла города и села. Но пылкий ум и чуткое сердце каждого из нас ощутит и героизм, и легендарность. На долю моего края выпало страшное

военное лихолетье. Два долгих года гитлеровская орда рушила его, пыталась, терзала, а он, непокоренный, сражался на всех фронтах: в тылу, партизанских отрядах, подполье.

...все ближе и ближе к Степановке была слышна канонада надвигающегося фронта, и уже к сентябрю 1941 года она докатилась к селу, принесла разруху, смерть и неизвестность. Часть степановцев, Качура Анна Акимовна, Коновалова Анна Семеновна, Качура Анастасия Трофимовна, Чирка Николай Маркович, Коновалов Кузьма Степанович, собрав нехитрые свои пожитки и колхозное стадо двинулись на восток, чтобы сохранить поголовье крупного рогатого скота от уничтожения. Другая часть степановцев отправилась в эвакуацию, уложив пожитки на тачки. Однако стремительное немецкое наступление вынудило вернуться в оккупированное село, где более полтора года прожили в оккупации в прифронтовой зоне. А это значило, что каждый житель был под контролем, имел специальный пропуск-аусвайс, носил повязку, накрепко нашитую на рукаве, и не мог выйти за пределы населенного пункта. В село пробирались русские фронтовые разведчики, фиксировали расположение боевой техники, артиллерии и живой силы. Их часто ловили немецкие «ищейки», пытали и расстреливали на месте на глазах у жителей... Одним из таких разведчиков был работающий до войны председателем колхоза Павлюченко Федор Митрофанович и воевавший в составе 5-й ударной армии под Сталинградом. Перед наступлением на Миус-фронт он был направлен в родное село, как знающий местность и людей, для разведки позиций противника. Но, к сожалению, был опознан одним из пособников фашистов и арестован. Вместе с Ермоленко Степаном Алексеевичем, оставленным для проведения диверсий в тылу противника, их зверски избивали на допросах, но ничего не добившись, переправили в Чистяково. После новых пыток их расстреляли вместе с другими пленными, предварительно заставив выкопать себе большую могилу, и связав друг с другом за руки колючей проволокой.

Многие жители села, смертельно рискуя, укрывали у себя оставшихся после отступления осенью 1941 года

бойцов. В одном из сельских подвалов, у Глушко Екатерины, были обнаружены и зверски расстреляны пятеро раненных советских солдат. Хозяева подвала не пострадали по чистой случайности, их не оказалось в тот момент дома.

Особенно непримиримо вели себя дети и подростки. То портили сбрую у немецких лошадей, то воровали провиант, то выводили из строя мотоциклы, то устраивали взрывы, пугая весь немецкий гарнизон. За это их жестоко били ремнями и коваными сапогами. Вот как вспоминает то страшное время Албулова Устинья Тимофеевна, жительница Степановки: «Однажды со штаба армии приехал на новеньком мотоцикле связной по имени Альфонс, оставил технику во дворе, пошел с пакетом в штаб, а затем пообщаться с друзьями. Детвора сняли аккумулятор с мотоцикла и вырвали все проводки. Альфонсу нужно было срочно везти пакет, а не на чем. Стали разыскивать пацанов. Нашли, отлупили и отправили на «губу». Два дня упрашивала Устинья Тимофеевна коменданта отпустить детей. Отпустил, но при этом жестоко избив их.

Война гремела на всех фронтах... После окружения и разгрома армии Паулюса под Сталинградом, а также потери Кавказа и Ростова, немцы снова откатились на Миус-фронт, имевший 3 линии обороны. Одним из главных прорывных направлений была линия от села Куйбышево через р. Миус, Мариновку и Степановку до высоты 277,9 – легендарной Саур-Могилы. На этом пятачке и разгорелись жесточайшие бои летом 1943 года, которые по своей напряженности и ожесточенности характеризовались впоследствии как малый Сталинград. И вот 17 июля 1943 года в 4 часа 45 минут началась артиллерийская подготовка наших войск. В 6 часов части 31-го гвардейского корпуса, 126-я, 222-я, 315-я стрелковые дивизии внезапной атакой пошли в наступление и сломили ожесточенное сопротивление противника. К середине дня батальон лейтенанта Алиева стремительным рывком вышел на южный склон Саур-Могилы, но был отрезан фашистами и в течение четырех часов мужественно отбивал их атаки, пока не пришло подкрепление во главе с майором Растиным.

18 июля наступление наших войск было приостановлено

сильнейшим огнем противника: к Степановке подошла еще и 3-я гвардейская стрелковая дивизия, где батальон гвардии капитана П. Г. Калинина занял рубеж на северо-восточной окраине села.

Утром 19 июля со стороны с. Первомайского поползли немецкие танки. В бой вступил 13 стрелковый полк, в составе которого была рота бронейщиков 21-летнего лейтенанта Ежкова Валентина Федоровича. Первая атака танков захлебнулась, во второй впереди шли «тигры», которых не могли взять бронейные пули. Молодой командир пополз с противотанковой гранатой и подорвал вражеский танк. В третью атаку пошли более крупные силы, Ежков был ранен. Рота сильно поредела, положение стало критическим. Старший лейтенант выскочил из окопа, подполз к подбитому им танку, нырнул в люк, развернул башню и открыл огонь. Когда иссякли боеприпасы, он получил еще ранения в левую руку, ногу и грудь, связал несколько гранат в связку и пополз навстречу приближающемуся «тигру». Прогредел сильный взрыв, «тигр» уткнулся носом в землю... Но и отважный бронейщик получил смертельные ранения. В представлении о присвоении звания «Героя Советского Союза» указано, что в этом бою за село Степановку В. Ф. Ежков лично подбил 9 танков. Всего рота к концу боя подбила 22 танка. Так бойцы отомстили за смерть командира. Отважный бронейщик Ежков Валентин Федорович похоронен в центре села Степановки, а за совершенный подвиг ему присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Десять дней продолжались бои за Степановку. Наши войска овладели восточной частью, но ключевые позиции за селом и на флангах удерживали гитлеровцы. Поэтому в сражение ввели отдельную 231-ю курсантскую роту. Она ударила по северо-восточной части Степановки и под ураганным огнем врага ворвалась в село. Позже командир роты гвардии старший лейтенант Н. М. Нехаев за эту атаку награжден орденом «Красной Звезды». Вслед за пехотой прорвала вражеский заслон с юга батарея 102 отдельного истребительного противотанкового артдивизиона капитана А. Н. Гуринова.

В ночь на 19 июля на северо-западную часть Степановки

начала наступление 96 стрелковая дивизия. Противник перешел в контратаку, которую повторил трижды. С 21 по 29 июля бои шли с переменным успехом. Отважно сражались артиллеристы противотанковой батареи 293-го полка под командованием капитана П. С. Овтина, бойцы 54-й стрелковой дивизии А. Д. Данилова, в которой воевал и директор Степановской школы Чиркин Александр Иванович, 40-й, 230-й стрелковых дивизий.

В окрестностях села был создан мощный оборонительный рубежнашихвойск, оснащенный противотанковыми орудиями, минными полями и проволочными заграждениями. Немецкое командование срочно стало переправлять в этот район танковые и пехотные части с других участков. К Степановке подошли танковые дивизии СС «Дас Райх» и «Тоттенкопф», а с Курского направления была передислоцирована дивизия СС «Мертвая голова». Местным жителям командование Советской Армии настоятельно настаивало эвакуироваться на восток, так как фашистская армада завершала перегруппировку и готовилась к контрудару.

Утром 30 июля около 200 вражеских бомбардировщиков обрушили свой смертельный груз на Степановку и ее околицы, перешли в наступление. В селе не осталось клочка земли, куда не попали бы снаряды, мины, бомбы. Жители или эвакуировались, или сидели в подвалах.

9-й гвардейский полк попал в окружение. Ему на выручку пришла 3-я гвардейская стрелковая дивизия и гвардейцы прорвались, нанеся ощутимый урон врагу. Фашисты пытались обойти Степановку с севера и северо-запада, беспрерывно атаковали, даже ворвались в окопы 295-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал полковник А. М. Волошин. Подразделения 96-й гвардейской стрелковой дивизии отошли на 2-3 километра восточнее Степановки. Прорвался через вражеское кольцо 295-й полк. Последним вышел из окружения с группой разведчиков и ротой автоматчиков командир полка. Кровавопролитные бои в урочищах Кривая балка, села Тараны и южной

окраины Степановки вела 33-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. И. Селиверстова.

За боями под Степановкой внимательно следил командующий южным флангом Восточного фронта фельдмаршал Э. Манштейн. Видя мощный напор русских, он хотел прекратить атаки, но командир танкового корпуса П. Хауссен настоял на завершении начатого. Штурм Саур-Могилы немцы начали 1 августа в 4.00. После многочасового боя, в ходе которого высота несколько раз переходила из рук в руки, наши войска отступили. Поступил приказ по всей линии прорыва отойти на рубеж р. Миус в районе сел Куйбышево-Дмитриевка. Наступило короткое затишье.

Повторный штурм Саур-Могилы начался 18 августа 1943 года в 6.00 по московскому времени. На подступах к Степановке вели бой 60-й гвардейский танковый полк под командованием М. А. Попки и 107-й гвардейский танковый полк. Были введены в бой новые свежие части, что дало возможность с новой силой атаковать противника. 28 августа, выйдя к легендарной высоте Саур-Могиле с отметкой на военных картах 277,9, начали бой за ее овладение. Эта высота имела важное тактическое значение, с нее открывался широкий обзор. На ее вершине находился центральный наблюдательный пункт 6-й армии противника. Вся высота была превращена в сильный опорный пункт, плотно насыщенный различными огневыми средствами. Чтобы обеспечить более быстрое продвижение войск, создать им безопасность с флангов, нужно было овладеть Саур-Могилей.

29 августа 31-й гвардейский стрелковый корпус занял село Мариновку. В этот же день рота лейтенанта Санькова зацепилась за небольшую высоту на подступах к Степановке. 30 августа бойцы 96-й гвардейской стрелковой дивизии овладели высотой 183.0 и вместе с другими подразделениями первыми ворвались в мое село Степановку, которая была превращена немцами в важный опорный пункт. Ожесточенные бои шли за каждую улицу, каждый дом. Постепенно фашистские войска были вытеснены на западную околицу села. В это время в Степановке заняла ударную

позицию батарея «Катюш», с залпом которых наши войска перешли к решительному и стремительному наступлению на Саур-Могилу. В штурме участвовали 96-я Иловайская стрелковая дивизия под командованием гвардии полковника С. С. Левина, подразделение А. М. Волошина, Крымова.

В ночь на 30 августа 17 разведчиков под командованием мл. лейтенанта Шевченко с третьей попытки обошли заслоны неприятеля и установили на вершине Саур-Могилы красное знамя. Отряд отбил 12 атак за сутки, из окровавленной рубашки раненого командира бойцы сделали флаг, чтобы не попасть под обстрел своей артиллерии. К ним пробился батальон полковника А. А. Сошальского. Неравный бой из-за больших потерь закончился поражением, высоту опять пришлось оставить под напором немецкой авиации. В окопах остались лежать погибшие Шевченко, Сошальский, майор Филатов, капитан Иванов и многие-многие другие.

Со стороны Григорьевки Саур-Могилу штурмовала 271-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. П. Говорова. За три дня, с 28 по 30 августа, со стороны южного склона дивизия потеряла половину личного состава. И лишь утром, 31-го августа, усилиями трех полков высота 277,9 была взята. Началось преследование отступающих, путь к освобождению Донбасса был открыт. Фронт пошел на запад.

... На Саур-Могиле осталась разбитая техника, окопы, воронки и кровь героев. Два уцелевших, а остальные полностью разрушенные дома, оказались в моей Степановке после кромешного ада. Нет! Еще остались две братские и огромное количество одиноких и групповых могил. Война и время перед памятью бессильны... остались архивы, остались фото и кадры документальных фильмов, остались памятники и могильные плиты с их именами, остались книги, написанные в разные годы. Может и мой рассказ кому-то поможет найти следы своих героических и непобежденных предков, и рассказать о них детям детей наших...

*Юлия Рангу***ГОРДАЯ ДОНБАССКАЯ ВЫСОТА**

*Послушай ветры над Саур-Могилой,
Коснись рукой пахучих диких трав,
Здесь мужество с боями проходило,
Легендою для всех навеки став...*

Каждый человек любит свою родину, то место, где родился, где сказал первое слово, сделал первый шаг. И как бы не сложилась твоя судьба, в памяти всегда остается милый уголок детства. С этим местом у тебя связаны воспоминания и эмоции: это и родители, и друзья, и первая любовь, и первые победы и поражения. Как бы не сложилась твоя жизнь, ты всегда будешь вспоминать свою малую родину и хранить в сердце память о ней до конца своих дней. Я всегда гордилась тем, что родилась и живу на Донбассе. Это прекрасный край с его уникальной природой, полезными ископаемыми, богатой историей и фольклором. А какие здесь живут люди – это великие труженики, которые отличаются высокой стойкостью, терпением, героизмом. Человек, любящий свою родину, стремится познать все известные места родного края, чтобы увидеть достопримечательности, знать историю их происхождения. И как у любого человека у меня тоже есть любимые и памятные места. Одно из таких мест, которое очень хорошо известно каждому на Донбассе – это святое место, обильно политое солдатской кровью – это Саур-Могилы. С вершины кургана видна тянущаяся до самого горизонта степь. Смотришь на эту красоту и перед тобой открывается поистине донецкий индустриальный пейзаж, гордость Донбасса – терриконы шахт.

Упоминания о Саур-Могиле можно найти в чумацких и казацких песнях, в произведениях Т. Г. Шевченко, А. П. Чехова и К. Г. Паустовского. Многие путешественники в весенние дни с удивлением наблюдали среди зеленеющих степей и перелесков заснеженные вершины Саур-Могилы, что сразу же вызывало у них ассоциации с Кавказом. Причем, подобные аналогии

отнодь не случайны. Растительный и животный мир самой Саур-Могилы и окружающей ее местности включает в себя представителей флоры и фауны, которые не встречаются в других местах Приазовья, а обитают лишь на Кавказе. Со школьной скамьи нас знакомили с легендарным казаком Сауром – это мифический казак-герой, победитель татар, которого считали своим и донцы, и запорожцы. В казачьих легендах и песнях Саур-Могила неизменно была ориентиром родины. В исторических песнях о казачьих героях упоминаются легендарные имена Морозенко и Супруна, которые положили свои головы на кургане. В фольклорных материалах Саур-Могила выступает свидетелем пламенного патриотизма, а у невольников считалась своеобразным символом свободы. Курган является свидетелем многих героических событий, он хранит память о мужестве и отваге защитников родной земли. В 1943-м в жесточайших боях за прорыв немецкого Миус-фронта под ней полегли десятки тысяч бойцов, а ее взятие стало символом освобождения Донбасса. Долгое время о событиях Миус-фронта писали и говорили редко, но по своей значимости, кровопролитности и масштабам потерь прорыв сопоставим с битвой на Курской дуге. История не знает более масштабного, разрушительного, кровопролитного противоборства, чем то, которое пришлось пережить нашим предкам. Читая о подвигах молодых людей, принимающих участие в прорыве, не перестаешь удивляться, откуда в них столько сил, храбрости, да и самим оккупантам было невдомек, что молодые парни и девушки становились защитниками Отечества не ради наград и благ, просто их так воспитывали в семьях и комсомольских организациях.

Так решалась судьба и жизнь Донбасса. Впервые это случилось в августе 1943 года, когда Советские войска в схватке с немецким фашизмом спешили освободить истерзаный врагом шахтерский край. Саур-Могила являлась важным опорным пунктом в системе немецкой обороны. Гитлеровцы сооружали мощные укрепления. Для этой цели они использовали лес шахтных складов, рельсы, разбирали каменные дома. Под угрозой расстрела гнали сюда на работы женщин, стариков,

детей. Жестокий террор не помог захватчикам.

Миус-фронт должен был стать, по замыслу гитлеровцев, фронтом мести за поражение под Сталинградом. К лету здесь была готова мощная оборонительная линия. Она состояла из трех полос. Первая проходила по правому берегу Миуса и имела глубину до 12 километров. Для фортификационных сооружений широко использовались частые скалы и обрывы, высоты, Саур-Могила. Глубина минных полей доходила до 200 метров. Каждый квадратный километр был усеян пулеметными точками под бронированными колпаками. Вторая линия обороны противника проходила по правому берегу речек Мокрый Еланчик и Крынка, а далее по линии Мануйловки, западнее станции Мочалинский, Андреевка, Красный Кут. Третья линия шла по западному берегу Кальмиуса, потом восточнее Сталино, Макеевки, Горловки. Весь этот огромный район был изрыт окопами, траншеями, противотанковыми рвами. Фашистское командование особое внимание уделяло использованию населенных пунктов. Неожиданно нанесенный удар на Донбассе 17 июля 1943 вынудил немцев перебросить с Курского направления танковую элиту в лице двух моторизованных дивизий 2-го танкового корпусов СС, участников знаменитого танкового сражения под Прохоровкой – дивизии «Мертвая голова» и «Рейх».

Значительным силам нацистов в воздухе противостояли советские летчики 73-го гвардейского истребительного авиационного полка 6-й гвардейской истребительной авиационной дивизии. В боях в небе Донбасса сражались и погибли две легендарные летчицы Великой Отечественной войны. Это старший лейтенант Екатерина Буданова и ее лучшая подруга младший лейтенант Лидия Литвяк. Ко 2-му августа 1943 года нацистам удалось ликвидировать прорыв частей Красной Армии и выйти на исходные позиции советских соединений, но уже 18 августа войска 5-й ударной армии возобновили свое наступление. 20 августа части 96-й гвардейской дивизии гвардии полковника Семена Левина, входившей в состав 5-й ударной армии, уже вели бои в

районе деревни Степановка. В соединениях Красной Армии, действующей на этом направлении, воевало значительное количество представителей донецкого края. Многие из них были призваны в ряды Красной Армии с первых дней войны. В упорных боях наши героические земляки научились драться и достойно отвечать обидчикам.

Ранним утром 18 августа, проход в минных полях для прорыва советских танков обеспечивал уроженец села Петровка Артемовского района Сталинской области сержант-сапер Яков Листопад. В завязавшемся бою у немецких позиций Яков был тяжело ранен. Впоследствии четырежды орденоседец Яков Филиппович Листопад прошел всю войну, которую закончил в Берлине в звании лейтенанта, командира взвода саперной бригады особого назначения. Продолжилось наступление 27 августа 1943 года, главные части 96-й гвардейской стрелковой дивизии сосредоточились на южных склонах Саур-Могилы. О значимости этого штурма говорит и тот факт, что войсками в этой операции руководил сам командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант Вячеслав Цветков. Однако начинавшийся дважды советский штурм не приносил результата.

Решающую роль в освобождении высоты сыграла группа, состоящая из 17 дивизионных разведчиков 96-й гвардейской стрелковой дивизии. Возглавил группу горловчанин, младший лейтенант Григорий Шевченко. Разведчики обошли вражеские заслоны, захватили на ее вершине командный блиндаж противника и установили там красный флаг. В течение суток немцы предприняли 12 безуспешных атак с целью уничтожить группу лейтенанта Шевченко. Но им это не удалось даже после того, как сам младший лейтенант был убит. Высота была взята утром 31 августа. Благодаря этому соединениям 5-й ударной армии открылась дорога на Иловайск, Харцызск и дальше на Сталино. Через несколько дней после занятия высоты из близлежащих сел были мобилизованы местные жительницы. Им были выданы марлевые повязки на лицо, и они три дня собирали трупы павших при атаках 28–31 августа.

Тела на жаре уже разлагались. После сбора трупов они были уложены в штабеля и сожжены, останки (кости) захоронены где-то перед высотой, со стороны пропитанного кровью южного склона. Данные на погибших рядового и сержантского состава не устанавливались, место захоронений останков после кремации не было отмечено и ныне неизвестно. Во время боев разрывами бомб, снарядов, мин на Саур-Могиле был полностью уничтожен травяной покров. Опаленная земля потом долгие годы стояла черной, в воронках. Лишь одно дерево уцелело. Оно было сильно изранено, но выжило. Сейчас возле него долго задерживаются экскурсанты. При выезде из села в направлении Снежного стоит памятник на братской могиле. На четырехгранной пирамиде высится скульптурная группа. Девушка-санитар выносит с поля боя тяжело раненного гвардейца.

На памятнике прикреплена фотография девушки-солдата. У нее открытый взгляд, теплая улыбка, а глаза добрые-добрые... Это Вера Михайлуца.

Вера прибыла на должность санинструктора. Это была энергичная, инициативная девушка, которая проявляла действительно материнскую заботу о раненых. Очень многим солдатам и офицерам она спасла жизнь. Как лучшего санитарного инструктора вскоре ее перевели в батальонный медицинский пункт. 17 июля 1943 года, во время наступления на реке Миус, завязались очень тяжелые бои. Враг был вынужден оставлять один рубеж за другим. Потом противник подтянул сюда свежие силы. Это были танковые, авиационные и пехотные подразделения. 1 августа советские войска оставили Степановку. В неравном бою, который здесь разыгрался, Вера была тяжело ранена в грудь. Ей сделали перевязку. Но спасти не смогли. Она умерла, не сказав ни единого слова. Вера погибла на боевом посту. Эта девушка стала для всех примером беззаветного служения Родине.

Война – это страшное слово. Оно всегда ассоциируется у людей с горем, разрушенными судьбами людей, страданием, предательством и героизмом. Ни одну семью не обошли ужасы

Великой Отечественной войны. Поэтому все знают, какой ценой достался мир. Читая биографии героев, осознаешь, что все они совершенно разные люди, у всех разный характер, разные судьбы, но всех их свела фронтовая дорога, желание бороться с врагом, защищать родную землю. Екатерина Буданова, Лидия Литвяк, Вера Михайлуца, всегда удивлялась женской выдержке и смелости. Война вдвойне страшной для тех, кто является дочерьми и матерями, она заставляла женщин и девушек брать в руки автомат, приходилось им видеть то, что не должна видеть женщина. А как всем известно, Бог создал женщину для того, чтобы она дарила жизнь, а не отнимала ее. Невозможно представить весь ужас происходящего, и уж точно нельзя выразить все уважение девичьей чистоте, столкнувшейся с бесчеловечными и жестокими силами фашизма. Никто даже не предполагал насколько хрупкий мир, который достался нам, такой дорогой ценой. В голове не укладывается, за что, за какие грехи на жизнь человека выпадают такие жестокие испытания? Сколько война разбила судеб, скольких людей лишила счастья, наверное, и не подсчитать, но суровые лишения войны не ожесточили людей, живые помнят имена погибших, помнят победу, добытую кровью.

Есть замечательное выражение: «Войну нужно не только пережить, но и осмыслить». Летом 2014-го года наша гордая Донбасская высота вновь услышала гул танков и тяжелой артиллерии. По небу пронеслись военные самолеты. Но, как и прежде, каждый год в первые майские дни мы вспоминаем грозные годы войны, чтим память павших, благодарим оставшихся в живых ветеранов. После всего увиденного и пережитого хочется верить, что война не только разрушает, но часто ведет к сплочению народа, к эмоциональному, культурному, этическому всплеску. События 2014 года научили наших людей ценить простые вещи, которые раньше даже не замечали, научили ценить каждый прожитый день, принимать помощь, не лгать, не желать смерти, научили любить свой родной город и его жителей, радоваться общению с близкими и родными людьми. Несмотря на то,

что война не закончилась, все еще теплится надежда, что наши дети больше не увидят ужасов войны, они будут спать в теплых уютных кроватках, а не в сырых грязных подвалах, а над их головами будет светить лишь мирное небо.

*Непридуманные рассказы
Записала Галина Самтарова*

БОГОРОДИЦА БЛАГОСЛОВИЛА НА ПОБЕДУ

*Из воспоминаний о войне бывшей прихожанки
Ремовского Свято-Иоанно-Богословского храма
Ирины Эдуардовны Вельчинской*

Было это в начале сентября 1943 года, жили мы на окраине Чистяково (теперь это город Торез). Я была еще ребенком старшего дошкольного возраста. Помню, как вместе с мамой, соседскими женщинами и гурьбой детишек мы встречали наших солдат, ехавших на танках после победных сражений на Саур-Могиле.

Принесли молоко, кусочки черного хлеба. Кричим, чтобы остановились, а они не слышат. Тогда мамочка моя, Царство ей Небесное, дала нам указание взяться за руки и выйти перед танками: «Не бойтесь, наши вас не задавят!» И вправду, танки остановились. Двадцать солдат с молодым командиром-офицером спустились к нам. Какие же они были измученные, голодные, а глаза счастливые, радостные! Все женщины плакали, а мама наливала молочка каждому в кружечку, другие давали какие были кусочки хлеба, ведь и сами мы голодали, а на дорогу – сумочки с фруктами и овощами.

«Сестра, – говорит командир, – смотри, сколько у тебя детей, им молоко больше нужно, береги их, им победу нашу хранить и Родину из руин поднимать». Мама сказала, что козочка еще молочка даст, и она всех детишек напоит, а солдатам нужно воевать.

Солдаты благодарили маму и женщин. Командир

рассказал, что не везде так встречают. Вот в Таганроге с балконов немецкие фрау (те, что были русскими, а потом с немцами стали блудить) кипяток с балконов лили, обожгли многих.

Потом он поведал о таком событии, которое, как он сказал «сколько жить буду, никогда не забуду, и если останусь живым, буду верующим человеком». Вот что было. Передаю рассказ по своей памяти и всех слышавших.

«Ночь с 3 на 4 сентября. В 12 часов весь командный состав был собран на совещание. Сообщали, что 3 зеленые ракеты – сигнал к наступлению. Командующим трудно было разобрать, с какой стороны наступать. Немцы хорошо укреплены, приказ «брать в лоб» – результатов не принес, полегли тысячи солдат. На Миус-фронте все зависело от победы на Саур-Могиле. Четыре месяца тяжелых оборонительных боев, потери большие. Стоим на месте. Причина: восточный склон обрывистый, западный – пологий, очень укрепленный врагом. Взять высоту – главная задача, но как?

Когда закончилось совещание, все разошлись по своим частям.

И вдруг над нами опустилось белое облако на высоте не более трех человеческих ростов. На нем стояла женщина в голубом платье, голову покрывал белый шарф. Повернувшись к немецким позициям на чистом немецком языке Она произнесла: «Спасибо вам, что вы обратили русский народ к вере». А повернувшись к советским позициям (вначале своим ушам не поверил), Она сказала: «Держитесь правее, благословляю вас на победу». Правее – это была восточная скала, именно отсюда и не думали наступать. Вызвалось три человека, альпинисты. Перелезли обрывистый склон, зашли с тыла к дотам немцев и забросали их гранатами.

Так было положено начало к победному штурму Саур-Могилы. Богородица помогла. Альпинисты погибли, было еще много жертв, но мы выполнили приказ. За эту долгожданную ПОБЕДУ спасибо Матери Божией».

Записала Галина Самтарова

НЕ СПЕШИТЕ СУДИТЬ БЛИЖНЕГО

Из воспоминаний Ирины Эдуардовны Вельчинской

Во время Великой Отечественной войны был при немецком штабе один наш житель. Все его очень ненавидели за служение немцам и особое, видимое угодничество врагам.

Когда разворачивались решающие бои на Саур-Могиле под Дмитриевкой, а было это в начале сентября 1943 года, немцы объявили сбор всех мирных жителей – женщин, детей, стариков, как помню, на 3 число, чтобы во время очередного, решающего наступления выставить нас вперед, как живую защиту от русских. Это все понимали, поскольку немцы уже приходили к таким методам войны. Люди плакали, молились Господу о пощаде, просили Пресвятую Богородицу стать Святым Покровом в таком злодейском замысле карателей.

И вдруг поступило новое указание о перенесении срока сбора людей на последующее число, на день позже. Оказалось, что наши войска вдруг неожиданно, под Покровом Царицы Небесной (так им было преуказано Ей Самой – свидетельствовали затем воины) в последующую ночь первыми пошли на штурм Саур-Могилы и одержали с Великого Ее благословения долгожданную победу.

Но было для всех жителей удивительно, что когда наши воины прибыли в немецкий штаб, который находился в Центральном поселке города Чистяково, они с красным знаменем встречали того ненавистного всеми нами служителя немцам. Благодарили его, обнимали, пожимали руки, хлопали по плечу, называли героем и спасителем. Потом он уехал с ними на фронт и больше его никогда никто не видел...

А ведь мы его как кляли, осуждали, не зная, что благодаря ему, возможно, отложено было главное выступление немцев и наша неминуемая гибель. Прости нас, Господи.

Галина Самтарова

БЫЛА ЛИ ВОЙНА В РЕМОВКЕ?

Как таковых военных действий не было. Об этом свидетельствуют мирные жители и все уцелевшие с довоенных времен постройки. Никаких разрушительных следов война здесь не оставила. Милость Божия и Святой Покров Иоанна Богослова всегда чувствовался в старинной Ремовке. И это тем более убедительно, когда приходит понимание, что самые тяжелейшие бои легендарного Миус-фронта проходили буквально рядом, на Саур-Могиле, что всего в нескольких 5–6 километрах от поселка.

Сотрясалась земля от грохота орудий и разрывов тяжелых снарядов, на многие километры раздавалось гулкое эхо смертоносных сражений. Небо заволакивали черные тучи дыма от гари и копоти пожарищ, что даже и солнца не было видно.

Но бывало, что «случайные» снаряды и залетали в Ремовку. Так однажды попал снаряд в церковное здание, как самое высотное и расположенное на высоком холме, но не разорвался и особого ущерба не причинил.

Жительница поселка, раба Божия Валентина с улицы Кочубея вспоминает, что когда она была еще маленькой девочкой, видела, как немцы с боевых позиций привозили своих погибших солдат и хоронили их на склоне выше источника Целителя Пантелеимона, где сейчас трансформаторная установка.

Были среди погибших немецких воинов очень молодые и красивые ребята, такие, что даже детским сердечкам было их жаль. Когда меньше, когда целые машины убитых. Тогда для них рыли большие братские могилы. Закапывали в основном в ночное время.

Погибших офицеров и командующих немцы хоронили ближе к церкви. Кто-то даже заметил, что близхрамовая территория буквально усыпана костями воинов, погибших на Саур-Могиле. С северной и восточной стороны храма одиннадцать одиночных захоронений сокрыты

под земным покровом. Здесь покоятся самые высокие военные чиновники. Когда земля к весне оседает, их захоронения легко просматриваются. Известно, что из Германии уже не раз приезжали с просьбой забрать останки для перезахоронения на родине, но такого благословения они от священства не получали.

По приказу Сталина зимой 1942 года, в самое трудное для фронта время, были открыты все уцелевшие на оккупированной территории храмы. Так возобновились службы и в Ремовском Свято-Иоанно-Богословском храме после десятилетнего перерыва. Но за отсутствием священников службы проводились только по большим праздникам. Часто храм использовался и не по назначению, а как хотели хозяева – для увеселений.

Но храмовая жизнь все-таки мало-помалу начала возрождаться. Собирается уцелевшее храмовое имущество, возвращаются сохранившиеся у населения иконы, восстанавливается иконостас, собирается клирос. Духовно изголодавшиеся люди потянулись к Церкви. Молились и дети, и взрослые за Отечество и Великую Победу над сильным и коварным врагом. Шли сюда люди отовсюду, со всей округи и поселений, поскольку Ремовский храм был, пожалуй, единственным культовым сооружением в Снежном, уцелевшим в годы Великой Отечественной войны.

Рута Старкова

ДОНБАСС НИКТО НЕ СТАВИЛ НА КОЛЕНИ

Освобождение Донбасса вошло яркой страницей в историю Великой Отечественной Войны. В приказе Верховного Главного Командования отмечалось: «Войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн – важнейший угольный и промышленный район страны».

Перелом на советско-германском фронте на Донбасском

направлении начался с того момента, когда наши доблестные войска прорвали Миусский оборонительный рубеж немцев. 13 августа 1943 года войска Юго-Западного фронта начали штурм обороны противника на Северском Донце. 18 августа перешли в наступление войска Южного фронта, нацелив свой удар на Горловку, Макеевку, Донецк. В первый же день наступления части 5-й ударной армии генерала Цветаева форсировали реку Миус и прорвали оборону врага на участке Дмитриевка-Куйбышево.

Упорные бои развернулись за Торез, Снежное и Саур-Могилу, Енакиево, Горловку и другие населенные пункты. В первых числах сентября они были освобождены.

7 сентября передовые части 230-й и 301-й стрелковых дивизий, а также 50-й гвардейской дивизии завязали бои за освобождение Сталино и 8 сентября полностью очистили город от оккупантов. При его освобождении помощь частям Красной Армии оказывали организации коммунистического подполья. К 14 сентября была освобождена вся территория области.

Сентябрьским утром 1943 года шахты Рутченовки и Донецка посетил Никита Сергеевич Хрущев. Его слова, сказанные шахтерам: «Помните, без угля нет металла, а без металла не добить нам фашистского зверя. Так что все теперь зависит от вас», вдохнули новые силы в людей. Войска идут дальше – на запад. А здесь, в Донецких степях, занимается заря нового дня – дня титанического труда, вдохновенного подвига, дня великих свершений во имя счастья на земле.

Идут улицами Донецка воины Советской Армии... И как бы переключаясь с их твердым шагом, поднимается трудовой Донбасс. Он опускается в шахту, становится к станку, занимает место у топки паровоза. И нет таких трудностей, которые не преодолел бы труженик Донбасса, когда речь идет об интересах его Родины.

На Саур-Могиле создан мемориальный комплекс во славу тех, кто штурмовал Миус-фронт, освобождал шахтерский край от фашистских захватчиков. Вознесся на самой верхней точке высоты 36-метровый обелиск из гранита. Возле него скульптура советского воина с автоматом в поднятой руке и

в развевающейся на ветру плащ-палатке.

Седые головы матерей и седые головы ветеранов, взбирающихся к вершине могилы, на которой навеки застыл бронзовый солдат, волнами колеблются, будто ковыль накатывается на склоны кургана. Тихо позвякивают медали, скрипят костыли.

Без малого два года создавались гитлеровцами глубокие рубежи обороны, которые начинались у Северского Донца, тянулись вдоль реки Миус и доходили до самого Таганрога. Гитлер надеялся, что здесь будет пролегать новая восточная граница Германии. Вместо армии генерала Паулюса, плененной в Сталинградской битве, была создана новая армия и названа тоже Шестой. Но отомстить, как надеялись фашисты, за разгром под Сталинградом им не удалось. Войска Южного и Юго-Западного фронтов прорвали вражескую оборону. Впереди – Саур-Могила. Фашисты превратили подступы к ней и ее склоны в крепость... До тридцати огневых точек на квадратный километр укреплений. Бронированные колпаки. Заграждения из колючей проволоки. Минные двухсотметровые в ширину поля...

Все последующие поколения не смогут оплакать тех, кто пал на подступах к Саур-Могиле, на ее склонах и вершинах, пытаясь выбить оттуда врага и водрузить знамя Победы... И по сей день там шагу нельзя сделать, чтобы не наступить на осколок или пулю...

Ежегодно в сентябре, когда в Донбассе наступает бабье лето с ясными, погожими днями, с летящей паутиной и прощальными криками отлетающих журавлей, на Саур-Могиле собираются бывшие воины, ветераны, вдовы, их дети и внуки, и правнуки... На праздник Освобождения.

В селах Примиусья, где шли ожесточенные бои, остались многочисленные братские могилы. Над ними установлены памятники и памятные знаки. На одном из них, в селе Дмитровке, высечены крылатые слова шахтерского поэта Павла Беспощадного: «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано».

Виталий Фролков

ПАМЯТЬ САУРА

*Над могилой Саура ветры кружат упрямо,
Над могилой Саура цветут ковыли,
И лежат дед и внук, здесь на склоне кургана –
Два солдата, два витязя русской земли.*

Андрей Бедило

Мое знакомство с памятным местом битвы советских воинов произошло шесть лет назад. Оказавшись в непростой личной ситуации, был спасен предложением родственников, которые ехали отдать дань памяти освободителям в День Победы, и решили взять меня с собой. Так неожиданным образом Саур-Могилы оказалась лекарством от безысходности.

Было свежо, и обезопасив себя теплыми вещами, мы неспешно поднимались по склону, где в свое время, в 1943 году, еще более неспешно, вгрызаясь в землю, шли к победе наши бойцы. А может быть, наоборот, это было стремительно. Пересидев в окопах ожесточенный обстрел противника, как много раз до этого, и после, советские солдаты, презрев опасность, поднимались в атаку, чтобы в последнем рывке снести противника. Те, кто легли навечно, на каждом метре этой земли хранят память о тех днях, полных ужаса войны, доблести и негибавшего воинского духа.

Оказавшись на вершине, понимаешь, ради чего шли такие ожесточенные бои. На многие километры вокруг открывается прекрасный вид на ставшими мирными равнины. Тот, кто владеет высотой, контролирует огромную территорию. Еще больше можно было бы увидеть с высоты монумента, установленного в самом сердце сражения. Высокая стела тянет, как магнит, и в разные годы не одно поколение людей посещало мемориал, чтобы связать свои знаковые даты с этим легендарным местом. Воспользовавшись подаренной когда-то возможностью, мы спокойно делаем фото, а затем спускаемся вниз. Ступени ведут мимо величественных изваяний солдат, кровью которых пропитан

каждый клочок земли. Представлены все рода войск, никто не забыт. Венная техника тех лет и увековеченные в камне списки погибших завершают грандиозную картину, и текущие проблемы уже не кажутся достойными столь пристального внимания.

Прошло три года. Совершенно невероятным образом война вновь пришла на нашу землю. В окрестностях Саур-Могилы, недалеко от границы прошла битва с новыми фашистами за дорогу жизни, по которой можно было получить помощь от дружественной страны. Представители националистических подразделений еще вчера родного государства считали возможным потревожить память предков, сложивших голову, но стерших в прах коричневую чуму 20 века. Хотя прах и рассеялся, но вдруг дал всходы. Потрясают кадры, когда сейчас, в третьем тысячелетии, бронетехника вновь штурмует высоту, и вздымается вверх земля от разрывов, вместе с останками защитников Родины. Я совсем недавно был там и не мог представить себе подобного безумия. От стелы остаются обломки, а барельефы советских воинов изранены осколками и снарядами.

Но не дотянулись. Тем, кто вновь встал на защиту родной земли, ценой больших потерь удалось отстоять право на память о Великой Победе в противовес непонятному дню согласия с маками в петлицах, как у женщин легкого поведения из прошлого. Воины нашего времени отстояли право думать и говорить на родном языке, сохранили веру, несмотря на атаку «европейских ценностей».

Не сразу, но узнаю, что в последних сражениях принимал участие близкий человек – Михаил. Тем понятней слова исполнителя, которого довелось встретить на авторском вечере. Непосредственный участник событий пронзал душу, делаясь пережитым в «Балладе о Донбасской Голгофе»:

...День Победы пришел, пролетели года,
Дети выросли, мирный рассвет поднимался.
Внук родился, не знающий слова «война» –
Дед за это с фашистами люто сражался.

...Адским пламенем, дымом повеяла смерть,
Страшным зверем фашизм пробудился,
Поглотил Украину безвластия смерч...
Мерзкий демон войны проявился.

...Восемнадцать ребят на былинной вершине
Отражали атаки озверевших врагов,
За волною – волна, за машиной – машина,
Град осколков, потоки свинцовых ручьев...

...Враг бежал, опрокинут, варимый котлами,
Только кости белеют среди вольных степей...
Русским духом былинным разбит и раздавлен,
Русским духом нетленным повержен злодей!

Прошло еще три года. Вечерний московский автобус провозит мимо монумента. Все тихо, пустынно, буднично. Закатное солнце погружается за горизонтом. В сумраке тонут очертания вершины и искалеченных памятников. Сохранить бы наследие, доставшееся дорогой ценой. Не забыть... Для потомков, для тех, кто еще не родился...

Сергей Шевцов

ДВА ФЕДОРА, ОДНА СУДЬБА

Послушай ветры над Саур-Могилей,
Коснись рукой пахучих диких трав,
Здесь мужество с боями проходило,
Легендою для всех навеки став.

Когда земля дрожала под ногами,
Когда металл от взрывов уставал,
Солдаты шли в бушующее пламя,
Туда, где не выдерживал металл.

Земля считать не успевала раны,
Увидела тогда Миус-река,
Как огненные брызгали фонтаны,
И падали на землю облака.

Солдаты шли, степь кровью окропляли,
Горячей кровью каждую версту...
Но отстояли! Выдержали! Взяли
Немыслимой отвагой высоту!

Послушай ветры над Саур-Могилой,
И ты поймешь, кто эту землю спас,
Чье мужество в боях освободило
Врагу не покорившийся Донбасс.

Вознесся в небо памятник бессмертья
Героям, павшим доблестно в боях,
Которым жить не годы, а столетья,
И вечно в благодарных жить сердцах.

Федор Серебрянский, участник штурма Саур-Могилы, наводчик орудия в девяносто шестой дивизии, которая прорывала рубеж под названием Миус-фронт.

Стены дома еще дымились, когда Федор вошел во двор родительской усадьбы. Снаряд системы залпового огня «Ураган» превратил уютную хатку с резными наличниками в груды строительного мусора. Хорошо, что мать вовремя успела переехать к сыну, когда начались обстрелы.

Осторожно ступая по разбросанным обломкам, Федор приблизился к чудом уцелевшей входной двери с ярким витражом, зияющим нелепым декором на огрызке закопченной стены. Доставать ключи не имело смысла, мужчина проник в здание через дыру в кирпичной кладке.

То, что увидел Федор, резануло по сердцу острой бритвой. Дом, где он вырос, и прошли его лучшие годы, украинская армия

уничтожила одним выстрелом. Пройтись по комнатам, чтобы все осмотреть, было невозможно из-за непроходимого бурелома из рухнувших стен, обвалившихся потолков и раскуроченной мебели. Мужчина нервно закурил и долго стоял в оцепенении, тупо глядя на развалины. Родное гнездо варварски растерзали. Смотреть на дымящийся кошмар не было сил. Уходя, Федор думал, как он расскажет матери про эти обугленные руины, ведь дом строил покойный отец своими собственными руками.

Вдруг взгляд зацепился за какой-то сложенный треугольником обгоревший бумажный лист, лежащий на земле. Федор осторожно поднял его. Что-то очень смутное промелькнуло в памяти. В Великую Отечественную так складывали письма бойцы Красной Армии, обходясь без конвертов. Догадка не обманула мужчину, это действительно была далекая весточка с фронта от его деда Федора, в честь которого назвали внука. Неожиданная находка незримой нитью связала прошлое и настоящее. Пальцы бережно разглядели пожелтевший листок.

«Здравствуй, дорогая Катя! У нас сейчас затишье, можешь за меня не волноваться», – так Федор-старший начал свое послание жене, датированное августом тысяча девятьсот сорок третьего года. Это было последнее письмо, написанное дедом. Он так и не узнал, что у него родился сын, который назовет его именем уже своего сына.

Высота двести семьдесят семь и девять десятых Саур-Мои́ла – господствующая высота, имевшая важное тактическое значение. Она входила в состав оборонительных сооружений первой линии Миус-фронта – укрепленного рубежа фашистской Германии на реке Миус.

Семнадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года советские войска внезапной атакой прорвали фронт шестой армии вермахта и заняли плацдарм на западном берегу реки. Взбешенное немецкое командование срочно бросило на это направление танковые дивизии СС «Дас Райх» и «Тотенкопф», резервную шестую армию, двадцать третью танковую и двести девяносто четвертую пехотную дивизии.

Завязались ожесточенные бои, в результате которых немцам удалось вернуть утраченные позиции.

Федор принимал участие в том сражении, где погибла половина его тридцать первого гвардейского пехотного корпуса. Здесь была страшная мясорубка. Самого его сильно контузило, и он потерял сознание. Очнувшись, солдат долго приходил в себя, ожидая, когда прекратится шум в голове. Красноармеец сел и ощупал тело, проверяя, нет ли ранений. К счастью, его не зацепило, только оглушило и отбросило взрывной волной. Федор встал, оглядываясь по сторонам. Вокруг дымилась земля, усеянная трупами и покореженной техникой. Языки пламени на оцетинившихся танках дополняли ужасающую черно-серую картину. Глаза обшарили пространство в надежде отыскать хоть кого-то из живых, но таких не было. Смерть досыта поработала здесь своей косой. Боец поднял с земли винтовку и шатающейся походкой побрел, соображая, в какую сторону двигаться. Везде, куда ни кинь взгляд, царила бескрайняя степь.

Неожиданно послышалась немецкая речь и прозвучала короткая автоматная очередь. Федор упал на землю и пополз к догорающему танку, чтобы спрятаться за ним. Выглядывая из-за железного монстра, он пытался разобраться в происходящем. Взвод немецких солдат монотонно прочесывал местность в поисках выживших. Если им подался раненый советский боец, тут же раздавался пистолетный выстрел или автоматная очередь. Федор, не раздумывая, пополз вперед, быстро удаляясь от фашистов. Подбитые танки и воронки от взрывов помогали прятаться. Солдат хотел скорее покинуть Саур-Могилу, он понял, что высоту опять захватили немцы.

Начало смеркаться. Это был хороший знак – в темноте легче уйти от погони. Но и наскочить на замаскированный немецкий пост тоже была большая вероятность. Сейчас Федор находился на вражеской территории, а как далеко отступили свои он не знал. Солдат шел наугад по чистому полю, представляя собой отличную мишень. Ему повезло, что наступил вечер и приближалась ночь. Когда стали попадаться жидкие лесопосадки, он вздохнул с облегчением. Вскоре показались

дома какой-то деревеньки. Но кем она занята, русскими или немцами красноармейцу неизвестно. Идти по улице было опасно и Федор решил пробираться огородами. Там же можно немного подкормиться, голод уже начал напоминать о себе.

Наспех перекусив тем, что удалось найти на грядках, окруженец решил подойти к покосившемуся дому. Одно окно светилось. Прячась за ветвями раскидистой яблони, боец осторожно заглянул в комнату. За столом ужинали три немецких офицера. Оценив обстановку, Федор собрался уходить, но тут его взгляд привлекла каска, лежащая на скамье. Она была с мотоциклетными очками.

Боясь нарваться на цепного пса, красноармеец осторожно прокрался во двор, скрываясь за деревьями и кустами. Будка действительно стояла, но собаки в ней не было. Скорее всего, немцы убили несчастную дворнягу, когда становились сюда на постой. Мотоцикла во дворе не оказалось, и Федор решил поискать его со стороны улицы. Бээмве с коляской нашелся за забором, размеры махины не позволили ей въехать в узкую калитку. Опытные руки автомеханика сняли мотоцикл с тормоза и бережно покатали вперед. Завести двигатель Федор решил только, когда добрался до небольшого лесочка. Рассчитывая лишь на удачу, мотоцикл понесся между деревьями. Скорость была единственным преимуществом беглеца.

Вдруг послышались автоматные очереди. В ответ прозвучали винтовочные выстрелы. Мотоциклист остановился и прислушался, определяя, откуда раздаются звуки. Против немецких шмайссеров огрызались русские трехлинейки. Там шел бой местного значения. Наверное, кто-то из советских солдат прорывался из окружения. Им требовалась помощь. Рассчитывая на то, что темнота не позволяет разглядеть человека, а мотоцикл, едущий со стороны фашистской группировки может быть принят за немецкий, Федор решил рискнуть.

Два советских бойца, скрываясь за деревьями, отстреливались от трех немецких автоматчиков. Определить местоположение людей ночью можно лишь во время выстрелов по ярким вспышкам. Федор внимательно вглядывался в темноту, фиксируя любое движение. Наконец он заметил

чью-то фигуру. Однако, кто это, свой или враг – непонятно. Обнаруженный солдат сам выдал себя, заговорив по-немецки. Другой боец что-то ему ответил, чем также обозначил себя. Расстояние до цели было метров двадцать, но Федор хорошо стрелял. Ночь, конечно, давала свои коррективы, однако винтовка Мосина не подвела. Фашист дернулся и повалился на бок. На прозвучавший выстрел тут же с двух точек раздались ответные автоматные очереди. Но били они на авось, поскольку не видели стрелявшего. При этом Федор заметил, откуда велся огонь. У него было одно неоспоримое преимущество – он находился за спинами немцев.

Лес погрузился в тишину. Началась война нервов. Все сэкономили патроны. Кто и куда двигался по-пластунски или короткими перебежками было не понять. Федор решил подползти к немцам слева, сделав небольшой крюк. Тучи заволокли небо так, что темнота резала глаза. Даже если сейчас кто-то и обнаружится, то определить к какой армии принадлежит солдат, будет невозможно. Чтобы рассмотреть форму, к бойцу нужно приблизиться вплотную. Временами луне удавалось прорваться сквозь облачное заграждение, тогда кусты и деревья обретали хоть какие-то очертания, вынырнув из крошечной тьмы. В эти моменты напряжение глаз достигало максимума. Противники осторожно, но целенаправленно стягивались в одну точку. Пошел дождь. Его шум окончательно сбил с толка, не позволяя слышать слабые звуки передвижения людей. Что еще хуже, вскоре на землю обрушился ливень, превратив шум дождя в монотонный гул.

Вспыхнувшая молния неожиданно осветила площадку, мгновенно обозначив четыре силуэта. Увидев друг друга, солдаты на секунду растерялись, однако тут же собрались и бросились врукопашную. Ночь сразу замазала картинку черным непроницаемым цветом. Федор, не медля, ринулся напролом сквозь кусты к ближайшей паре. В этот момент молнии, будто сговорившись, засверкали одна за другой, освещая дерущихся. Немец повалил советского солдата на землю и начал его душить. Откормленный тевонец по габаритам и силе явно превосходил советского бойца, но нож Федора, вонзенный

между лопаток фашиста, устранил эти преимущества. Теперь оставалось разобраться со вторым германцем. Численный перевес три против одного решил исход поединка в пользу красноармейцев. После этой атаки солдаты обессилено рухнули на землю, подставляя разгоряченные лица живительной влаге дождя. Бой местного значения закончился.

Разговоров почти не было. Русские мужики обменялись крепкими рукопожатиями, да хлебнули немного спирта из фляги Федора. Два артиллериста и пехотинец, немного переведя дух, решали, как им добираться к своим. Мотоцикл с коляской и ночь были хорошим подспорьем. Общее направление, куда нужно двигаться, солдаты примерно знали. Уйти слишком далеко Красная Армия не могла, так что долго расслаживаться не стоило. Бээмве, огрызнувшись выхлопной трубой, рванул навстречу неизвестности. После всех тяжких испытаний судьба решила, наконец, дать отчаянной троице небольшую передышку. Через два часа промокшие бойцы отогревались чаем в блиндаже на позиции, куда отступили советские войска.

Несколько недель на Миус-фронте было затишье. Восемнадцатого августа в шесть часов утра начался повторный штурм Саур-Могилы. Тринадцать дней шли кровопролитные бои. Высота была взята только утром тридцать первого августа. Это было последнее сражение Федора, одного из тысяч солдат, отдавших жизни за освобождение Донбасса. Во время тех боев на кургане была уничтожена вся растительность. Выжило только одно дерево. Возле него установили чугунную плиту с надписью: «Это дерево – свидетель неслыханной храбрости и мужества советских воинов, которые дрались за твоё счастье. Так будь же, друг мой, современник, бдителен на земле, которая полита кровью твоих отцов и братьев. Право требовать это они смертью в бою заслужили».

После взятия Берлина бойцы пятой ударной армии, участвовавшие в боях на Миус-фронте, написали на стене поверженного рейхстага: «Сталинград – Саур-Могилы – Варшава – Берлин! Самсин, Павлуха, Стегний». Эти ребята расписались не только за себя, но и за тех своих товарищей,

которые не дожили до великой победы, в том числе они расписались и за Федора.

Мемориальный комплекс «Саур-Могила» снова стал высотой двести семьдесят семь и девять десятых. Никому и в страшном сне не могло присниться, что спустя семьдесят один год после увековеченных в камне и бронзе событий Великой Отечественной войны, этот курган опять будет господствующей высотой, имеющей важное тактическое значение.

Евромайдан, Революция достоинства, Небесная сотня – красивые громкие слова. А по сути, на Украине произошел государственный переворот, получивший свое чудовищное продолжение в виде гражданской войны. Донбасс опять хотели поставить на колени. К власти в стране пришли те, чьей идеологией был ярый национализм. Проклятые на века кровавые палачи Бандера, Шухевич, Орлик и другие прихвостни фашистской Германии не только были возведены в ранг героев Украины, но и возвеличены до уровня идеологических вождей. Донбасс не пожелал мириться с таким поворотом истории – он восстал. Тогда хунта послала против непокорных жителей юго-востока танки и боевую авиацию, в ответ люди взяли за оружие.

С первого дня протеста Федор примкнул к сторонникам Русского мира. Так он оказался в бригаде «Восток» ополчения Донецкой Народной Республики, которая провозгласила свою независимость от бандеровской Украины. Развязанную хунтой войну Верховная Рада назвала Антитеррористической операцией. Жители юго-востока окрестили эту войну Отечественной. Сменив на посту своего деда, Федор пошел защищать родной Донбасс. Ополченец даже взял себе позывной – «Дед». Но сейчас он сражался не с немецкими фашистами, а с фашистами украинскими. Раньше Федор каждое тридцать первого августа в день взятия Саур-Могилы приходил на курган с цветами, чтобы почтить память героического предка. Летом две тысячи четырнадцатого он пришел сюда с автоматом.

Пятого июня бои велись в районе села Мариновка к югу от высоты. Восьмого июня повстанцы укрепились в городе

Снежное, к северу от кургана. Все лето возле Саур-Могилы шли сражения между ополчением и подразделениями Вооруженных Сил Украины. В июле на кургане располагался опорный пункт повстанцев, игравший ключевую роль в событиях вокруг «Изваринского котла», где оказалась украинская армия. В окружение попали семьдесят вторая, семьдесят девятая аэромобильная и двадцать четвертая механизированная бригады Министерства обороны Украины, территориальный батальон «Шахтерск» и часть батальона «Азов». Четвертого и пятого августа украинские военные силами отдельных подразделений из состава пятьдесят первой, двадцать пятой бригад, третьего полка спецназа и сводной группы участников добровольческих формирований предпринимали попытки штурма высоты, но, попадая под шквальный минометный, а позже прицельный артиллерийский огонь, с большими потерями отступали. Овладение этим курганом стало для украинской армии принципиальным моментом. Туда бросались колоссальные силы, в то время как количество находящихся там ополченцев не превышало трех десятков человек.

В конце июля состоялось сражение, когда на Саур-Могиле находилось всего тридцать два бойца бригады «Восток», в которой служил Федор. Одновременно пятнадцать украинских танков пытались атаковать позиции ополченцев. Четыре повстанца погибли и восемнадцать были ранены. Потом от ран умерли еще двое. В конечном итоге на высоте осталось только пять боеспособных солдат, которые продолжали держать оборону. В ночь на девятое августа они трижды вызывали на себя огонь своей артиллерии, корректируя точность попадания снарядов, так как украинские военные подошли к ним вплотную. Все склоны кургана и прилегающей к ней лесополосе были усеяны таким количеством трупов украинских военнослужащих, что визуально определить, сколько человек погибло, не представлялось возможным – их были сотни. Командир бригады «Восток» Александр Ходаковский, который держал постоянную связь с той героической пятеркой, вспоминал, как после прямого

попадания артиллерии ополчения по кургану один из бойцов сказал ему по телефону: «Вот удачно, удачно попали – прямо по нашим головам. Сейчас отроюсь и буду дальше корректировать». После этого Ходаковский отдал приказ своим солдатам оставить высоту. Девятого августа Саур-Могилы перешла под контроль вооруженных сил Украины.

В ходе боев мемориальный комплекс получил значительные повреждения. Десятого августа рухнула фигура солдата. Очень пострадали пилоны, барельефы и сам обелиск, который получил ряд сквозных пробоин. Двадцать первого августа донецкое ополчение взяло под контроль село Петровское, отрезав линию снабжения украинских военных, находившихся на Саур-Могилах. В тот же день в результате перекрестного обстрела обелиск Саур-Могилах обрушился. Двадцать восьмого августа российский «Первый канал» сделал репортаж о бойцах ДНР с высоты двести семьдесят семь и девять десятых возле развалин памятника советским воинам. Украинские войска численностью свыше четырех тысяч человек отступили. Более того, они оказались окруженными в «Амвросиевском котле». Занятие высоты позволило войскам ополчения выйти к Азовскому морю и взять под свой контроль Новоазовск с прилегающим к нему сорокакилометровым участком азовского побережья.

Легендарная Саур-Могилы второй раз в новейшей истории была освобождена от фашистских захватчиков. Вспоминая деда, Федор размышлял о том, насколько оказались схожими военные августы его предка и нынешний. Такое впечатление, что в этом месте донецкой степи на витке истории летом тысяча девятьсот сорок третьего года пролилось столько крови, что она невольно просочилась на август две тысячи четырнадцатого. А ведь оба Федора были по жизни сугубо мирными людьми. Дед работал автомехаником на машинно-тракторной станции, а внук учительствовал в школе. Но они сами выбрали свою долю, когда на их землю вторгся враг. Вот и выходит: два Федора, а судьба одна – защищать родной Донбасс.

Алла Эктова

СИЛА, СПОСОБНАЯ ПОБЕДИТЬ ВСЕ

Саур-Могила... Сколько в этом слове мужества, стойкости, гордости за силу человеческого духа. Ведь по ожесточенности боев и безвозвратным потерям наши бойцы, принимавшие участие в штурме Саур-Могилы окрестили эту битву «маленьким Сталинградом». И сейчас, оглядываясь на события более 70-летней давности, невозможно представить, что испытали люди, которые не дрогнули, не отступили, а раз за разом штурмовали высоту в раскаленном августовском зное, каждый раз пытаясь обуздать этот огненный и кровавый ад. Что мы знаем о мужестве этих солдат? Мы дважды в год ездим на Саур-Могилу, чтобы почтить их память. Мы возлагаем цветы к обелискам и проводим торжественные мероприятия. Но осознаем ли мы всю глубину их подвига – не сдавшихся, не сломленных, победивших. Мы в один голос говорим о том, что они совершили подвиг. Но что это такое? Откуда у человека, простого человека, берутся такие силы? Силы не просто выжить, переждать, привыкнуть, а силы своей жизнью и смертью переломить ход сражения, вдохновить солдат, идущих в атаку, заставить весь мир склонить голову в знак уважения и преклонения пред подвигом советского солдата. Эти люди любили свою Родину, скажите вы. И это верно, но где грань между человеком, который просто заявляет о своей любви к родному краю и человеком, не жалеющим своей жизни ради его благополучия. Там в далеком 1943-м году на подступах к Саур-Могиле советские солдаты сотни, тысячи раз могли отступить, но они не отступили. Они могли сотни, тысячи раз сдаться, испугавшись мощи немецкой военной машины, но они не сдались. Они могли сотни, тысячи раз умереть, и они умирали. Но они показали, что есть что-то сильнее смерти, сильнее всех ужасов войны. Это великий дух нашего народа, который спасает нас в час беды.

Каждый раз, находясь на вершине легендарной высоты, я

задаюсь вопросом: А я? А я смогла бы так? Смогла бы идти в атаку, когда вокруг падают сраженные пулей друзья, когда твоих товарищей разрывает на части взрывом гранаты? Смогла бы не забиться в угол окопа, а находясь среди тысячи трупов бежать вперед на врага, навстречу неизвестности? Смогла бы отдать свою жизнь не под звуки фанфар и гул восторженной толпы преклоняющейся пред моей жертвой, а отдать ее просто и буднично, не зная, повлияет ли твоя смерть на исход боя, одержите ли вы победу? Смогла бы, уже будучи раненой, не стонать, не плакать, не звать на помощь, а вызвать огонь на себя, чтобы спасти своих товарищей, но не себя? Каждый раз на легендарной высоте я задаю себе эти вопросы. И каждый раз не нахожу ответ. Какой силой духа нужно было обладать, чтобы пройти сквозь все это? Откуда они брали такое мужество? Что толкало их вперед, даже когда это было безнадежно? Где грань между просто человеком и героем? Знать бы ответы на эти вопросы! И мне хочется задать этот вопрос каждому из вас: А вы бы смогли? Смогли как они?

Но иногда, стоя на вершине овеваемого всеми ветрами кургана, мне кажется, я начинаю понимать, почему советские воины не желали отдавать ни кусочка этой прекрасной земли, нашей земли. Потому что однажды тебе приходится решать, что для тебя важнее всего, что стоит в твоём сердце на первом месте? Это любовь. Любовь к местам, где вырос, к этим просторам земли, которые вскормили тебя, к людям, которых хочется защитить от всех бед на свете. Чтоб не топтали такую дорогую твоему сердцу землю вражеские сапоги. И если отдавать свою жизнь, то только за это. Не за деньги, не за славу или власть. Я думаю именно поэтому наш воин стал Воином-Освободителем, Воином-Победителем. Все советские воины, погибшие на кровавых полях самой жестокой из войн, шагнули в бессмертие, подарив нам не просто жизнь, а осознание того, что все решает не техника и вооружение, а сила человеческого духа. Сила способная победить все.

Надежда Горобец

СОН

*История вынуждена повторяться,
потому что никто ее не слушает...*

Лоренс Питер

Город еще спал. Огромный, сильный, красивый, он сонно вздыхал в предрассветной тишине, словно уставший от тяжелого дня человек. Его настойчиво будили трамваи и неугомонные птицы в ярко-зеленых кронах деревьев. Птицам не до сна: нужно спешить жить, ведь за окном – май!

Пожилой мужчина в маленькой квартирке городской пятиэтажки проснулся раньше птиц. Ему не нужно спешить. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, думая о своем сне. Старик начал привыкать к нему – так часто он повторялся. Почти все снившееся было реальностью, страшной и жестокой, случившейся в его далекой юности...

– Пашка, не отставай! – надрывает глотку лейтенант, ползущий чуть впереди. Стараясь перекричать сумасшедший рев ожесточенного боя, он поворачивается к Павлу. Блестят знакомые карие глаза, а вместо лица – месиво из запекшейся крови и грязи. Ползти очень трудно, тело словно свинцовое. Оглушительный взрыв – и с неба словно кто-то сыпанул ведро земли. В ушах появляется легкий звон, быстро вытесняя собой все остальные звуки. Протерев глаза от дыма и пыли, несколько секунд молодой пехотинец словно смотрит немое кино. Ребята продолжают ползти вверх, прикрываясь трупами погибших, вспышки слепят глаза, столбы дыма устремляются в небо. И звон – тонкий, нежный, еле слышный.

Грохот боя возвращается неожиданно и очень громко: – Пашка, живой?! – в самое ухо кричит лейтенант с кроваво-черным лицом. – Ты только держись!

В последнее время Павел Николаевич часто просыпался от этого крика. Вот и сегодня его разбудил не трамвай, не птицы, а отчаянный лейтенант Михеев из 1943 года. Открыв

глаза, долго смотрел в окно. Там был май – свежий, яркий, жизнерадостный, не желающий ничего знать о ночных кошмарах одинокого старика. Он звал жить и радоваться жизни, забыть обо всем неприятном и грустном.

Павел Николаевич так и жил: улыбался широко и искренне, никогда не падал духом, радовался каждому дню. Бодрый, подтянутый, он почти с негодованием отверг предложение сына переехать к нему: сам ведь прекрасно справлялся с бытом, няньки не нужны! И скучно ему никогда не было: домашние хлопоты, друзья, любимое дело заполняли все время. А по выходным – дети, внуки, любимый правнук Пашка, его точная копия.

Вот если бы не этот сон...

Зачем он повторяется? Ведь Павел и так ничего не забыл, он помнил, казалось, каждый день своей военной юности. То, что снится, происходило летом 1943-го здесь, на Донбассе. В Сталино хозяйничал враг. Нестерпимо больно было знать, что самоуверенные и наглые немцы ходят по родным улицам, прибирают к рукам шахты и заводы, издеваются над мирными жителями. Негодование, ненависть, злость отражались на лицах солдат, особенно тех, кто родом из этих мест. Ведь все знали: еще с начала оккупации края фашистские чины распределили между собой эти земли и хладнокровно рассчитали, сколько местных жителей оставят в живых – для рабства. Каждый из ребят понимал, что тем, кто остался на оккупированной территории, ничуть не легче, чем на линии фронта. А потому каждый принял как должное призыв командующего южным фронтом: «Два раза пришлось прорывать Миус-фронт. Будем прорывать в третий раз. Другого пути в Донбасс у нас с вами нет».

А потом был прорыв – две недели ада. Павел знал, что его рота – один из винтиков четко работающего механизма. И не дай бог этому винтику сломаться! Слаженная работа танкистов, пехоты, артиллерии, авиации на всем участке прорыва (25 километров) зависела от каждого. Как они старались!

Когда его, уже седого ветерана войны, спрашивали о патриотизме, всегда хотелось рассказать о тех августовских

днях 43-го года. Как рядом с ним, донецким парнем, плечом к плечу стали ребята из Полтавы, Ленинграда, Баку и пошли под пули, освобождая от фашистской нечисти Донбасс. И не считали себя героями, не ждали благодарностей и наград...

Зазвонил телефон.

– Дедушка, привет! Как спал? Давление измерил? Мы проспали, а у Паши сегодня экзамен...Смотри, поешь кашу на завтрак...

Это его заботливая внучка Леночка. Павел, улыбаясь, слушал поток наставлений и указаний, соглашался, подчинялся, чтобы не давать родным повода для беспокойства. Его правнук оканчивает институт, совсем уже взрослый. Сколько это ему? Да, именно таким был сам Павел в том сне...

Все происходило в последние дни лета. Измотанные, уставшие, озверевшие от ненависти бойцы пятой ударной армии штурмовали главную стратегическую точку Донбасса – высоту 277. Так называли ее на войне, легендарную и таинственную Саур-Могилу. Павлу всегда казалось, что именно она хранит все тайны истории родного края. Огромная рукотворная гора возвышается над бескрайней донецкой степью в тумане сказок, легенд, догадок. «Вот-бы на вершину взобраться, говорят, оттуда даже море видно!» – вспомнились слова друга детства.

Павел взобрался. И лейтенант Михеев тоже, и еще немногие из однопольчан. Только никто не любовался пейзажем, не всматривался вдаль. Были раны, кровь, обожженная земля под ногами, куски исковерканного железа, тела погибших. Были слова командира: «Не расслабляться, это еще не победа!» Потом – госпиталь, навсегда разлучивший Павла с родным полком. Правая рука, не смотря на старания хирурга, никак не слушалась: была нужна долгая реабилитация.

– Дурачок, да ты радуйся, что она у тебя вообще осталась! – увещевала поникшего духом Пашку медсестра Никитична. – А воевать по-разному можно, не только с автоматом под пулями! Вон работы вокруг сколько, все же изувечили, ироды, все

пожгли-поломали...

Родной город был освобожден. Притихший, он лежал в руинах и пожарищах, грустно смотрел черными окнами и, казалось, тяжело вздыхал. Он нуждался в заботе и любви своих жителей, в их силе духа, в их помощи. Город хотел мира.

А из динамиков по-прежнему звучало: «Все для фронта, все для победы!» И Павел понял, что права Никитична: он будет полезнее здесь, он сделает все, что сможет, и для фронта, и для разбитого города. И когда в 1945 на рейхстаге среди многих других появилась надпись «Сталинград–Саур-Мои́ла–Варшава–Берлин!», он, боец пятой ударной армии, испытывал сильнейшее чувство гордости. Ведь мысленно все время был с ними, дошедшими до Берлина однополчанами.

Павел Николаевич помнил все. Сон-напоминание был ему не нужен, он беспокоил, мешал, как назойливая муха, от которой не отмахнуться. Но где-то в глубинах подсознания росла тревога: не просто так, не зря все это. Похоже на предостережение. Что будет?

– Батя, может, успокоительного попьешь? – посоветовал сын, узнав о снах и предчувствиях отца. Потом, конечно, извинялся, долго слушал воспоминания, на удивление ясные и подробные, а как потеплело, повез отца на легендарный курган. «Пусть старик проникнется покоем, величием монумента, пусть увидит мирную красоту тех мест, – думал он. – Пусть убедится, что предчувствия его напрасны: не будет здесь никаких боев!»

Павел Николаевич был молчалив и внешне очень спокоен. Долго стоял перед пилоном, посвященным пехотинцам. Затем смотрел вдаль, подставляя лицо теплему ветру, пахнущему травами и свободой. А по дороге домой он даже шутил, смеялся. И глядя через окно автомобиля на знакомые с детства просторы с четкими треугольниками терриконов, думал: «Жизнь прекрасна, и нет в ней места дурным предчувствиям! Есть дети, внуки и правнуки. Есть родной дом, а за его окном щебечут птицы и стучат трамваи. Вот что важно на самом деле».

...Эта весна стала для него последней.

Прошло четыре года.

Над Саур-Могилой не слышно шума ветра и пения птиц. Воздух сотрясается от взрывов и рева боевых машин. Неба не видно из-за дыма и пыли. Стоит запах гари и мертвой плоти – запах войны.

Чей-то сон? Если бы...

Где-то там, на самой вершине, среди воронок и обломков монумента, за завесой дыма – молодой боец Пашка, точная копия покойного прадеда. Измотанный, уставший, озверевший от ненависти, он защищает от врага высоту 277. Оглушительный взрыв – с неба сыпнуло землей и камнями.

– Пашка, живой? – кричит кто-то рядом. – Ты только держись!

Было лето 2014 года...

Валентина Русская

ЗАПОЗДАВШЕЕ ПИСЬМО

Наша разведгруппа готовится совершить прорыв обороны противника, занять высоту Саур-Могила и удержать ее до подхода основных сил. Немцы делают все, чтобы нас уничтожить и шансов выжить мало. И чтобы память о нас не выцвела со временем и не затерялась между страниц истории, обращаюсь к вам – детям, внукам и правнукам тех, кто дойдет до конца.

Земляки, не забывайте нас, живите за нас, любите за нас и не предавайте память о нас.

В нашей разведгруппе есть русские, украинцы, армяне, грузины, белорусы. И хотя в бреду, от боли из-за полученных ран, мы зовем маму каждый на своем языке, в остальном между нами различий нет.

Мы люди, объединенные общей целью – победить и вернуть Мир на нашу землю. Мы хотим спасти наш особенный многонациональный Мир и сохранить право на свою особенную жизнь Души.

Не ссорьтесь между собой из-за того, что кто-то называет Бога Христом, а кто-то – Аллахом. Поверьте, жизнь человеческая так коротка, что тратить ее на выяснение чье имя Бога точнее не только бессмысленно, но и опасно. Не нам оценивать Божий замысел и Божьи законы, и уж точно не нам их переписывать.

Саур-Могила станет нашей общей могилой и лежать в ней будут все вместе без деления по национальности и религиозным убеждениям.

Земляки, запомните, если вы забудете нас или перекроите историю, то все повторится снова. И пойдет брат на брата, и заалеет Сауровка не маками, а кровью, и остановить течение этой крови будет намного сложнее, так как смешается она с нашей и потребует ответа.

Вы – наши будущие потомки – цените все то, что окружает вас: леса, поля, моря, реки и помните, что возможность видеть и наслаждаться всем этим вам подарили мы, и заплатили за это самой дорогой ценой – ценой своей жизни.

Не так важно, сколько памятников вы поставите нам на земле, а важно скольким поколениям вы не дадите забыть о нас.

Надеюсь на то, что подаренный вам Мир, ради самих себя и своих детей, вы сумеете сохранить и преумножить.

*Рядовой Петр Иванов
30 августа 1943 года*

Раиса Пудак

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ

*Когда увидишь, что идут ветераны,
Остановись перед ними и низко голову склоня.*

Более 70 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. Но в горькой памяти народной не стереть те 1418 дней и ночей лихой поры. Трудным и тернистым был путь к Победе. И не было светлей и радостней сообщения, чем новость о капитуляции фашистской Германии, о завер-

шении войны. Новость, которая вместилась в одном трепетном, долгожданном и выстраданном и очень радостном и светлом слове ПОБЕДА!

Советский народ потерял в войне треть своего национального дохода и более 20 миллионов человеческих жизней, которые ничем не восполнить. Светлая память и наша сердечная благодарность защитникам Отечества, которые вернулись с войны победителями. Это – наши ветераны, живые свидетели тех страшных дней. Берегите, уважайте и любите их. И эту любовь и уважение передайте детям своим и детям своих детей.

Лишь благодарная память потомков навечно сохранит их имена и подвиги во имя Родины, во имя нашего Донецкого края, во имя жизни на Земле.

Великой Победы солдаты,
Герои великой войны,
Все то, что свершили Вы, – свято
Для нашей свободной страны.
Вы – честь наша, совесть и слава,
Наш фонд золотой, и для Вас
Все сделать, готовы держава
И край наш рабочий – Донбасс!

Всем ветеранам Великой Отечественной войны, фронтовикам-каленинцам, сражавшимся в битве за Донбасс, и в частности участнице штурма Саур-Могилы Гуровой Александре Николаевне посвящается.

Гурова Александра Николаевна, Ветеран ВОВ, освободитель Донбасса, участница штурма Саур-Могилы

Гурова-Горбатова Александра Николаевна родилась 8 мая 1924 года в селе Миловое Бериславского р-на, на Херсонщине в семье Горбатова Николая Григорьевича, буденовца. Николай Григорьевич после гражданской войны боролся за установление советской власти на селе, был бригадиром

тракторной бригады в колхозе. Великую Отечественную войну прошел кавалеристом, а вернувшись домой, продолжал работать в колхозе – выращивал хлеб. Мать – Анна Васильевна тоже работала в колхозе. Семья была многодетная – 4 дочки и трое сыновей. Самая старшая была Шура. И хотя девочке хотелось учиться, ей как старшей после окончания семилетки пришлось пойти работать в колхоз, чтобы помогать семье.

Она работала на хлопковых полях, была передовым бригадиром по выращиванию хлопка.

Но мирный труд страны был неожиданно нарушен немецкими войсками. 22 июня 1941 года Германия вероломно напала на Советский Союз.

Не могла борьба с врагом остаться в стороне от Шуры. С первых дней войны она стала проситься на фронт добровольцем. Но ей, комсомолке, и еще 14 девушкам-комсомолкам в военкомате дали задание – эвакуировать на восток большое стадо коров, так как началась оккупация Украины немцами. Гнали стадо вглубь страны, в тыл.

Едва добрались до Ростова-на-Дону под свист пуль и взрывы бомб. С этого момента начался фронтовой путь 17-летней девушки и ее подруг. Но нужно было идти дальше – до Сталинграда.

Переправились через Дон и сдали стадо в совхоз «Котлубань» за 40 км до Сталинграда. Здесь под Сталинградом в ноябре 1942 г. Шура добровольцем пошла в армию, на передовую. Стала радисткой 260-го стрелкового полка. В 17 лет Шура взяла в девичьи руки винтовку. Первое ранение получила под Сталинградом, попала в госпиталь. Затем вернулась в свою воинскую часть, которая в это время обороняла Сталинградский тракторный завод. Попала, как говорили, в самое пекло. Снова была ранена, снова госпиталь. Прошла связисткой от Сталинграда до Днепра, форсировала Днепр. За бой под Сталинградом была награждена медалью «За боевые заслуги».

После разгрома главной силы немецкой машины в г. Сталинграде, а затем на Курской дуге, фюрер делал последнюю ставку – остановить Советские войска перед Донбассом

и Правобережной Украиной, и эту территорию сделать протекторатом фашистской Германии. Поэтому Германским главнокомандованием были совершены большие усилия по укреплению линии обороны, используя выгодный рельеф по реке Днепр и речкам Донбасса. Миус-фронт и Саур-Могилу ставка Гитлера считала непреступной крепостью. Решить задачу прорыва этой крепости и освобождения Донбасса было поручено Южному фронту во главе с талантливым командующим генералом Толбухиным Ф. И. Для Горбатовой-Гуровой А. Н. вторым Сталинградом был Миус-фронт и жестокие бои за Саур-Могилу в нашей Донецкой области. Под грохот бомб и снарядов, под свинцовым ливнем пуль связистка Шура из села Милового надежно обеспечивала связь наступающих советских войск.

За бой на Саур-Могиле храбрая связистка получила вторую медаль «За отвагу».

Еще одну медаль «За отвагу» А. Н. Горбатова получила за бои на реке Молочной за освобождение Запорожской области. Отличилась храбрая девушка и в боях при освобождении Херсонщины, своих родных мест. Узнав о том, что А. Н. Гурова из Херсонщины, командир дивизии В. Т. Ювко предложил ей пройти срочно курсы разведчицы. Войска приближались к ее родным, знакомым местам. Шура согласилась. Ее зачислили в группу разведчиков. Задание – в районе ее родного села Миловое взять «языка».

Задание было выполнено. «Языка» взяли. Но группа потеряла несколько человек, их похоронили с почестями. Вышла из строя и Шурочка. В этой боевой операции она получила ножевое ранение в живот и серьезную контузию – два осколка от снаряда, будучи уже старший сержант и молодой коммунист А. Н. Горбатова-Гурова. Имея самое тяжелое ранение, Шура стала донором (дала кровь) для умирающего солдата, подошла ее группа крови. Оба так и выжили. Но пути их так больше не пересекались. За выполнение боевого задания «Взятие языка» на Херсонщине А. Н. Гурова была награждена орденом Красной Звезды. А

было ей тогда всего 20 лет.

Врач в госпитале сказал, что она родилась «в рубашке», жить будет. Но о возвращении на фронт не было и речи. А там уже вскоре наступил и День Победы.

Грудь ветерана войны А. Н. Гуровой украшают ордена: Красной Звезды, Отечественной войны, Защитник Отечества, За мужество и 11 медалей.

После войны А. Н. Горбатова окончила техникум легкой промышленности. Вышла замуж. Ее муж, Гуров Василий Васильевич, тоже участник и ветеран войны, имеет награды. Он инвалид ВОВ II группы. Семья ветеранов жила в Донецке в Калининском районе рядом с нашей ДОШ № 8 по адресу: Донецк-14, проспект Павших Коммунаров, дом 75-а, квартира 6. Александра Николаевна и Василий Васильевич прожили вместе в мире, дружбе и согласии более 60 лет. В 2009 году Василий Васильевич умер.

После войны Александра Николаевна работала на центрально-заводской шахте им. Калинина откатчицей вагонов, потом машинистом подъема, позже работала управдомом. В 1962 году работала в Донецком доме моделей мастером-модельером 6-го разряда. В 1979 году перешла на пенсию по инвалидности. Была на пенсии как инвалид ВОВ I группы.

После выхода на пенсию А. Н. Гурова оставалась в строю. Вела большую общественную работу в Совете ветеранов бывшей дивизии, с которой прошла боевой путь от Сталинграда до родных мест Херсонской области. Много внимания уделяла военно-патриотическому воспитанию молодежи. Она помогала создавать музеи, разыскивать участников войны, погибших и живых, встречалась с учащимися школ, училищ не только в г. Донецке. Ее знали в Макеевке, в школах Бериславского, Нововоронцовского районов на Херсонщине и в других городах и селах Украины. А. Н. Гурова посещала и свое родное село Миловое. Ездил на встречи со своими боевыми подругами и с однополчанами. Благодаря ей была налажена связь нашего музея «Память поколений» с музеем ее родного села Миловое Херсонской

области (мы вели переписку, обменивались фотографиями, газетами, книгами, сувенирами).

Четыре раза Александре Николаевне было присвоено звание: «Почетный гражданин»:

- села Миловое Бериславского района Херсонской области, 21 февраля 1979 года,
- села Дудчаны Нововоронцовского района, 08 февраля 1979 года,
- села Светлодолинское Мелитопольского района, 20 октября 1978 года,
- села Котлярево, 08 мая 1990 года.

А. Н. Гурова всегда принимала активное участие в ветеранских мероприятиях при Совете ветеранов Калининского района. Она очень хорошо пела на праздниках и юбилеях. Была энергична, полна сил и желания заниматься этой общественной работой. Но потом наступил перерыв в ее активной деятельности. Болезнь, раны, возраст иногда берут свое. Да и уход супруга из жизни тоже оставил свой отпечаток. А. Н. Гурова снова возобновила свои связи и общение с учащимися и друзьями, Советом ветеранов. Александра Николаевна вела активный образ жизни. 9 мая 2008 года она участвовала в торжествах по случаю Дня Победы у памятника Толбухину Ф. И., а затем во дворце спорта «Дружба».

Друзья А. Н. Гуровой сняли видеофильм об этом празднике Победы. А. Н. Гурова подарила диск с этим фильмом музею нашей школы.

Ребята из группы «Поиск» нашей школы часто приходили навестить Александру Николаевну дома, поздравляли с праздниками, с Днем рождения, оказывали посильную помощь, приглашали в школьный музей «Память поколений», на классные часы, на школьные праздники, встречи.

А. Н. Гурова всегда с удовольствием откликалась на просьбы и приглашения. В школьном музее собран большой материал о ветеране войны А. Н. Гуровой.

В беседах с ребятами А. Н. Гурова не любила говорить о

себе, больше говорила о своих боевых подругах, однополчанах. Вспоминала слюбовью о школе, своих учителях. Акцентировала внимание ребят на том, что школа – вечный костер красоты и знаний, а учитель – первый наставник, который дает ученикам путевку в жизнь. Ребят призывала хорошо учиться, трудиться на совесть, быть честными, правдивыми, настоящими патриотами своей Родины. Призывала хранить память о тех, кто отдал жизнь за мирное голубое небо. В мае 2013 года Александра Николаевна Гурова ушла из жизни.

Учащиеся школы № 8 гордятся своим любимым городом Донецком, его людьми: шахтерами, металлургами, строителями, учеными, учителями, но в первую очередь они гордятся ветеранами Донецка и ветеранами Калининского района, с которыми нас связывает и связывала многолетняя дружба.

Память нетленна. Имена ветеранов переживут гранит.

Ионов Богдан Владиславович

ИСТОРИЯ О ВЕРНЕРЕ И СЕРЖАНТЕ ВАСИЛЬБЕ

«Война...бесконечная война. Нас прислали сюда ради высшей цели. Ради святой миссии. Искоренить недостойный народ, слабых противников. Нам сказали, что русские слабы и не достойны обладать своими землями. Нас убедили, что мы должны править миром «так как в нас течет кровь арийцев». Нас обманули. Первые 2 года я слепо верил этому, я не видел в русских ничего достойного, я верил в эту ложь. Все изменилось. Русский народ оказался отнюдь не слабым, и мы начали проигрывать... Брунхильда, я видел их. Командир русского танка, который мы подбили... он выскочил из горящего танка, весь в огне, накинулся на рядового, который был ближе всех к подбитой машине, он впился в его глаза пальцами, и кричал... я знаю этот крик, это не вопль ужаса, страха или боли... это крик ярости. Даже умирая, он не сдался. Мы застрелили его слишком поздно, тот рядовой... его лицо было не узнать. Один из партизан, которого мы поймали... он

взорвал вместе с собой половину моего отряда. Я видел улыбку на его лице, перед тем как он выдернул кольцо. Они не умеют сдаваться, настоящие русские не умеют. Те, кто предал свой народ, они не русские... «полицаи», как они себя называют, отребье. Я больше не верю, что мы величайшая раса, в то, что мы лучшие... идеальные. Мы пришли на их землю, как захватчики, завоеватели. Первые удары были как укусы змеи: быстрые и смертоносные. Но русские, как мангусты, они пережили первые удары, и начали атаковать сами. Мы несем поражение за поражением. Отступаем по всем фронтам. Я уже не верю в победу, хотя высшее командование утверждает, что все под контролем. Не хочу больше участвовать в этом, мне надоело смотреть, как умирают невинные, как мои люди с удовольствием разоряют чужие земли, насилуют, грабят и убивают ни в чем неповинных людей. Я хочу остановить это, и все для этого сделаю. Пусть после этого меня будут считать предателем. Скоро... скоро я присоединюсь к тебе, моя маленькая дочурка. Скоро мы будем вместе. И эта война для меня закончится». Вернер свернул листок пополам, положил его в конверт и спрятал в карман мундира. Затем достал из планшета набор документов, проверил, все ли они на месте, и вышел из шатра. Что бы незаметно добраться до лагеря русских, Вернеру нужно было пройти минное поле. По дороге его терзали смутные сомнения... Пробираясь через грязь и мины, он думал, а правильно ли он поступает по отношению к своим людям, он ведь обрекает их на смерть. Но они ведь и так умрут, а большая их часть этого еще и заслуживает. Пройдя минное поле и не большую посадку, Вернер увидел огни прожектора. Он был совсем близко к лагерю советских солдат... оставалось лишь сделать так, чтобы они его не застрелили сразу же.

«Красивый закат», – промелькнуло в голове у сержанта Васильева. И все, что печалило сержанта – это то, что любителю он им в такое время. Война разлучила его с возлюбленной Юлей. А он так любил смотреть на закат вместе с ней, лежа на берегу

речки, под сенью ивы. Гладить ее волосы, целовать. А затем после наступления темноты смотреть на звезды до тех пор, пока за ней не придет мать. Но эти времена прошли, как бы не было горько. Игорь был уверен, что она дождет его, они пожениятся, и будут тихо жить в своей любимой деревне. Да... это то, чего сержант Васильев хочет больше всего. Но пока... пока оставалась служба. На блокпосту не было особо веселых занятий, кроме как играть с сослуживцами в карты, и иногда проверять документы прохожих, хотя со стороны Саур-Могилы, куда смотрел блокпост, не особо было проходящих, только редкие разведчики. Хотя иногда бывали перестрелки, когда кто-то из немцев небрежно забредал в эти края. По большей части эти перестрелки заканчивались пустой тратой патронов. Со снабжением тоже было туго. Запасы еды приходилось сильно экономить, а из-за сильной жары запасы воды очень быстро иссякали.

Вот и пропало солнце, скрылось за горизонтом. Темнота все ближе подкрадывается к лагерю. «Пора включать прожектор», – решил сержант Васильев. Свет прожектора хоть и выдает местоположение советских войск, но смысла нападать на них не было. Немцы хорошо окопались: мины, окопы, доты, оборонительные укрепления. Словом, атаковать из своих укрытий не было смысла... ровно как и атаковать русским. Самоубийство. Вдалеке показался силуэт, Игорь попытался его разглядеть. Это определенно была человеческая фигура. Сержант направил луч прожектора прямиком на силуэт «Чтоб меня, да это же немец!». Фашист шел с поднятыми руками прямо к советским солдатам. «Стоять», – крикнул Васильев. Немец остановился, и сержант, наведя на него винтовку, подошел к нему, отобрал оружие и спросил на немецком что ему нужно. Немец попросил отвести его к командующему войском. «Ишь чего захотел, а в морду прикладом?» – спросил Игорь. «У меня есть важная информация, но я ее выдам только вашему офицеру. Сейчас я не враг тебе, русский. Отведи меня к старшему, и как можно скорей», – ответил немец. Дорога к центру лагеря выглядела как цирк, даже несмотря на то, что была ночь. Кто-то молча пялился на немца

без наручников, шагающего по лагерю; кто-то пытался его оскорбить; кто-то кидался камнями... Когда сержант Васильев и пара красногвардейцев подошли ко двери штаба, часовой от удивления открыл рот. А кто бы не открыл, когда посреди ночи к дверям штаба подходит немецкий офицер и требует встречи с командующим. И ему организовали эту встречу.

– Я хочу знать, сержант, какого дьявола посреди ночи ко мне врывается ты с немецким офицером? Хотя это не важно, ты сейчас интересуешь меня меньше всего. А вот наш немецкий «друг» напротив. Что здесь делает фашист?

– Я – обер-фельдфебель Вернер, один из офицеров руководящего состава 6 армии Вермахта, – после этих слов, немец протянул планшет полковнику.

– А я полковник Левин. Что это?

– Карты укреплений, мин, расписание дежурств патрульных, и их маршруты, расположение складов с горючим, боеприпасами и продовольствием. Все, что необходимо для штурма и успешного захвата Саур-Могилы и ее окрестностей.

– И почему я должен тебе верить? Откуда мне знать, что это не ловушка? Почему мне знать, что немцы прямо сейчас не готовятся штурмовать лагерь, и не ждут твоего сигнала?

– Скажи мне, русский, почему ты здесь? Зачем воюешь?

– Я защищаю свою родину от таких, как ты. Вы – мерзкие захватчики. Я воюю за свою родину, за свой народ и свою семью. Как и каждый в этом лагере.

– Вот поэтому русские вы и сильнее. Я на чужой земле, и мне противно то, что мы с ней делаем. Я не хочу этого, мне это надоело. А сейчас я вернусь в лагерь, и сделаю вид, будто никогда не выходил за его пределы.

– Да, конечно. Я благодарен тебе.

Вернер повернулся к выходу и зашагал к двери... хлопок... выстрел в спину... холод... ноги подкашиваются, вот оно, то, чего так сильно жаждал Вернер, но не мог себе в этом признаться... Смерть...

– ...Брун...хильда..

Полковник положил пистолет на стол и сказал:

– Вынесите его за пределы лагеря и закопайте... и поставьте деревянный крест... хоть что-то он заслужил. После этого, сержант, зайдите ко мне, у меня к вам ответственное задание.

– Так точно.

Сержант Васильев и красногвардеец взяли немца и понесли к выходу. А письмо, предназначенное Брунхильде, так и осталось при обер-фельдфебеле Вернере, одном из командующих 6 армией Вермахта, навеки погребенное под землей.

Проверить правдивость информации Вернера оказалось довольно просто, карта минных полей полностью совпадала. Полковник дал четкий приказ Игорю и его отряду: необходимо уничтожить немецкие склады продовольствия и боеприпасов, лишить немцев всего этого. Васильев старался думать о хорошем, ведь когда он вернется с диверсии, полковник отправит его домой, к Юле. Ползя в грязи, за несколько часов до рассвета, парни пробирались к лагерю немцев. Они проползали мимо мин, и было очень трудно сдерживать себя, хотелось просто встать и убежать из этого поля смерти. Успешно миновав поле, отряд из пятерых человек лежал у прорехи в стене. Следующий шаг – проникновение. Согласно расписанию, через 30 минут у парней будет окно в 3 минуты, чтобы пробраться в лагерь. 30 минут тишины. Любой звук, лишний шорох, лишнее дыхание... и операция провалена. Наконец окно появилось. Отряд успешно проник в лагерь.

– Нужно разделиться. Саша, Влад на вас склад с продовольствием. Тихо и незаметно. Охраны там меньше. Сергей, ты останешься тут, на случай быстрого отступления нам понадобится прикрытие. Паша, ты со мной, нам предстоит тяжелая работа. Разойтись.

Отряд разбрелся по лагерю.

Саша и Влад проскользнули мимо патруля, уже светало, и патрулей становилось все больше. Нужно торопиться. Спрятавшись за орудием, они ждали, пока пройдет очередной патруль. Склад уже близко. Один из немцев

отделился от патруля, и пошел в сторону орудия. Он быстро шел к диверсантам. Саша достал нож... нельзя чтобы он поднял тревогу... немец встал справа от парней по нужде. Закончив свое дело, он достал папиросу и начал искать при себе зажигалку. Прихлопывая по карманам, он медленно развернулся... они встретились взглядами... нужно действовать немедленно, иначе он поднимет тревогу: рывок, удар, затем еще, прикрыть рот рукой... Влад оттащил тело к орудию. Все начало разворачиваться куда быстрее. Нужно торопиться, пока не обнаружили пропажу и не нашли тело. Вот и склад уже недалеко. Саша метнул нож в охранника, Влад сбил замок и они затащили тело внутрь. Ставят взрывчатку. Протягивают фитиль.

– У нас будет минута, чтобы добраться до Сергея, – сказал Саша. – Готов?

– Готов, – ответил Влад.

И Саша чиркнул спичкой о короб...

Тем временем Игорь и Паша пробирались через шатры-бараки с солдатами. Как и ожидалось, охраны тут было намного больше. Но палатки обеспечивали прикрытия. Согласно карте до склада боеприпасов путь был не близкий. В дополнение ко всему, он располагался прямо рядом со штабом фрицев. Но удача сопутствовала Игорю и Паше. До склада добраться не составило труда. Взрывчатка на месте, фитиль протянут... взрыв, Саша взорвал склад с припасами. Это должно отвлечь немцев. Нужно действовать быстрее. В склад вбежали немцы.

– Огонь! – крикнул Васильев.

Перестрелка. Пашу ранило.

– Идти сможешь?

– Смогу, давай фитиль и прикрывай вход.

Сержант выбежал на выход... немцы повсюду...

Последнее, что вспомнил Игорь, был вечер под ивой возле реки:

«– Ты вернешься?

– А ты этого хочешь?

– Дурак!

– Ради тебя я пройду сквозь войну, мысли о тебе спасут меня от всего.

– Обещаешь?

– Моя маленькая глупышка, конечно, обещаю, я вернусь к тебе».

Я вернусь к тебе... прости, Юля. Я не смог. Прости, любимая...
Взрыв...

Влад и Саша прибежали к месту, где должен быть Сергей. За кучей бревен лежал его труп, а над ним стояли немцы. Саша открыл огонь, успел приложить троих. Снайпер с вышки... Саша падает. Немцы бегут к Владу... что еще остается ему делать? Сдаться? Нет. Русские не сдаются. Взяв с тела Саши пару гранат, Влад выдернул кольца, и побежал навстречу немцам. Фашисты открыли огонь. Но последнее, что они видели перед смертью, яростно смеющийся русский, от которого не спастись...

На следующее утро, 17 июля, начался штурм Саур-Могилы силами советских войск.

Любовь Руденко

САУР-КОШКА

Был в одном селе участник войны дядя Вася. Невысокий, худенький, на поседевшего Гагарина похож. Своим двум сыновьям иногда говорил:

– Что вы делаете? Вы же глупее рыжей кошки!

И они очень стеснялись такого выговора. Кошек дядя очень любил, всегда держал одну или двух. Работал в колхозе водителем на старом газике. Около полудня со всего села возле сельмага собирались кошки – ждали дядю Васю. Он приезжал, и кормил их всех. Булочку за 6 копеек – сайку – пропитывал молоком и раздавал «жаждущим». Вку-усная булочка была! И кошки его слушали, по очереди подходили, одна другой уступали. Когда умер, на его могиле видели кошку.

Дядя Вася в 1943 году попал в Красную Армию. В июле

1943 года был зачислен в 51-ю гвардейскую стрелковую дивизию Южного фронта, после того, как ее потрепали враги под Курском. Напарником у него был тоже молодой и необстрелянный Миша. Или Гриша? Или Алеша?

Рассказ свой дядя Вася начинал с того, что был хутор под горой Саур-Могила. И там остался в живых только мальчик, худой, замурзанный. Сидел этот мальчик под кустом, и рядом с ним сидела худющая рыжая кошка. Сидела и громко мурчала – для хозяина старалась. Глаз один у нее был выбит в боях; еще, наверное, глухая была. Потому, что не услышала, как появились откуда-то два фашиста – с черными физиономиями и в рогатых касках – и схватили ее. Закричала кошка, закричал мальчик, но раздался выстрел из автомата – и мальчика не стало. Кошке привязали к хвосту тряпку, подожгли и пустили в сторону советских войск. Короче, свой арийский порядок навели, зону выжженной земли оставили в последний день своего владычества. Дядя Вася с напарником сидели в неглубоком окопе на склоне Саур-горы. Вдруг напарник перестал помогать и уставился вперед. Там прямо на них в пожухлой траве что-то двигалось, столб дыма поднимался, и странный крик стоял, ни на что не похожий. Вдруг из травы выскочила полуобгоревшая кошка и двумя лапками уцепилась воину в погон. Повисла, долго смотрела на него. Затем, почувствовала поддержку и обвисла. Потом что-то сказала ему, замурчала, только кровавая слеза скатилась из выбитого глаза. Именно сказала, а не мяукнула. Напарник стал отвязывать дымящуюся тряпку, отряхивать пепел с исхудавшего замученного тельца, а она не шелохнулась даже.

– Пришла к хозяину! Умница! – говорил напарник дяди Васи. Хорошо было бы красиво сочинить, что он напоил кошку. Но шел жестокий бой, стоял жаркий конец августа, и в фляжках у бойцов было пусто, да и взять воду в тех краях совсем непросто. Только кошка, скорее всего, была мертва. Она погибла мученической смертью, но выполнила свой кошачий долг. Погиб и молоденький боец Миша. А может Гриша... А может Алеша... Похоронен вместе с кошкой может Мушкой... Может с Веснушкой... Похоронен в районе Саур-

Могилы. А что? Хозяйская скотина.

Дядя Вася проезжал в тех краях, пока не было памятника. Постоял, поглядел, вспомнил... Было жарко, конец августа. Слышно, как трава шумит, сверчки пилят, птички поют... Вдруг услышал он, что на небе, рядом с солнцем, большая рыжая кошка ходит и мурчит:

– Саур-р-р ! Саур-р-р! Саур-р-р!

Пришла на место гибели своего хозяина, и свое. Вот такая история за героическое прошлое. А битва была страшная, дядя Вася был ранен, а напарник его убит. Царствие небесное!

Нинель Прохорова

ДАЛЕКАЯ БЫЛЬ

Первые послевоенные годы. Мне 7 лет. Вокруг взорванные шахты, голод. Чтобы люди выжили, каждая семья шахтерского городка Снежное получила огород. Соседи собирались вместе и шли степью по пересеченной местности. Дорога не близкая, под самой Саур-Могилой. Путь преграждали заросшие травой и молодым кустарником траншеи, окопы, воронки от бомб. Бои тут были страшные. Сколько солдат полегло - уму непостижимо.

Сил у меня было не много, поэтому Дитя Войны малое на огород везли на тачке. Сооружение это гениальное: два огромных узких колеса и помост сверху с деревянной рамой - ручкой из жердей. Тонкие колеса легко обходили препятствия с помощью налегавшей на ручку мамы. Усидеть наверху было сложно, и я держалась за мамин шарф. Время раннее, иногда я задремывала, и тогда шарф выскальзывал из моих рук.

Дорога шла в гору. Наконец, вот они, огороды. Делянки были отвоеваны у степи. Мы находили колышек со своей фамилией и приступали к возделыванию.

В детскую память врезались первые встречи с огородом: вокруг стоял стон и плач. Женщины собирали человеческие косточки, бережно заворачивали в тряпицу и хоронили во

временной братской могиле останки своих и немецких солдат, под связанным из веток крестом. Бывало, выкорчевывали из земли и «подарки» - гранаты, патроны. Саперы многократно прочесывали степь вдоль и поперек, но «сюрпризы» были. Особенно усердствовали в поиске боеприпасов мальчишки, поэтому встречались мальчишки, у которых не хватало пальцев и были обожжены лица, а некоторых ребят больше не было на белом свете. В первые послевоенные годы открытия пионерского лагеря «Голубые скалы» на Миусе существовало железное правило пионеров: за забор - не выходить: «Опасно!» Некоторые все же выходили. Часто навсегда.

Соседи передавали из уст в уста рассказы о днях оккупации, о взятии советскими солдатами неприступной, укрепленной немцами Саур-Могиле, о подвигах отцов, братьев. Саур-Могилы была местом всенародного горя и скорби. Мы, дети, знали, что руководители города, шахт, учителя и бывшие воины решили создать на Саур-Могиле музей под открытым небом. Народ отозвался сразу. Дорога к созданию грандиозного памятника героям была открыта.

Сегодня - 8 сентября 2011 года... Прошло 68 лет со дня освобождения родного Донбасса. Мы стоим у подножия Саур-Могилы и молчим. Видим скорбленного старика, которого поддерживают с двух сторон ребята. На груди у него горит «Звезда Героя». Стоят колонны ветеранов, рабочих, школьников, шахтеров, студентов, гостей. Люди ждут той почетной минуты, когда можно будет подняться по нескончаемым ступеням к «Монументу Солдата», где пламенеет «Знамя Победы», возложить к подножию цветы. На каждой ступени в торжественном карауле застыли школьники из близлежащих городов и сел. Они приветствуют нас, дарят цветы ветеранам.

Спите спокойно, герои. Подвиг Ваш не забыт. Народ сохранит память о Вас. Вы ушли в бессмертие!

*Саур-Могилы
8 сентября 2011 года*

Елена Гомжина

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАМЫ – ГОМЖИНОЙ МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ

9 сентября 1943 года жители Кировского района г. Сталино еще не знали, что наши воины освободили центр города Сталино. Мама с семьей жили на улице Хасан (ныне Комсомолец Донбасса, дом 33, район площади Свободы).

Недели за две до освобождения района немцы вели пленных в район Петровки. Двое из них сбежали, прибежали во двор к маме, упали на землю и попросили спрятать их. Она поместила их в подвал во дворе. Подвал был каменный хорошо оборудован под погреб, где до войны хранили запасы овощей и фруктов, варенье, соленья. Вход в подвал был оснащен стационарной лестницей, под которой можно было спрятать людей. Подвал был рассчитан на двух соседей, с отдельными входами. И можно было перекатиться под лестницей от одного соседа к другому. Но в соседней лестнице ступени полностью досками забиты и там можно было, находиться в безопасности.

Мама предупредила соседку Ткаченко – бабушку, чтобы не пугалась, если услышит шорох. Бабушка испуганно сказала, что нас могут расстрелять. Мама попросила никому не говорить о них. Немцы в подвал не спускались и все обошлось. Но через время начались бомбежки и слышны были залпы орудий. Фронт приближался. Вся семья перебралась в подвал. Все сидели в пальто, так как по ночам было холодно. И вот ночью с 8 сентября на 9 сентября вдруг наступила тишина. Тишина была напряженная, все не спали и вслушивались, что происходит вокруг.

Вдруг мама услышала шаги людей и русскую речь, четкое произношение звука «р» в стороне автобазы. (Когда говорили немцы звуки «р» звучали как «лр»). Она решила узнать, что происходит, но семья и пленные уговаривали не ходить, так как она единственная связь с миром. Но она ушла и старшая сестра побежала за ней. Она тянула ее за пальто и уговаривала не ходить. Она пошла через соседний двор и вышла к улице

Кирова, но остановилась в зарослях сада. Военные, которые шли по дороге и разговаривали, услышали шорох в зарослях и приказали подойти к ним. Было темно, рассвет только начинался. Тогда мама расстегнула пальто и оно осталось в руках сестры, и вышла к военным. Когда подошла к ним увидела погоны на их плечах. «Власовцы» – промелькнуло в голове. Ведь когда отступали наши воины, у них не было погон. Командир отряда небольшого роста держал пистолет в руке, задал ей вопрос:

«Что-то ты не рада встрече?».

«А чему радоваться, власовцы?».

«Нет», – ответил он.

«А погоны?» – задала вопрос мама.

«Ребята, покажи пилотки», – приказал командир.

Ребята, стоящие впереди, сняли пилотки и она увидела маленькую, родную звездочку.

«Наши, наши пришли», – закричала от радости, – «Вас, родные, ждали, Вас».

Не глядя на пистолет, обняла командира, расцеловала его, и с криками: «Наши пришли, наши пришли» побежала к подвалу.

«Замолчи», – успокаивали пленные: «Это может быть разведка, а ты их выдаешь».

Мама побежала обратно.

«Вы разведка?» – спросила она.

«Да. Но за нами идут войска. Гоним треклятых немцев, отдохнуть некогда, с ног валимся, они бегут без остановки».

Тогда мама рассказала, где немцы бросили машину, мотоцикл, пролетку и лошадей.

Все, кто оставался в живых и мог ходить, высыпали на улицу, где проходили наши воины, все плакали от счастья, радость была неописуемая. Несли воду, фрукты, цветы, где остались немецкие сигареты, все отдавали воинам.

А пленных наши войска забрали с собой. Имен их мама не запомнила.

Так 9 сентября вошли долгожданные освободители в центр Кировского района.

Фашисты шли с Запада со стороны Петровки. Чтобы задержать их и дать возможность уйти нашим войскам оставили заградительный отряд из восьми человек и пулемет. Ребята дежурили по очереди. Среди них был молодой голубоглазый старший лейтенант Владимир из Тулы (все, что запомнила мама). В одно из дежурств его ранили в обе ноги. Обратились за помощью к врачу из госпиталя, но тот отказался помочь. Как потом оказалось, врач сдал госпиталь немцам и стал предателем. Владимир истек кровью и умер. Его похоронили ребята заградительного отряда в конце сада в мамином дворе, а документы забрали с собой. Затем местные жители их уговорили уехать за отступающими, так как силы были не равны. Им дали лошадь и пролетку, на которую установили пулемет и они уехали догонять своих.

Фашисты издевались над могилой: испражнялись на нее, ставили пустые бутылки из под шнапса, стреляли по ним, хохотали, говорили там похоронен Иван, для них все русские были Иванами.

После освобождения Кировского района, могила Владимира (старшего лейтенанта) была перенесена в сквер памяти павших в Кировском районе, возле универмага.

Фашисты согнали всю семью в самую большую комнату дома и они там жили. А сами заняли спальню и столовую, а в маленькой комнате лежала парализованная бабушка. Остаться одни в доме боялись, боялись партизан. Это были начальник немецкого штаба Пейда (похож на самурая) и его адъютант Рихард. Старшая сестра моей мамы звала его Пердя, когда ей задали вопрос, почему так называет, она ответила, что не все буквы выговаривает.

Рихард был обычный солдат без вредностей, но ходил на свидания и должен был приходить до 23⁰⁰, чтобы охранять Пейду. Но однажды он явился со свидания под утро. Тихонько пробрался и лег спать. Но когда Пейда спросил у мамы о времени явки Рихарда, она ответила, что около 23⁰⁰. Рихард был очень благодарен ей за это и стал тайком от Пейды давать хлеб и другие продукты маме и ее семье. Но Пейда через время все равно отправил его на фронт.

Маму и ее сестру немцы заставляли наводить порядок в их комнатах. Специально раскладывали на столе золотые кольца и ключи от сейфа и ящика, в котором хранились их секретные документы. Немцы выходили и ждали, пока закончат уборку. Однажды немцы вернулись и не нашли ключа от ящика с документами. Они позвали мою маму и сказали ей: «Ты не взяла золота, но взяла ключ от ящика с документами, значит ты партизанка. Верни ключ, или мы отправим тебя в жандармерию!». Жандармерия находилась возле универмага в Кировском районе – сейчас там жилой дом. Местные жители, когда проходили мимо жандармерии часто слышали крики и стоны пытаемых людей.

Рихард сказал моей маме: «Собирайся – пойдём!» и стал собираться сам. Когда он начал надевать ботинки, он обнаружил там ключ от злополучного ящика. А моя мама сказала ему, что из-за таких нелепых случаев, вы убиваете невинных людей.

Однажды моя мама стояла у плиты, а к Пейде пришел немецкий офицер и стал докладывать ему о высадке советского десанта в Красногоровке. Так как моя мама владела немецким языком в совершенстве еще со школы, даже немцы ей сказали, что у нее берлинское произношение, ей приказали закрыть дверь и уйти в другую комнату. К сожалению всех наших солдат, которые оказались в Красногоровке убили фашисты. В советское время на месте высадки десанта поставили памятник.

Мамино имя Мария, но назвалась немцам Маней, а немцам это было трудно произносить и они ее называли Манья. Соседка бабушка Ткаченко спросила у мамы: «Почему они ругаются?». Мама засмеялась и ответила: «Это они меня так зовут».

Все бабушки улицы сгруппировались вокруг мамы и просили ее не злить немцев, ведь моя мама для местного населения была источником информации и поддержкой, ведь только она знала немецкий язык.

Она часто, когда отсутствовали немцы, слушала радио, а старушки стояли вокруг дома и подавали ей знак, когда

немцы возвращались.

Особенно моей маме запомнился эпизод из радиопередачи, когда в Сталинграде наш солдат защищал долгое время дом и его не могли взять немцы, а когда подоспели наши ему на помощь, они увидели, что он был изрешечен пулями. Он сражался до последнего патрона! А еще моя мама слышала, когда наши войска воевали за Сталинград, у солдат в окопах уже не было сил, но командир сказал им, что Сталин в окопах рядом с ними и они пошли в атаку с возгласами «За Родину!», «За Сталина!» и взяли в плен фельдмаршала немецкой армии Паулюса.

Траур был у немцев в Сталино. Ходили молчаливые, угрюмые и злые.

В районе ДК им. Франко была «молдаванка», где местные девушки знакомились, назначали свидания и прогуливались с немцами. Возможно, поэтому моя мама и не знала об эпизодах насилия со стороны фашистов.

1 мая 1942 года моя мама с подругой Ольгой решили отметить по-своему. Выпили немного фруктового вина и пошли к ДК им.Франко. Мама очень хорошо пела. В 93-й школе, которая находится рядом с ДК им.Франко находилось расположение немецкой части. Проходя мимо школы, моя мама стала петь «Варшавянку». Мама услышала, что из школы ей подпевали, не зная слов и мелодию «Варшавянки».

Мама с подругой подошли к «молдаванке», а там прогуливались немцы с девчатами. Она стала петь на мелодию «Стеньки Разина»:

«Всколыхнулся ярко-красный, стяг рабочих «За народ»
Нет, не умер Стенька Разин, снова грозный он идет».

Показывая рукой на прогуливающихся, пропела:

«Где царили тунейдцы».

Показывая рукой на себя:

«Будет править сам народ».

Немцы ничего не понимали, потому что не знали языка, а местные девчата не могли им дать перевод, так как не знали немецкого.

Так мама и ее подруга там прошли и пошли домой – это было их развлечение и месть немцам!

Мама любила петь советские песни и пела их немцам во дворе своего дома, даже песню «О Сталине мудром, родном и любимом!».

Когда она ее пела, один из немцев задал ей вопрос: «О Сталине поешь?».

«Нет, о стали!» – и показала на консервную банку.

Сосед был тайный агент гестапо, но немецкого не знал, а его жена говорила: «Она над ними смеется, а они ей аплодируют».

Еще имел место один эпизод. Был немецкий переводчик. Его боялись все. Всегда злой, насупленный. Был молодой парень, который жил под чужой фамилией недалеко от нашего дома.

Однажды немецкий переводчик пришел вечером к нему в дом и назвал его настоящее имя и фамилию. Сказал ему: «Нужно уйти сегодня или завтра за ним придут». Парень ушел. Все были поражены этим событием.

Сейчас снова фашизм наступает на нашу родную землю.

Я, Елена Гомжина – дочь Марии Гомжиной и моя дочь Инна всеми силами стремимся помочь нашей Народной Республике, победить украинский фашизм. Во имя памяти моей мамы и ее бабушки!!!

С уважением, жительницы г. Красногоровка, Елена Гомжина и моя дочь Инна – беженки, проживающие в г. Донецке.

Станислав Сливный

ПОСЛУШАЙ ВЕТРЫ НАД САУР-МОГИЛОЙ...

(Неравнодушные размышления)

Саур-Могилы... Пожалуй, не найти донбассовца, кто бы не знал о ней... Как много она для нас значит...

Открываю Википедию и читаю сухой, научный текст о том, что Саур-Могилы – это «курган в Шахтерском районе

Донецкой области, одна из высот Донецкого кряжа... После Великой Отечественной войны на Саур-Могиле был создан мемориальный комплекс».

Надо же, как просто и примитивно?! Разве передают эти сухие строки всего того восторга, что охватывает душу, стоит лишь подняться наверх, прикоснуться к этим глыбам, заглянуть в глаза солдатам, чьи образы навечно запечатлены скульптором.

Саур-Могиле 50 лет... Много это или мало? Кто ответит... Для истории эта цифра ничто, а для человеческой жизни – огромна. Сколько бед выпало на долю мемориала, сколько сломанных судеб, человеческих жизней были отданы за него.

В памяти всплывают образы недалекого прошлого, даже не верится, что прошло всего лишь несколько лет. Я помню, как поднимался к мемориалу с маленьким сыном на руках, как рассказывал ему о славном историческом прошлом нашей Родины, о подвиге моего деда. Каким восторгом светились тогда его глаза... Я до сих пор помню это чудесное ощущение, а еще буйный знойный ветер донбасской степи и невероятно-сладостный запах диких трав, ковыль на ветру... Такое чувство, что это было в прошлой жизни, в прошлой мирной жизни, в которой не было места артиллерийским актам, а слова «град» и «ураган» имели совсем другое значение!

И вот я здесь... Опять прикасаюсь к величественным камням. В памяти всплывают уроки истории, ведь недаром когда-то на этом месте был сторожевой казацкий пост. Мы – потомки славных предков и не допустим, чтобы русскую землю топтали фашистские сапоги! Мы выдержим! Мы отстоим Донбасс! И когда-то через много-много лет придет отец с сыном к Саур-Могиле и расскажет ему о славном героическом прошлом легендарного мемориала!

*Василий Епихин***ПИСЬМО С ФРОНТА**

Присев на корточки в окопе,
Немецкий снайпер где-то рядом,
И как подсказывает опыт,
Быть начеку солдату надо.

Пока свободная минутка
Успеть письмо черкнуть любимой.
К губам прилипла самокрутка,
А на листе писал он имя.

Листок тетрадный, как ладошка,
А в нем сошелся свет весь клином,
Супруге он, как луч в окошке,
И радость дочери и сыну.

Он им рассказывал о буднях
Всегда тревожных и суровых.
Писал, что нынче многим трудно,
И о ранении ни слова.

Еще хотелось поделиться,
Жаль только места не хватило,
С какой любовью гонят фрицев
С боями от Саур-Могилы...

Приказ комбата, кровь из носа,
Взять языка. Скорей бы вечер!
И есть примета: нет вопросов –
Успех похода обеспечен.

А по традиции давнишней,
И чтут ее солдаты свято –
Письмо домой, вопрос не лишний,
И на душе спокойней как-то.

Константин Куба

ВЫСОТА

Над уснувшей рекой зазвенит тишина,
Что же ты загрустил боевой старшина?
Эй, оставь покурить перед боем браток,
Мы еще поживем, да поможет нам Бог.

Сяду я в уголок, напишу письмецо,
Вспомню дома порог да родное лицо,
Видишь, в лампе уже догорел фитилек,
Эх, успеть бы еще написать пару строк.

Солнце расплавил лето, порвало струну,
Вспыхнет кровавый расцвет, разорвав тишину,
Веют над горькой полынью степные ветра,
А там на высотке, в засаде сидят снайпера.

Над уснувшей рекой вверх рванула звезда,
А погибну, так что ж знать такая судьба,
Черным пеплом в степи закружила война,
Так и не докурил, в бой веди старшина.

Шел в атаку солдат, сжав в руке автомат,
Степь пылала огнем, превратив землю в ад,
Знают лишь небеса как я выжил, как смог,
Взяли мы высоту друга я не сберег.

*Константин Куба***КОЛОСОК**

Тихо над полем боя,
Не дрогнет в степи колосок,
Но солнце, взойдя над землю
Кровью окрасит восток.

Война грохочет и воеет,
Взрывает земную твердь,
В атаку подняться и выжить,
Надо не умереть.

Пуля срезает подсолнух,
Сеет повсюду смерть,
И автоматный выстрел щелкает,
Словно плетть.

Рядом упал товарищ,
Ему уже больше не встать,
Я с ним делился хлебом,
Жаль, не спросил как звать.

И в рукопашной схватке
Время замедлило бег,
Резал звериные глотки
Дьявол, не человек.

К небу, крестами распятом,
Крик мой взлетает звеня
За убиенные души
Боже, прости ты меня.

А над землю ангелы
белые, белые
В медные трубы трубят,
Люди, что вы наделали.

Тихо над полем боя,
Уже не алеет восток,
Втоптанный в пыль и копоть,
Мертвый лежит колосок.

Раиса Мирошниченко

НА ВЫСОТЕ 277...

Склоняется в пояс до самой земли
Ковыль на Саур-Могиле,
Бои в сорок третьем насмерть здесь шли,
Солдат, подвиг твой не забыли...
На высоте двести семьдесят семь
Фашист укрепился серьезно.
«На штурм лобовой!» – был приказ отдан всем
И ринулись в бой бойцы грозный.
Бесстрашно ползли по кургану вы вверх,
Навстречу летели гранаты,
Кому повезло и кто выжил там,
тех

От пуль прикрывали солдаты,
Погибшие в этом смертельном бою,
Телами закрыв от снарядов.
Так защищали здесь землю свою
Не думая никто о наградах.
Пехота и танки на помощь пришли,
Был выбит фашист с высоты.
Навечно героями здесь полегли,
Прервав жизнь свою и мечты:
Увидеть счастливым свободный Донбасс,
Любимый шахтерский край,
Забвения нет! Храним память о вас!
И когда на земле шумит май
Живущие ныне, бок о бок в строю
В бессметном полку мы идем.
Пусть там вам спокойно будет, в Раю,
В сердцах мы ваш подвиг несем!

*Раиса Мирошниченко***САУР-МОГИЛЕ – 50**

Идут года. Прошло уже полвека,
Но нет такого человека,
Который бы не помнил о войне.
Саур-Могила... Под открытым небом
Мемориал. Коль ты еще там не был
Приди и поклонись здесь в тишине.
Остановилось будто время. Сорок третий...
Священная война на белом свете,
Застыл здесь в камне подвиг на века.
Солдат-колосс поднялся на кургане,
Вверх поднял автомат – стрелять не станет
Встречает вас герой издалека.
Пехота рвется в бой здесь, на пилоне,
Кровавые бои велись на склоне,
И кажется сейчас все оживет.
Не занимать им мужества: танкистам
Артиллеристам, авиации, связистам...
Жизнь отдана за землю, за народ.
Здесь все напоминает о боях,
О тех великих и далеких, страшных днях,
Но после тьмы всегда нас ждет рассвет.
К мемориалу след не зарастет,
И пусть еще немало лет пройдет,
Забвенья мужеству в Донбассе, знайте, нет!

Людмила Пефтиева

САУР-МОГИЛА

Никто не знает точно, почему
Был назван так курган – Саур-Могила.
Но сколько повидать пришлось ему
И скольких храбрецов здесь смерть скосила.
В тот легендарный сорок третий год
Был превращен фашистами он в крепость.
И встал стальной преградой Миус-фронт
Казалось, прорываться здесь – нелепость.
Но нет таких на свете крепостей,
Чтоб не смогли взять русские солдаты.
За каждый сантиметр земли своей
Они сражались здесь с врагом когда-то.
И летней ночью, в темноте сплошной,
Им на вершину удалось прорваться.
И грянул бой, кровавый смертный бой
И не смогли фашисты удержаться.
Был сокрушен войсками Миус-фронт,
А вскоре весь Донбасс освободили.
И не забыли люди подвиг тот.
И каждый год к кургану приходили.
Пусть столько лет уже с тех пор прошло,
Но словно Символ Мужества и Силы
Ты в памяти народной все равно
Останешься навек, Саур-Могила!

Людмила Пефтиева

ПАМЯТИ ПАВШИХ

*Посвящается десяти советским воинам,
павшим при освобождении нашего
села Марьяновка, 30 августа 1943 года*

Вы остались навечно в нашей земле,
Ваши матери вас не дождались.
И склоняются ели в ночной тишине,
Словно кланяясь вам и печальясь.
До последней минуты ждали матери вас,
В даль глядели глазами седыми.
Но вы отдали жизнь, выполняя приказ
И остались навек молодыми.
Как хотелось вам жить! Как хотелось любить!
И рассветы встречать, и закаты!
Но в последнем бою за Отчизну свою
Вы шагнули в бессмертье, ребята.
И я верю, что в этот торжественный час,
Когда длится Минута молчанья,
Души наших солдат с Неба смотрят на нас,
Повторяя нам как заклинанье:
«Пусть лишь мирным будет небо у вас!
А войны никогда пусть не будет!
Вспоминайте о нас! Вспоминайте о нас!
Не теряйте бдительность, люди!»

Людмила Пефтиева

ПИСЬМА С ФРОНТА

*По одноименной книге Федора Езерского
и Виктора Федорова*

Я читала солдатские письма
С той давно отгремевшей войны.
И, казалось, опасность нависла
И разрывы снарядов слышны.
Только в письмах об этом ни слова,
В них лишь вера в Победу видна.
И любовь, что на жертву готова,
Лишь бы стала свободной страна.
«Дорогие, любимые, ждите!
Я вернусь на родимый порог.
Ну, а если погибну, простите...
По-другому я просто не смог.
Только знайте, что трусом я не был,
И что сделал я все, что сумел.
И что чистое, мирное небо
Так над вами увидеть хотел.
Но я верю, Победа настанет,
Приближаясь к нам день ото дня,
И пускай меня даже не станет,
Лишь жила бы Отчизна моя!»
Я читала и слезы катились,
Горько плакало сердце мое
О солдатах, что не возвратились,
За Отечество пали свое!
Но их души по-прежнему живы,
И хочу я сказать в этот час:
«Пусть вернуться домой не смогли вы,
Мы всегда будем помнить о вас!»

*Инна Кучерова***БАЛЛАДА О ДЕРЕВЕ...**

Всем, кто в нашу Победу верили,
Кто за землю свою почили,
Я сегодня спою о дереве,
Что растет на Саур-Могиле.

...43-й, июль не балует
Спелохлебной своей погодой,
Оккупация здесь без малого
Два военных голодных года.

Немцы строят сооружения,
Не смотря на людское горе,
И не знают, что поражение
Неизбежно потерпят вскоре.

Выбирая тропинки узкие,
Чтобы нАсмерть с фашистом драться,
Начинают атаку русские,
Только враг не спешит сдаваться.

На подмогу идут дивизии
«Тотенкопфа», еще «Дас Райха»,
Ташат пушки, везут провизию,
Усмехаясь «теперь давай-ка»...

Контратака за контратакою,
Не равны, как ни бейся, силы,
И ребята, со страшной дракою,
Отступают с Саур-Могилы.

Но советские люди смелые,
И не будут врагу покорны,
И солдаты, во всем умелые,
Вновь в атаку идут повторно.

Август льет дождевыми силами,
Чтоб враги не имели суши,
Начинают атаку «ИЛами»,
Громче грома гремят «Катюши».

Много дней и ночей, усталые,
Бьются воины вдохновенно,
Их рубахи, от крови алые,
Не рубахи теперь – знамена!

И в последнее утро августа,
(Не измерить тот путь аршином),
После долгих боев безжалостных,
Покорилась, сдалась вершина!

...Не нужна никакая бдительность,
Чтоб увидеть картину эту:
Уничтожена ВСЯ растительность,
Но кого призовешь к ответу?

Всем по-разному жить отмеряно,
(Будь подлец ты иль благодетель),
Из всего, уцелело дерево,
Молчаливый боев свидетель.

Где-то рощи цветут напыщенно,
А оно без кудрявой кроны,
Все, что было, огнями выжжено,
Под людские мольбы и стоны.

Но прошли времена суровые,
(Пусть не все затянулись раны),
В каждой веточке листья новые,
Это Саши, Петры, Иваны...

Всем, кто в эту Победу верили,
Кто за землю свою почили,
Я сегодня пою о дереве,
Что растет на Саур-Могиле!

Во время боев за Саур-Могилу на ней была уничтожена вся растительность, выжило только одно дерево. Возле него установили чугунную плиту с надписью: «Это дерево – свидетель неслыханной храбрости и мужества Советских Воинов, которые дрались за твое счастье. Так будь же, друг мой, современник, бдителен на земле, которая полита кровью твоих отцов и братьев. Право требовать это они в бою заслужили». «Дас Райх» и «Тотенкопф» – танковые дивизии СС, которые были переброшены из-под Харькова для ликвидации угрозы взятия Советскими Войсками Саур-Могилы.

Николай Лобанов

ШТУРМ СОПКИ

Штурмует сопку рота,
теснит передний ряд,
уже траншея смята
и нет пути назад.

А две траншеи выше,
за ними черный дзот,
косит огнем по роте,
к земле гвардейцев жмет.

В руках кольцо гранаты,
стальной, холодный штык,
бегут наверх фашисты,
кругом лишь стон и крик.

А дзота пасть открыта,
прицельным бьет огнем,
готовит силы рота,

на огненный подъем.

Опять бросок гранаты,
опять штыки вперед,
опять ценою жизни,
второй подъем берет.

Уже полроты снизу,
среди траншей лежат,
но вражескую сопку,
должны с боями взять.

Последняя траншея,
за ней бетонный дот,
звучит опять команда:
«Наверх! На дзот! Вперед!»

Еще одна атака,
а дзота пасть торчит,
в душе ни капли страха,
лишь кровь в висках стучит.

Последние минуты,
вблизи бетонный дот,
последние из роты,
взрывают черный дзот.

И на вершине сопки,
среди друзей своих,
поднялись два десятка,
оставшихся в живых.

*Елена Адинцова***ОДНОПОЛЧАНЕ**

Сердце громче набата
Бьется в старой груди
Ты прости меня, Ваня,
Что не смог я прийти.
Не девятого мая
Не теперь, в сентябре
Моя белая хата
Не на той стороне.
Помню я в сорок третьем
Тот немыслимый бой
И меня молодого
Прикрывал ты собой.
Словно ангел-хранитель
Был всегда впереди
Русский дядька суровый
Из сибирской земли.
Ты был батькой и братом
В те горячие дни
И теперь, прошу, Ваня,
Если можешь: «Прости»
Ты прости, что с Полтавы
Не приеду сейчас
И что внуку не смог я
Рассказать все о нас
Рассказать так, чтоб стало
В сердце больше добра
И что братские узы
Нас связали тогда.
Я родился в Полтаве,
Ты – в далекой тайге,
Но донецкие степи
Стали главным в судьбе.

Мы тогда пережили
Тот отчаянный бой
Мы дошли до Победы
И вернулись домой.
Раз в году мы встречались
На Святой высоте,
Ты ушел к Богу раньше,
Долг остался на мне.
Ты прости меня, Ваня,
Просто в этом году
Не приду, не приеду,
Снова в бой я пойду.
Лента воинской славы,
Ордена на груди
И моление к Богу:
«Не оставь! Помоги!»
Дай мне силы быть верным
Нашей клятве тогда,
Чтоб фашистская нечисть
Не прошла никогда.
Ты поймешь меня, Ваня,
Как мне важно сберечь
Нашу общую Память
Нашу общую Честь!

Бог привел нас на землю,
Душу дал для любви.
Память дал, чтобы помнить
Нам про корни свои.
Дал суровые будни,
Дал и светлые дни,
Дал желание счастья,
В мире жить без войны.
Дал возможность трудиться,
Возводить города,
Чтить победы погибших,

За родные дома.
Все дано нам с рождением.
Важно только сберечь,
Эту искру бессмертия,
Память, Совесть и Честь.
Коль взовут снова трубы,
Под знамена нам встать,
Щит незримый, но мощный
Вскинет Родина-мать.
Щит из крови героев,
Из любви матерей,
Щит из множества судеб
Неизвестных людей.
Тех, что дали нам право
Жить на этой земле.
Тех, что русскую душу
Воспитали во мне!

Сергей Бабинин

САУР-МОГИЛА

В степи Донецкой, меж курганов,
По балкам прячется река,
Нет кораблей в ней, караванов,
Не больно речка глубока.
В народе есть одно преданье,
Как два встречались казака
И речке выбрали название –
Миусом назвалась река.
Близ речки той, что сердцу мила,
Есть скифа гордого курган,
Саура там была могила,
Был он казак иль атаман.
Я из тех мест, оттуда родом,
Мальчишкой, плавая в реке,

Я знал, где рыба в ней, где броды,
Курган тот видел вдалеке.
Весенний день – тепло, как летом,
Дед взял бутылку коньяка:
«Сегодня можно, День Победы!»
И сделал смачных два глотка.
В шкафу у деда две медали,
«А, что так мало?» – я спросил,
«Так опоздал, все разобрали,
Нерасторопным видно был», –
Ответил дед, блеснув слезою
И дальше горе заливал,
А я тут рядом и все ною:
«Да расскажи, как воевал?»
И дед мой после рюмки пятой,
Коньяк закончился давно:
«Ну, что ж послушай о проклятой,
Что нет ни в книгах, ни в кино».
На той войне был дед солдатом,
Солдатом был он не простым,
Был в батальоне не понятном,
А назывался он штрафным.
Сказал: «Сидел перед войной»,
За что – история другая,
Сидел же каждый, да второй,
А первым, был он, охраняем.
Начав войну от Сталинграда,
На запад он врага погнал,
Обычный рядовой штрафбата,
Не офицер, не генерал.
Легко был ранен, видно мало,
Наверно крови он пролил,
Начальство думало, решало,
Назад в штрафные угодил.
И степи, миновав Донские,
Вот, впереди лежит Донбасс,

Места знакомые, родные,
Что видел он во сне не раз.
Мой дед скупым был на рассказы,
Я их по капле выжимал
И то рассказывал не сразу:
«Да, что я там повоевал,
Так, меньше года, сильно ранен,
А фронт на запад прошагал,
Я был в глубокий тыл отправлен,
Чуть позже, вновь в Донбасс попал.
Железные дороги строил
И восстанавливал мосты,
Да не был внучек я героем,
Наверно выдумал все ты».
Но я один рассказ запомнил,
Он в память врезался так мне,
О том, как много было крови,
На той, Сауровой горе.
Я попрошу меня простить
И бог пускай прощенье даст,
Что б вместо деда говорить,
От имени его рассказ.

При каждой армии ударной,
Штрафные батальоны есть,
При нашей, пятой, так недавно.
Предоставляется им честь,
Решали в ставке командармы,
Что б кровью искупить вину,
Им первым занимать плацдармы,
О, сколько было их в войну.
Плацдармов тех, не перечсть,
Что щедро кровью так политы,
Скажу тебе все так, как есть,
Нас в бой вели не замполиты.
В штрафбате были патриоты,

Но кто-то в ставке, там решил,
Поставить сзади пулеметы,
Что б вдруг, назад не отступил.
Поставлен был заградотряд
И был приказ – известный всем,
«Ни шагу», – он гласил: «Назад!»
Приказ две сотни двадцать семь.
Июля месяц сорок третий,
Там впереди Миус-река,
Не знаю, как меня он встретит,
Признает, ой ли земляка?
Курган стоит как гордый страж,
И виден он издалека,
Венчает здесь Донецкий кряж,
Привет тебе, Миус-река.
К тебе, курган, пришел я снова,
А где ж седые ковыли?
С тебя видать, аж до Азова,
Эх, сколь фашист пожег земли.
Вернулась поутру разведка
И принесла такую весть,
Стреляет немец, гад там метко
И дотов всех не перечесть.
«Колючки» там по нацепили
Местами, так рядов по шесть,
Сказал «язык», что притащили,
Мол мины в поле тоже есть.
Витек, что из «блатных», сказал:
«Ну, все, харэ нам мурку мучать,
Оно и харч, уж лучше стал
И старшиною спирт получен,
Того гляди – сегодня, завтра,
Мы щедро кровушку прольем,
Объявят, как всегда – внезапно,
Броском на штурм тогда пойдём».
Мы все сидели и молчали,

На небо пялили глаза,
А с неба звезды все слетали,
«Персиды», – кто-то вдруг сказал.
То души падали солдат,
Что в том бою должны полечь,
Не знаю в рай ли, может в ад,
Но поминать – не хватит свеч.
И Митрич: «Эх, – сказал он мне, –
Ты в лазарете был тогда,
Уже так было в феврале –
Туда-сюда, туда-сюда.
За немцем было, мы погнали,
Но закрепился, хитрый гад,
Рубеж мы этот не прорвали
И нас отбросили назад».

Ну, вот и все, приказ получен,
Мы тихо движемся к реке
И чуть забрезжил солнца лучик,
Раздался гул, там вдалеке.
И постепенно нарастая,
Он превращался в дикий визг,
Снаряды падали вздымая,
Куски земли и тонны брызг.
Вода в Миусе закипела
И зашипела, как змея,
А под ногами загудела,
Да задрожала, вдруг земля.
Все бьет и бьет артподготовка,
Уж изготовился штрафбат,
В одних руках, глядишь винтовка,
В других немецкий автомат.
Фашист молчит, не отвечает,
Как будто не имеет уши,
Он все прекрасно понимает,
Себя ничем не обнаружил.

И вот, помалу затихает
«Ну что? Вставай! Пошли! Вперед!»
Река нас, вроде пропускает,
Вдруг, заработал пулемет
И вот пошла у них работа,
Немецких минометов вой
И первой враз не стало роты,
Миус окрасивши собой.
Вода в реке вся покраснела,
Наверно видно от стыда
И вновь повторно закипела,
От нашей крови, та вода.
Ну, вот он, берег вроде близок –
Зубами, пальцы до крови,
Наш левый берег малость низок,
А правый выше раза в три.
Вцепились, сзади вдруг, как жажнет,
Вновь от снарядов гарь и дым
И воздух пылью с кровью пахнет
«Куда ж ты падла, по своим!»
Телами мертвых прикрываясь,
Мы все же медленно, но шли,
Не в полный рост, а пригибаясь
Поближе к матушке земли.
Поверь «Ура!» мы не кричали
Уж я, так точно не кричал,
Как звери дикие рычали,
Такой ужасный рык стоял.
Фашист стрелял, все сатаня,
Зверь загнан в угол, что теперь,
Но знай, что зверя нет страшнее,
Чем озверевший русский зверь,
Что бьется в рукопашной схватке.
И вот, немецкие траншеи
И я саперную лопатку
Вонзаю фрицу – прямо в шею.

Как звери их зубами рвали,
Давя руками кадыки,
В крови топили, убивали,
Вонзая наглухо штыки.
Уже позиция за нами,
Хоть нас осталось только треть,
Гвардейцы поднимают знамя,
Теперь черед их – умереть.
Не воевали – «кровью малой»
И за ценою не стояли,
Отцы родные, генералы,
Телами бреши затыкали.
А там статисты посчитают,
Историки чуть-чуть приврут,
Кто победил – не осуждают,
Им славы лавры воздадут.

Нас отвели слегка назад,
Пополнить поредевший строй
И говорит заградотряд:
Сегодня-завтра, снова в бой.
Мы принимаем пополнение,
Народец разный не простой,
Одни попали в окруженье,
Другие – с пятьдесят восьмой,
Из лагерей шли добровольно,
Чтоб невиновность доказать,
А коль убьют – душе спокойно,
Что честь сумели оправдать.
Был лейтенант, что с капитаном,
Который спал с его женой,
Повздорил, пригрозив наганом,
Теперь, он здесь и рядовой.
И были «урки», и «блатные»,
Наверно скучно им на «зоне»,
«Карманники» и «козырные»,

И бывшие «воры в законе».
Кого здесь только не найдешь,
«Вредитель» врач, «трепач» студент,
Ну, словом, как-то хошь не хошь,
Но «ненадежный элемент».
И «особист» нам говорил,
Что только смерть или раненье,
Позор, коль кровью искупил,
То можешь заслужить прощенье.
Мы вновь, опять на рубеже
И длится непрерывный бой,
И дням потерян счет уже,
Свист пуль в ушах, снарядов вой.
Бросает немец танки в дело,
У наших тоже танки есть,
Да наших меньше, значит телом,
Мы остановим их, всех здесь.
Уж десять дней вперед ни шагу,
Но и назад не отошли,
Свою мы, доказав отвагу,
В Донецкий кряж почти вросли.
Окинув взором поле битвы,
Пока охватывает взгляд,
О, сколько! Тысячи убитых,
Тела, тела вокруг лежат.
Они лежали, разлагаясь,
Жара, огонь, кромешный ад,
От смрада жутко задыхаясь,
За трупы прятался солдат.
Вот тут, гвардейцы из пехоты,
Тела обугленных танкистов,
Здесь штрафников почти три роты,
Там пушкари еще, связисты.
За нами из воронок ряд,
Тела по кругу разбросало,
То наш лежит заградотряд,

Им тоже в битве перепало.
Лежит девчушка с милым личком,
За что ее? О, Божья Мать!
То санитарка-медсестричка,
Да ей бы деток нарожать!
Не шелохнется, нет, она,
В глазах застыло удивленье,
Да будь ты проклята, война!
Что ж ей не дал Господь спасенья?
И снова танки немец вводит,
Откуда только их берет?
И «Юнкерс» хоровод заводит,
Но нет, подбили самолет.
Вот получили мы приказ,
На левый берег отходить,
Нам «повезло» и в этот раз,
Собой отход должны прикрыть.
Как выжил в тех боях, не знаю,
Наверно Бог меня хранил,
Когда последним отступая,
На левый берег угодил.

Уж август месяц на дворе,
Мы две недели отдыхали
И я услышал на заре,
Как наши танки прогревали.
Тот отдых был ну не курорт,
В разведку иногда шныряли,
Стрелял по нам фашистский черт,
Мы по нему в ответ стреляли.
Витек, «блатной» наш, юморист:
«Ну, что подельнички притихли,
Видать придется нам на «бис»,
Сыграть с фашистом в «фигли-мигли».
Вновь утром, все опять готово,
Пойти на штурм и в этот раз,

И испытать готовы снова,
Узнать, чей смертный пробил час.
Опять вокруг загрохотало,
Земля разверзнется вот-вот,
От раскаленного металла,
Что по земле той грешной бьет.
Завыла песнь свою «катюша»,
Земля вдруг начала гореть,
От воя заложило уши
И каждый залп посеял смерть.
А в небе загудели «илы»,
Неся с собою страшный груз,
В который раз Саур-Мои́ла
Дрожала, пенился Миус.
Немного легче в этот раз,
Но немец все же огрызался
И где-то на четвертый час,
Рубеж за нами оказался.
И наши танки продвигаясь,
На поле минное зашли,
Уже броней не прикрываясь,
Саперы впереди пошли
И кто на минах подорвался,
Кого косили пулеметы,
Навечно там лежать остался,
Убитых счет пошел на роты.
Нет, немец трусом вряд ли был
И с нами воевал умело,
А наш командующий вводил,
Что б задавить фашиста телом,
Штыки все новые, свои.
Людьми же бреши пробивали,
Такие страшные бои,
Не дай вам Бог, что б их видали!
И вот, виднеется курган,
А чуть поближе две высоты
«В атаку!» - крикнул капитан

И вмиг упал, шла кровь из глотки.
Мы будто в тире, как мишени,
Любую выбирай на выбор
И немец быстрый на решенье,
Решил добавить нам kaliber.*
Без тех высот курган не взять,
Огнем нас щедро поливали
И «особист»: «Что? Вашу мать,
Вы высоту опять не взяли!? «
Попыток всех не сосчитать,
Но немец танками богат,
На левый берег хочет смять,
«Ни шагу», – знаем мы, – «назад!»
Прицельно пушки наши бьют,
Врага машины выбивают,
Вот, наши танки в бой идут
И немцы тоже попадают
Здесь крови, больше, чем воды
Той, что в Миусе протекает,
А нам кричат: «Эх, раз туды!»
И вновь в атаку поднимают.
В боях опять мы десять дней,
Нет даже ночью передышки,
Мы все ж немного, но сильней,
И дышит фриц уже с отдышкой.
Высотки взяты, вот курган
И взять бы, обстрелять так, что б...
Да в штабе сумничал «полкан»,
Сказал: «Штурмуем его в лоб».
План дескать дерзкий: «Склон крутой,
Фашист, поди не ожидает
И мы пойдем ломить стеной!»
Чего-чего, а стен хватает.
Так сильно много «безголовых»,
За просто так, солдат сложили
И не боялись Бога, что вы?
Они же Бога отменили.

Покуда с трех сторон фашистов,
По кругу мы не обошли
И лишь тогда мы взяли выступ,
Десятки тысяч смерть нашли.
В боях, что длились бесконечно,
Здесь честно жизнь свою отдали
И пусть им будет память вечной,
И Бог не дай, что б забывали!»

Уж тридцать лет, как умер дед,
Он до седин глубоких дожил
И был свидетелем побед,
Спаси же душу его Боже.
Он часто и не в День Победы,
Здесь в одиночестве бродил,
Я видел раз, гуляя с дедом,
Как он с землею говорил.
Он не любил торжеств помпезных,
Рассказов разных о войне,
О ней не отзывался лестно,
Коль если что и ляпнул мне.
Приди весной к Саур-Могиле,
Когда бессмертник здесь цветет,
То кровь солдат, что здесь почили,
Уж сколько лет она идет.
Пусть будет всем напоминаем,
О тех, кто здесь в земле лежат –
Солдат, стоящий изваянем,
Поднявший в небо автомат!

Примечание: *kaliber (нем.) – калибр.

Поэма написана моим супругом Бабининым Сергеем. К сожалению, он умер. Принимал участие в литературном обществе Забой города Свердловск. ЛНР. Прислала: Лариса Бабунина

*Владимир Буров***ТЫ ПРИШЕЛ НА МОГИЛУ ГЕРОЕВ...**

Ты пришел на могилу героев.
Здесь недавно стоял монумент.
Но и он не вернулся из боя.
Не прочнее отваги цемент.

Вновь препятствуя вражеской силе
Взять так нужную ей высоту,
Внуки память дедов не срамили,
Подводя под прожитым черту.

К крови предков своей домешали,
Приумножив тем святость земли,
И ведомой безумием стали
Стать последней преградой смогли.

Вместе с ними сражалась героически
Память, влитая в серый бетон.
Разделяя с живыми по-свойски
Смерти свист и бессмертия звон.

Укрывал их от пуль и снарядов
Мощным телом бетонным Солдат.
Вечным сном полегли они рядом:
Нет дороги для русских назад.

Ты пришел на могилу героев,
Радость жизни отдавших тебе,
Сделать селфи, смартфон свой пристроив
На упавшем, но целом гербе...

Наталья Вингливскт

(творческий псевдоним – Наталья Радунца)

СМОТРИ, СЫНОК...

Степное солнце жжет издалека,
Ковыль к земле усталой жметя нежно.
И с каждым дуновеньем ветерка –
Полюни запах по степи безбрежной.

Приникли травы ропотно к земле,
Выпрашивая хоть немного влаги...
Лишь голосистым звоном вдалеке
Журчит родник в затерянном овраге.

Здесь птицы переливно не поют,
Крикливую не собирают стаю;
В зеленой рощице нашли приют,
ЕГО покой они оберегают.

А ОН стоит. Под ним – степной курган.
Застыло время: здесь земля святая.
Открытый самым яростным ветрам,
Стоит Солдат, покой наш охраняя.

Стоит на страже, словно часовой,
Над ним давно уже не властны годы.
Оберегая наш с тобой покой,
ОН на посту в любую непогоду.

В руке сжимая твердо автомат,
ОН с высоты осматривает дали.
Простой советский парень он, солдат,
И даже имени ему не дали...

2

Теперь пришла сюда я не одна.
Пора тебе, сынок, узнать об этом,
Что здесь вокруг – священная земля,
Дороже нет для нас ее на свете.

Стоит Солдат. Ты голову склони
И возложи к ногам его тюльпаны,
А в памяти навечно сохрани
Вот этот миг, когда ОН рядом с нами...

Легендами воспет седой курган,
Название ему – Саур-Могила.
Его узнает каждый ветеран,
В нем наша гордость, наша слава, сила.

Ты с высоты, сыночек, посмотри
На эту степь, поля и терриконы.
Все это – часть твоей родной земли,
Твой отчий край, Донбасс непокоренный.

3

А в сорок третьем полыхал Донбасс...
Курган горел, в огне изнемогая.
Кто это видел в своей жизни раз,
Тот не забудет никогда, я знаю.

Снаряды землю яростно секли,
Но разве было время для печали?
Ведь каждый метр своей родной земли
Солдаты своей кровью возвращали!

А здесь, на этой самой высоте,
Фашисты свой форпост установили.
Не на своей, а на чужой земле
Они свое господство объявили.

«Взять высоту!» был дан тогда приказ,
И шли бойцы за Родину на бой.
Их, как траву, косили всякий раз,
Но шли атаки яростной волной.

Земля горела, и пылал ковыль,
Свинцовый дождь накрыл поля сухие.
Орудий гул без остановки выл, –
Завидовали мертвым все живые.

«Взять высоту! За Родину! Вперед!..»
Атака, бой, тела и снова взрывы,
Но в бой опять наш батальон идет
На высоту... все, кто остались живы.

Бойцы-разведчики, семнадцать их,
Прорвались ночью на вершину с боем.
Сражались насмерть, каждый за троих,
Никто из них не думал стать героем...

И водрузили знамя на ветру–
Кровавую нательную рубашку.
И стало ясно нашему врагу:
Мы победим, как не было бы тяжело...

4

Стоит Солдат-защитник и герой,
Саур-Могила– гордость для народа,
Чтоб благодарны были мы с тобой,
Чтоб дорожили мы своей свободой.

Чтобы любили так же свой Донбасс,
Чтобы врагу ни в чем не уступали.
Напоминая для живых, для нас,
О тех, которые навеки пали...

Я верю, что когда-то ты придешь,
Держа в своей руке ладошку сына,
Цветы Солдату снова принесешь,
Расскажешь сыну о Саур-Могиле.

*Наталья Вингливскт
(творческий псевдоним – Наталья Радуница)*

САУР-МОГИЛА

Памятнику Земли Донецкой посвящается

Земля святая вновь полита кровью.
Не птицы, а снаряды здесь летят.
Смотрю на обелиск я с болью,
А взрывы памятник осколками крошат.

А ОН стоит, свой автомат сжимая,
И страха нет в тех каменных глазах.
Снаряды рвутся, все вокруг сжигая, –
Дома, деревья, урожай в полях.

А на полях – окопы... тело... тело...
И воронье зловещее кружит.
И никому, похоже, нет уж дела
К тому, что каменный солдат разбит.

Сражен, но не поставлен на колени,
Уже не может автомат держать;
Нет никого, кто в этой страшной сцене
Увидел бы его потухший взгляд.

Упал, разбит, но все же не сломился,
И дела нет ему до воронья.
И взгляд его безмолвно закатился
На поле, где горит еще стерня...

В него стреляя, нам кроили душу.
Его сжигая, память не сожгли.
Нельзя ее снарядами разрушить,
Не выпалить к родной земле любви!

Но верю я, что он, как прежде, будет
Как исполин на высоте стоять,
Что принесут цветы к подножью люди,
И будут дети в песнях воспевать.

А люди из грядущих поколений
Его увидев, будут знать одно:
«Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!»

Елена Гаврилястая

ВЫСОТА 277,9 САУР-МОГИЛА

Высота двести семьдесят семь и девять
Первой линии Миус-фронта!
В шрамах ты после жарких сражений,
Полегла не одна здесь рота.
Наполнялся Миус кровью
Бесконечные два грозных года,
Штурм за штурмом и бой за боем,
В снег ли, в дождь – в любую погоду.
Высота двести семьдесят семь и девять
Отдавалась из рук в руки.
Сколько вылазок было смелых,
Сколько сгнули в страшных муках...
Жутко вспомнить, какой ценою
Доставалась всем эта победа –
Высота двести семьдесят семь и девять!..
Вечно в памяти сорок третий... Лето...
Как ползли вверх по склонам солдаты,
К дзотам вражеским, к амбразурам,

А на головы им – гранаты
Вниз катились,
Да пули-дуры
Пролетали с визгом ужасным,
Из камней там сочилась вода...
Кто увидел это однажды,
Не забудет уже никогда:
Там убитый – убит был дважды,
Или трижды... десятки раз...
Даже думать об этом страшно,
А тем более – слушать рассказ.
Тридцать первого августа, утром,
Высота взята горсткой отважных,
И над нею трепало ветром
Кровью крашеный флаг – рубашку...
Кровью тех, кто, рискуя жизнью,
Двое суток стояли насмерть.
Отстояли во имя Отчизны
Высоту!..
Ведь с нее, как скатерть
Простирались степные просторы
И сливались там с кромкой моря.
Там ковыльной волны узоры
Все волнуются, морю вторя.
...Высота двести семьдесят семь и девять!
Разве ты представить могла
После грозного лихолетья,
Чтоб ВОЙНА сюда снова пришла?!
Что от ужаса содрогнется,
На дыбы поднимаясь, земля?
Что Миус снова кровью нальется?
Что тела вновь усеют поля?
Что не будет места в могилах
Тем, кто семьдесят лет назад
Отдал жизнь за родных и милых?
Будет снова крошечный АД?!
И, что в эту же лягут могилу

Рядом с дедом и правнук, и внук,
Что сразит их не вражья сила,
А вчерашний сосед и друг?..
От разрывов упал, сраженный,
Даже мраморный монумент...
На твоих появились склонах
Шрамы новых военных бед.
Подвиг дедов своих повторяя,
Внуки снова займут высоту:
Высоту двести семьдесят семь и девять!..
Кровью дань заплатив за мечту...
За мечту в свое светлое «завтра»,
За свободу, за счастье, за мир,
За славянскую вечную правду,
Чтоб фашизм здесь не правил пир!

Анатолий Ганин

НА ВЫСОТЕ ПОД НАЗВАНИЕМ САУР-МОГИЛА

Заревом в небе разносится шум канонад,
Свист от снарядов пронзает натянутым нервом.
Эхо войны возвращает нас снова назад,
К этим боям, что гремели тогда, в сорок первом.

Степь, а над ней поднимается холм в небеса...
На высоте, под названием Саур-Могилы,
Кажется, будто слышны тех солдат голоса,
Чьи имена навсегда высота сохранила.

Кто-то нашел на земле письмецо в две строки,
Между разбитых орудий, от взрыва фугаса.
В нем: «Я горняк, и отец мой, и дед – горняки,
Брат мой – горняк. Я сражался за землю Донбасса».

Стихли бои, и алеет багряный закат...
Только лишь ветер звенит с тех времен и поныне.
В память о них – не вернувшихся с боя ребят,
Тех, кто остались лежать навсегда молодыми.

Анатолий Ганин

ОПОЛЧЕНЕЦ

Снова сирен вой...
Выстрел – удар – взрыв!
Пуль, словно ос рой,
Ты, им назло, жив!

Рвет миномет высь...
Миной плюет, скот!
Только, браток, держись,
Помни, что мать ждет!

С той стороны смех,
Враг показал оскал...
Шлепнуть его – не грех,
Мне это дед сказал!

Знай, позади – дом,
Дети, жена, мать...
Значит живым щитом,
Здесь до конца стоять!

Значит держать строй,
Плечи сомкнув в ряд.
С истиной лишь одной,
Ты – ополченец, брат!

И не сомкнув глаз,
Стойко храня честь,
Ты, на любой приказ,
Скажешь в ответ – «есть»!

Снова сирен вой...
Выстрел – удар – взрыв!
Жизнь твоя, это бой,
Бой за самую жизнь.

Анатолий Ганин

СОЛДАТУ ПОБЕДЫ

Он был разбужен ранним утром,
Пока туман стоял в полях.
И время, будто не на шутку,
Остановилось на часах.

Старушка-мать, сынок, две дочки,
И рядом верная жена.
Но голос из радиоточки,
Вещал, что началась война.

Вдруг стало холодно и страшно,
И подкатился к горлу ком.
Но понял Он о самом важном –
Пришла пора спасать свой дом.

Пришла пора встать на защиту,
Отчизны, родины своей.
За мать, за женку Маргариту,
За малых за своих детей.

Надел Он молча гимнастерку,
Взял свой солдатский вещмешок,
В газету завернул махорку,
И вышел за родной порог.

Под марш Прощание Славянки
Собрался весь честной народ.
Вдаль убегали полустанки.
Был трудный сорок первый год.

Вела дорожка фронтовая.
Он шел вперед, ведь Он – солдат.
Он шел, прекрасно понимая,
Что нет пути Ему назад.

Давил врага и рыл окопы,
И был Ему неведом страх.
Он так протопал пол-Европы,
В простых солдатских сапогах.

И жизнь под пули подставляя,
Стоял как гордый исполин.
Там впереди, в огне стгорая,
Лежал поверженный Берлин.

И на развалинах Рейхстага,
Он белым мелом написал,
Широким, вымеренным шагом:
П О Б Е Д А!!!
Сел и зарыдал.

Катились радостные слезы,
По чуть засмоленной щеке.
Таким Его весь мир запомнил,
С застывшим ППШа в руке.

Мы помним всех, кто шел сквозь беды,
И никогда нам не забыть,
Всех тех, кто выковал Победу,
Кто подарил нам право жить!

БОЙ ЗА ВЫСОТУ

Война стальным своим нутром
Не утолила жажду смерти.
Шли сводки с боевых фронтов
И бесконечные потери.

Статистика военных дней
Картину горя отражала.
За каждой цифрой герой
В большом сраженьи или малом.

Приказ получен: «Ночь стоять,
К рассвету подкрепление ждите.
Саур-Могилу с боя взять,
Любой ценой ее держите!»

А на войне цена одна – жизнь,
Ничего дороже нет.
На чашу брошена она,
Словно разменная монета.

Бой был неравен, враг силен.
И командир совсем мальчишка.
– Бойцы! За Родину, вперед!
Он прокричал дискантом чистым.

Но дзот жесток, неумолим,
Неистово огнем плевался.
Как снап подкошен командир,
Он ранен был, но не сдавался.

Он подымался и вставал,
Не выпуская автомата.
Он знал, что за спиною там
Остались мать его и хата.

И пруд, и сад в селе родном,
И соловьи в зеленой роще.
И Родина, и это все
Он защитить собою должен.

Гранаты к телу привязав,
Бесстрашно подползая к дзоту,
Он жизнь за Родину отдал,
За свой Донбасс, за мать, за роту.

Анатолий Гравченко

НА САУР-МОГИЛЕ

Триптих

*

Бредут зимою
ветры от Азова
С поклажей
сине-белых
облаков.
Земля
под ними
хмурится сурово,
Чернеет
в ожидании снегов.
Река Миус,
как греческая Лета,
Течет века.
Прохлада тонет в ней.
И,
отражая звезды
и рассветы,
Напоит всадников
и боевых коней.

И огибает
очень
осторожно,
Сквозь дрему
сонного тумана,
Почти у самого
ковыльного
подножья
Громаду
древнего кургана.
Кургана и реки
неистошимы
силы
Хранить в веках
покой и память,
И древние,
и свежие
могилы,
Прах старины
и свежей битвы
пламя.
Бредут зимою
ветры от Азова,
Боками
трутся
о седой курган,
Ложится снег
бинтами
в пятнах крови
На землю
в складки
незаживших ран....

* *

Почти вчера,
в не близком,
сорок третьем,

Под жарким пеклом
солнечного дня,
Саур-Мои́ла
обрела
бессмертье
В раскатах взрывов,
в ярости огня.
Свистят осколки
и сереют лица,
Пыль светится,
как облако
в грозу,
Безумье боя
бесконечно
длится
И пляшет смерть
из окон
амбразур.
Металл впивается
в обугленные корни
Как семена,
которым
не взойти,
Жизнь
суетится
жадно и проворно
В попытке
хоть кого-нибудь
спасти.
Но от вершины
древнего кургана
И далее,
вперед,
за рубежи
Фронт наступал
победно,

каплей
 час за часом,
В бою стремительно
 свой
 ускоряя бег,
И мужество
 защитников
 Донбасса
Меняет
 смысл слова
 Человек!
В нем выстрадано
 с верою и болью,
Чему на свете
 высшая цена:
Своя семья
 и родина,
 и воля,
И без фашизма
 сильная страна.
И это будет,
 пусть когда-то было,
 И справедливость
 возродится
 снова...
А над
 почти святой,
 Саур-Могилей
Бредут,
 как прежде,
 ветры от Азова...

15.07.2017 г.

Вадим Десятерик

НА ХОЛСТАХ ВОЙНЫ

Давай нарисуем ветер,
свободный, как наша степь.
Вверху пускай солнце светит
над полем, где зреет хлеб.

Теперь нарисуем маму.
По центру тебя с сестрой.
А рядом песочный замок
и летний морской прибой.

Детей, что улыбки дарят,
проходим смотря в глаза.
Мечты на воздушном шаре
и алые паруса.

Давай нарисуем звезды
на черном холсте войны.
Хотя, это так непросто,
писать под обстрелом сны.

Где все утопает в розах,
в ночи не дрожит стекло...
Но там, за окном, не грозы,
и не от луны светло.

*Вадим Десятерик***МАЯТНИК**

Война, как маятник часов
качает Землю.
Опять на стыке двух веков
солдат не дремлет.
Опять, как много лет назад,
рыдают вдовы.
И смерть сжимает всех подряд
в своих оковах.

Летит над озером крестов,
терзая души.
И блеск церковных куполов
бездумно тушит.
Беря трусливых на испуг,
на смелых метит.
Плетет, как опытный паук
раздора сети.

Когда придет сознание к нам,
то будет поздно.
Платить придется по счетам,
увы, не звездам.
Трещит фортуны колесо
и близко время,
когда наш маятник часов
разрушит Землю.

Вадим Десятерик

СОЗВЕЗДИЕ ПАМЯТЬ

Уходят герои
в созвездие Память.
Там ямы не роют,
крестов там не ставят.

Не мучают раны,
бои не тревожат.
Там стелют туманы
последнее ложе.

Уходят комбаты,
комбриги, комдивы,
простые солдаты
уходят красиво.

Закончены войны
салютом, цветами.
Герои достойны
созвездия Память.

Елена Морозова

Обрубок остался от человека –
Война обрубила его...
Нет совсем ног, вместо рук – два протеза,
В душе – жажды жизни полно!

Два года назад был он сильный, красивый,
Студент, на гитаре играл!
Вся жизнь впереди была! С девушкой милой
Готовили свадебный бал!

Война все прервала. Фашистская хунта
Отца расстреляла и мать.
Девчонку любимую после медпункта
Не смог он нигде отыскать.

Пошел в ополчение. А что ему делать,
Коль жизнь превратилась в кошмар?
Весь мир почернел и душа помертвела...
Оружие в руки он взял!

И встал на защиту родного Донбасса
От злобных бандеровцев он,
Как прадед в лихом 43-м когда-то,
Со старым отцовским ружьем.

С ним рядом стояли в бою и в сраженьях
Водитель, шахтер, педагог
И знали они, что от смерти, ранений
Никто защитить их не мог!

Учился стрелять, управлять грозным танком,
Скрываться от пули врага,
Но в страшном бою, тяжелом, неравном
Чуть смерть не нашел он тогда!

В бою том смертельном за Саур-Могилу
Фашистов они победили!
Одни смогли выжить, другие погибли,
Но гордый курган защитили!

Сгорел в бою танк, но друзья уцелели,
Спасли и его из огня.
К донецким врачам довели еле-еле,
«Спасите!» - просили друзья
Врачи жизнь спасли, но руки и ноги
Пришлось ампутировать им.
« Мы сделали все... Мы врачи, а не Боги,

Но жизнь у тебя впереди!»

А жить не хотелось,.. Кому такой нужен
Без ног и почти что без рук...
Депрессия тихо змеей вползла в душу –
Бороться он с нею не мог.

И выход наш ел – накопил горсть таблеток
И выпить за раз их решил!
Родителей вспомнил... Бывал с ними резок...
Прощенья у них попросил.

Еще напоследок и девушку вспомнить
Он смог, хоть уж не было сил...
Ну вот, все готово, осталось исполнить
Все то, что он сделать решил.

Но вдруг тут зашла санитарка со шваброй
И стала полы протирать,
Окно приоткрыла, чтоб было прохладно,
Хотела поправить кровать.

Взглянула в лицо – «Это ты! – закричала,
О Боже! Нашла я тебя!»
Но вдруг поняла, что там, под одеялом,
Лишь часть его тела была.

Поняв, замерла... Но любовь победила!
Упала, заплакав, на грудь.
Река ее слез его лед растопила
Надежду заставив вернуть!

Любовь торжествует, Любовь победила –
Готовится свадебный бал!
Сказал – «Я – мужик, и есть во мне сила!
В аду я уже побывал!

Но Ангел спустился ко мне с поднебесья,
Любимую мне он вернул
И жизнь вдруг наполнилась звонкою песней
«Будь счастлив», – мне Ангел шепнул!»

Вот год пролетел, в инвалидной коляске
Сидит не обрубок – МУЖИК!
А рядом с ним в синей детской коляске
Их трудное СЧАСТЬЕ лежит!

Елена Морозова

Каждый год на девятое мая
Ветеранов колонна идет.
Не спеша ветераны шагают,
Но один все равно отстает...

Видно, раны болят фронтовые,
Да и годы все больше гнетут –
Фронтовые года, трудовые...
Но по-прежнему трубы зовут!

И, хромая, шагает в строю он –
Так старается не отставать!
Как в бою том, смертельном, тяжелом,
Когда Родину шел защищать!

Год прошел. Вновь девятое мая,
И сирень также пышно цветет...
Только тот ветеран не шагает,
Видно в вечность ушел он за год...

Елена Морозова

Каждый год на День Победы
Вместе с армией страны
Уже прадеды – не деды
Медленно парадом шли.

Старомодны пиджаки их,
Но блестят рядком всегда
Фронтовые, боевые,
Наградные ордена!

Годы спины их сгибают,
Все труднее строй держать,
Но стараются, шагают,
Норовят не отставать!

С каждым годом их все меньше
Остается на Земле,
Победивших в той далекой
Страшной мировой войне!

Но сегодня, утром вешним,
Они бодры, как всегда!
И с веселым майским маршем
Зазвенят их ордена!

Валентина Ермоленко

САУР-МОГИЛА

Мой милый край: вот степь, ковыль,
Раздолье – восхищенье!
И будто кто остановил
Здесь времени теченье.

Стоит над степью тишина,
Курганы обнимая,
Ее нарушит лишь одна,
Взлетая, птичья стая.

Но не было той тишины,
А степь кипела адом,
Когда фашист из рук войны
Снаряды сыпал градом.

И резал уши вой «Катюш»,
И гром гремел от взрывов,
И с помесью кровавых луж
Земля вставала дыбом.

Кто веры, нации какой,
Тут смерть не выбирала,
Гребла кровавою рукой,
А ей все было мало.

Мальчишек юных и отцов
Война не пощадила
Погостом стала для бойцов
Тогда Саур-Могилы.

В ней каждый офицер, солдат
Для нас герой отважный,
Хотел он, чтоб крошечный ад
Не повторялся дважды.

Гордится ими пусть страна
И помнит это место,
Всех тех, чьи знает имена
И тех, кто неизвестен.

Остановись и поклонись
Святой Саур-Могиле,

Всем поколениям передай,
Чтоб павших не забыли.

И вновь над степью тишина –
День мирный наступает.
Так пусть же никогда война
Ее не нарушает.

Валентина Ермоленко

ПОКЛОН САУР-МОГИЛЕ

Высота одна в Донбассе есть,
Что Саур-Могилою зовется.
Вольно ветру на просторах здесь
Первою она встречает солнце.

Только помнит эта высота
Дней лихих кровавые моменты.
И на ней воздвигли неспроста
В память всех героев монументы.

В памятные даты всей страны
Едут люди, чтобы поклониться
Воинам, познавшим вкус войны –
Им пришлось с фашистами сразиться.

В сорок третьем славный Сталинград
Поломал хребет фашистским планам,
И бежал тот кровожадный гад,
На ходу зализывая раны.

Под напором наших грозных сил,
Бившим по фашистам очень крепко.
Враг Саур-Могилу захватил,
Как тонувший, что хватает щепку.

И не зря тот сорок третий год
Был неповторимым, переломным –
Наши храбро двигались вперед,
Но не без потерь – ценой огромной.

Вот и на донбасской высоте,
Что Саур-Могилою зовется,
Навсегда лежать остались те,
Кто мечтал и жить, и видеть солнце.

После – до Берлина шли сыны
Под своим победным алым стягом,
Чтоб по окончании войны
Этот флаг зареял над Рейхстагом.

В душах наших, в пламенных сердцах –
Гордость за великую Победу,
Помним мы о воинах-отцах,
Помним о героях наших – дедах.

В благодарность память их почтим,
Головы склоняя низко-низко.
Будем мир беречь, ведь мы хотим,
Чтоб не добавлялись обелиски.

Не забудем ужасы войны,
Будем помнить все, что раньше было.
Весь Донбасс так хочет тишины!
Наш поклон тебе, Саур-Могила...

29.07. 2017 г.

Валентина Ермоленко

ИСТОРИЯ СВЯЩЕННОГО КУРГАНА

1

Семена правды

2009 год

Горжусь и радуюсь монументу:
Отец и молодая мать
Везли ребенка к монументу,
Чтоб сыну правду рассказать.

Их сын подрос. Настало время
Ему поведать о былом:
О жизни прошлых поколений,
Что защищали отчий дом.

Увидел сын курган высокий,
Ступени убегают ввысь.
Вокруг – поля, где видит око...
«Постой, сынок, остановись! –

Сказал отец. – Запомни место
Событий тех военных лет.
Я расскажу тебе все честно
О том, как воевал твой дед.

Давно, в военном сорок третьем,
Он здесь сражался, как герой
И здесь последний день свой встретил,
Вступив, сынок, в нещадный бой.

Пришли немецкие фашисты
На нашу землю, на Донбасс.
Здесь шквал огня был так неистов,
Что день не виден был подчас.

И наши воины все силы
Бросали в тот смертельный ад,
Чтоб защитить Саур-Могилу
Здесь столько polegло солдат!

А победили наши деды
Ценой немалою потерь,
Приблизив майский день Победы,
Который празднуем теперь.

Саур-Могилу зовется курган –
Он очень знаменит.
Смотри, как освещает солнце
Смотрящий в небо монолит.

Его воздвигли в честь героев,
Что в страшном праведном бою
Отважно жертвуя собою,
Здесь защищали честь свою.

И каждый год мы отмечаем
Святую дату здесь не зря,
Цветы, венки тут возлагаем
С тех пор восьмого сентября.

Гордись Победою святою!
Не зря твой дед здесь пал за нас.
Коль час придет, и мы с тобою
В защиту встанем – за Донбасс!

2

Боль Донбасса*2014 год*

Прошло с тех пор всего лет пять.
И думать мы не смели,
Что кто-то будет воплощать
Чудовищные цели.

Что вновь придет ненастный час
И край наш: светлый, чистый,
Наш гордый трудовой Донбасс
Увидит здесь нацистов.

Они пришли сюда с войной,
А не кому-то в гости,
И стал наш край – Донбасс родной
В их хищном горле костью.
Известно нам из новостей,
Бои какие были,
И что непрошенных гостей
Там, на Саур-Могиле

Громила кучка храбрецов,
Как в сорок третьем немцев:
За матерей и за отцов
Сражались ополченцы.

Как тяжело дышала грудь
Седой Саур-Могилы!
Не дали снова ей вздохнуть,
Опять тут все разбили!

3

Память жива

2016 год

Болело сердце за Донбасс
У всех, кто жил здесь честно...
И вот мать с сыном как-то раз
Пришли на то же место.

Перед глазами вновь курган...
Но что это такое?
Разбито здесь все просто в хлам!
Где памятник героям?

Ребенку надо объяснить,
Кто зло такое сделал,
Кто землю нашу мог бомбить
И где всему пределы.

И каждый правду должен знать,
Она – всего дороже.
Сумеет ли дитя понять?
Уверена, что сможет!

Недавно, сын, пришли сюда
Вновь изверги-фашисты,
А с ними к нам пришла беда.
Что ходит за нацистом.

Они хотели растоптать
Всю память о Победе,
Которую завоевать
Смогли отцы и деды.

Они хотели в нас убить
Язык и нашу веру,
Внушая, что должны мы чтить
Преступника Бандеру.

Донбасс воспрял, в защиту встал,
Спасая нас от горя.
Солдат, который жизнь отдал,
Здесь пролил крови море.

Но не должны мы допустить,
Чтоб горе снова было!
Герои наши защитить
Смогли Саур-Могилу.

Они по зову сердца шли
И не могли иначе,
Сражаясь за клочок земли,
Который стонет, плачет.

Их сердце не могло терпеть,
Как «боссы» Украины
Хотели память в нас стереть,
Все превратить в руины.

И твой отец пошел служить,
Командует он «Градом»,
Чтоб нас с тобою защитить
И Родину – так надо.

Друзей он многих потерял,
Но будем мы молиться,
Чтоб все, кто на защиту встал,
Сумели возвратиться.

А новый монумент, сынок,
Воздвигнем мы, построим,
Чтоб никто забыть не смог
Всех павших, всех героев.

Владимир Журилов

СВЯТОЕ МЕСТО

Есть место святое в нашем городе Снежном,
Политое кровью, опаленное огнем...
В легендах и стихах воспетая вершина,
У ветеранов ноют раны и доныне.
Здесь много лет назад прошел жестокий бой.
О нем поведал ветеран войны седой.
Там у подножия моей Саур-Могилы
Бойцы врагу опять хребет переломили.
С тех пор прошло немало лет, немало дней,
Но люди со слезою на глазах приходят к ней.
Приходят, чтоб почтить героев той войны
И возложить цветы от имени страны.
Нарушен был покой седой Саур-Могилы:

Визжали пули, мины жутко выли...
На кон поставлена была свобода наша.
Донбасс под чью-то музыку не пляшет.
А рядом похоронены герои наших дней
Их дети, жены ждут от них вестей.
Пришельцам с запада они закрыли путь,
Ты добрым словом не забудь их помянуть.
Они сражались в отрядах ДНР.
Не обошлось, конечно, без потерь...
Мы рядом ставим их с героями войны,
Их светлой памяти век будем мы верны.
Давно я в этой жизни знаю толк,
И я вношу их всех в бессмертный полк.
На свете нету других мнений –
Донбасс никто не ставил на колени.
Есть место святое в нашем городе Снежном
Мы на святую высоту вдвоем с тобой взойдем.
У обелиска молча на коленях постоим,
И клятву верности Республике дадим.

Зосенко И.Н.

САУР-МОГИЛА

Вдоль дороги, у Саур-Могилы,
Выросли гиганты-тополя.
Рослые со стажем – старожилы,
А вокруг душистые поля.

Многие лета ржавели дула...
Жизнь текла спокойно в тишине,
Но война на землю яд плеснула,
И Саур-Могила вновь в огне.

Снова бой, захватчиков – колонны,
Заревом пылает небосвод...

Бьют по высоте снарядов тонны,
Стал кроваво-пепельным восход.

Держат оборону пехотинцы,
Летчики, танкисты вновь в строю.
Принимают на себя «гостинцы»
Сobelisksовоины в бою.

Поливают «ураганы», «грады»,
Прямо в стелу прилетел снаряд.
«Слышь, братишка! Жив?» –
но лишь раскаты,
Рвутся мины шесть часов подряд.

Не ответит никогда братишка,
Стало время на его часах...
И опять в глазах от взрыва вспышка,
А в ушах ба – бах, ба – бах, ба – бах...

Приутихло. Видно передышка.
Показалось, или слышен стон?
Под завалами рука: – «Жив Мишка!»
Слезы радости. Укол, тампон...

Залита земля людскою кровью,
Ветер ковылем прикрыл тела...
Шлют привет нацисты с нелюбовью,
Разрушают память догола.

Мчат снаряды, оглушают свистом.
Крутятся, как в мясорубке винт.
И от нас летит привет нацистам,
Как от них нам – из железных мин.

*Константин Коваль***КАК ОСКОЛОК РАЗБИТОГО СОЛНЦА***Памяти тех, кто 28.08.1943 г. взял Саур-Могилу*

...где-то там, впереди, собирали живых
И пытались зализывать раны,
Рисовали на выцветшей карте кружки
И сводили счета по кургану.

А за черным курганом, дымился закат
И комбат распекал интенданта
За остывший кулеш и отставший наряд,
И за все, что обозникам жалко.

Бочка спирта едва ли пошла на ура –
Разливали ее неохотно.
И особенно вкусной казалась вода
Из изношенной флажки походной.

Скатки падали наземь. Скрипели ремни.
Самосад собирал самокрутки.
Месяц август ходил по горячей степи
И грозился атакой под утро.

Кто-то звал санитаров, а кто-то умолк,
И спалось ему в травах не жестко.
А по линии фронта летел мотылек
Как осколок разбитого солнца.

Константин Коваль

МУРАВЕЙ

*Светлой памяти
моего деда красноармейца-сапера
Коваля П. Я. (1895-17.07.1944)*

Был каждый метр разделен на часы
И каждая минута на сознание:
К какому краю сдвинутся весы,
Как долго можно сдерживать дыхание.

Запал вращался против часовой,
Скрипела на зубах земля сухая...
А муравей крутился под рукой,
Как будто ничего не понимая.

Он строил дом, пыхтел, тащил «бревно»,
Бурчал в усы, бранил меня на местном.
А я мечтал расправиться с войной
И сдать на склад проклятое железо.

Мы оба напрягались – кто как мог.
И думали о мире и покое.
А где-то высоко трудился Бог
И целый мир крутился под рукою...

Константин Коваль

МЕДНЫЙ КОЛОКОЛ ВОКЗАЛЬНЫЙ

Тем, кто помнит и ждет

Медный колокол вокзальный
Помнил каждый эшелон,
Знал кого пускать по главной,
С кем в буфет сходить резон.

Помогал иногородним,
Мог влюбленным удружить:
«Хватит вам молчать и спорить –
Поезд ждет, а жизнь спешит!»

Мог минуту не заметить,
Или сутки наверстать,
Подсказать, где взять билеты
И с какой платформы встать.

Помнил он и «Марш Славянки»,
И платок, слетевший с плеч,
И товаров перебранку,
И заносчивую речь.

Знал как падают знамена
И меняют имена
Полустанкам и перронам
На обедне у попа.

Об обедне – это слишком.
Но, ни слова не совру –
Как хотелось мне, мальчишке,
Этот колокол качнуть.

И от гордости взорваться,
И соседям рассказать,
Как по каждому приказу
Разбегались поезда.

Как и литерный залетный,
И товарный проходной –
Каждый мой звонок исполнив
Вдоль платформы шли домой.

И мечталось мне, по-детски,
Дать большим составам свет,
Чтоб вернулся, наконец-то,
На Берлин ушедший дед.

С серой скаткой и медалью –
Честью фронтовых дорог...
Но на площади вокзальный
Был дежурный очень строг.

Он звонил и в дождь, и в ветер,
И не требовал наград.
Почему же в новом веке
«За ненадобностью снят?»

Кто сказал, что «время – деньги»
И вложил слова в кредит?
Для того ль, чтоб отзвук медный
Был немедленно забыт?

«Позвонили и довольно» –
Дал команду чин большой.
Для того ли, чтобы с фронта
Дед мой вовсе не пришел...

Евгения Короткова

САУР-МОГИЛА – СИМВОЛ СТОЙКОСТИ И МУЖЕСТВА

*Саур-Могилы – символ стойкости и мужества,
Герои в нашей памяти останутся всегда...
Пройдут года и поколения сменятся...
Не дай нам, Бог, забыть их подвиг никогда!*

В Донбассе есть курган – Саур-Могилою зовется,
Защитники той высоты узнали, что такое Ад...
Они стояли насмерть : – Враг не прорвется,
– Пусть враг узнает «Донбасский Сталинград»!
– Здесь наши деды принимали бой неравный
– С фашистами в ту страшную Войну...
– Ох, сколько полегло тогда их – Подвиг славный...
– Они стояли насмерть за свою Страну!
И в дни «горячие» июльские 2014-го
Те павшие Герои вернулись снова в строй!

Они своим потомкам героическим
Незримо помогли вести здесь тяжкий Бой!
Враг захватить ту Высоту пытался, –
Ведь стратегически она была важна,
С нее на 40 километров местность «открывалась»
И потеряв курган – проиграна война.
Держали Высоту бойцы – их взвод «Медведи»* –
Боеспособных из «Востока»* оставалось шестеро ребят...
Их Братья полегли в бою неравном, –
В сырой земле Саур-Могилы спят...
И с ними командир погиб в начале боя,
Он, не щадя себя, всегда вперед спешил...
Прямой наводкой по «медведям» танки били,
И «Град»* остатки монумента вдребезги крушил...
Их шестеро, подмоги нет... Враг наступает, –
По численности превышает... в сотни раз...
Там «Грады», гаубицы, танки, авиация...
А у ребят – молитва к Господу – спасала уж не раз!
Мобильный командира – связь с артиллерией!
«Сом» * (в 5-й раз): – Я вызываю на себя огонь!...
Никто не думал, что останутся живыми... те шестеро ...
Видать у Господа для них «открыта бронь»...
И вот снаряды от «своих» артустановок
Курган укрыли в плотное кольцо...
И «Сом» с ребятами, в который раз «врастая» в землю,
Не понаслышке знали смерти жуткое лицо...
И выжив в том Аду кромешном,
Ребята, невредимы, в «зеленку»* отошли...
Высотку сдали ... ну а через две недели
Вновь ополченцы в наступление пошли!
И вот уж новый бой за Высоту пылает...
Несет потери враг – земля горит...
Так было испокон веков – так будет –
Саур-Могила и Донбасс СТОИТ!

Никто Донбасс НЕ СТАВИЛ НА КОЛЕНИ!

Донбасс во век веков НИКТО НЕ ПОБЕДИТ!

Людмила Лавриненко

МАКЕЕВКА – САУР-МОГИЛЕ

Саур-Мои́ла... Ветер с юга...
Полыни горечь на устах
Да пенье птицы в небесах,
Как память об ушедших друзьях.

Шагнув из плоти в камень,
В небытие из бытия,
Собою край наш заслоня,
Зажгли они здесь вечный пламень.

Что значит: в камень перейти,
Шагнуть в него из плоти?
Свободу миру подарить
И жизни нить продолжить?

А это значит: Родину любить,
А это значит: о любимых помнить
И долг свой до конца исполнить,
Пускай ты даже и не будешь больше жить...

Саур-Мои́ла... Рубеж восточный...
Сюда приходим поклониться,
И в памяти потомков прочно
Останутся из камня лица.

Донбасс отсюда очищался
От яростной коричневой чумы,
И край наш дружно возрождался
Из пепла мировой войны.

Поэтому совсем не зря
В Макеевке места святыя:
Бульвар 8 сентября,
«Свеча» и «Пушка» и иные.

Так будем помнить вечно
Солдата подвиг на Саур-Могиле,
Чтоб на небесной нашей встрече сказать:
«Благодаря тебе мы жили».

Надежда Литвинова

Саур-Могилы для Донбасса –
Святыня, и теперь вдвойне.
Фашизм здесь не прошел ни разу,
Вопрос оставив лишь в цене.

Цена, бесспорно, дорогая:
И в 43, и сейчас.
Погибло много в нашем крае
Солдат, что защищали нас.

Всех помним: павших и живых героев,
Бессмертен подвиг их в веках.
Мы вновь в бою, окопы роим,
Стоим с оружием в руках.

Но все пройдет, и это тоже,
Донбасс вновь будет созидать.
Россия, как всегда, поможет,
Народ наш будет процветать!

26.07.2017

Людмила Логоша-Дубоград

БОЙ ЗА САУР-МОГИЛУ

Сорок третий пылает огнем,
Степь донецкая стонет от взрывов.
Бой кипит здесь и ночью, и днем
За курган, за Саур-Могилу.

Как трудны у войны рубежи,
Неприступны крутые уступы.
Тут бойцу приходилось (чтоб жить)
От осколков скрываться за трупом.

На вершину семнадцать солдат
Просочиться сумели отважно
И теперь неотступно стоят,
На плацдарме для нас очень важном.

Мины ухают, пули свистят,
Вражьей силы вокруг батальоны.
А у наших бесстрашных ребят
Мысль одна: побережь бы патроны.

Реет алою птицею флаг –
Вся в крови лейтенанта рубашка.
Этот флаг – нашим воинам знак,
Чтоб сметали врагов без промашки.

Через сутки подмога придет.
Эти сутки им выстоять нужно.
А затем снова в бой и вперед,
Бить фашистов непрошенных дружно.

До Берлина с победой дойти,
Начертать на Рейхстаге, как было,
Нет, не подписи – вехи пути:
Сталинград и Саур-Могила.

31.07.2017г.

*Людмила Логоша-Дубоград***САУР-МОГИЛА**

Над Саур-Могилкой птицы.
На Саур-Могилке травы.
Вознеслась Саур-Могилка
Обелиском славы.

Вот застыл в броске отважном
На вершине воин.
В бой последний, самый страшный,
Он зовет героев,

Тех, кто бились здесь когда-то,
Кто не возвратится.
И лежат рядом солдаты,
Спят в родной землице.

Зрелых воинов и юных,
Знатных и безвестных,
Восславляют бардов струны,
И поют им песни.

Им букеты возлагают
У мемориала.
Ветераны поминают,
Как теперь их мало!

Имена их на граните –
Длинным списком строчки.
Плачут скорбно, неприкрыто
Сыновья их, дочки.

Над Саур-Могилкой птицы,
На Саур-Могилке травы.
Что тебе сегодня снится,
Гордый символ славы?

Февраль 2013 г.

Людмила Логоша-Дубограй

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Герои не умирают,
А просто уходят в вечность,
Легенды о них слагают
И песни о них поют.
Их праведными делами
Проложен путь в бесконечность,
Они остаются с нами,
И в памяти нашей живут.

Но жаль, что уходят рано,
Дела не успев закончить,
Не изгнаны басурманы
Подальше из отчих краев.
И вновь отголоски боя
Тревожат наш сон полночный,
А враг все стереть живое
С донбасских просторов готов.

Но слышите, трубы играют,
Но видите, реют знамена
И новая поросль младая
На смену ушедшим встает.
И слава героев павших
(Мы помним их всех поименно!)
К Победе грядущей нашей
Народы Донбасса зовет.

20.06.2017г.

*Людмила Лысенко***МОНОЛОГ САУР-МОГИЛЫ**

Вокруг меня над степью и полями
Разносятся напевы ветровые,
А в небе пролетают журавлями
Солдат погибших души молодые.

Ковыль к земле склоняется в печали:
Когда-то смерть безумно здесь смеялась,
И с ранеными молча я кричала,
Паническому страху не сдаваясь,

И уходила с павшими я в вечность.
С живыми поднималась вновь в атаку...
А время, что всегда так быстротечно,
Не подавало никаких нам знаков.

Седела пыль от дыма и от пепла
И закрывала тучей солнце в небе.
А сколько воинов ушло в бессмертье,
Чтоб пахла степь не порохом, а хлебом!

Алеют в мае трепетно тюльпаны
У обелиска памятью и болью,
И вспоминают снова ветераны,
Как щедро я была полита кровью,

Как одержали над врагом победу
В немислимо-жестокой круговерти...
Склоните головы! Отцы ваши и деды
Спасли меня, и вас, и мир от смерти!

2012

Людмила Лысенко

ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ

Пылало небо пламенем багровым,
И падали на землю клочья туч.
И было непонятно, когда снова
Пробьется сквозь завесу солнца луч.

Металла скрежет, грохот канонады,
Предсмертный крик и бесконечный стон...
И непонятно, кто же рядом,
Где враг, а где свои, с каких сторон.

И жизнь со смертью в неизбежной схватке
Здесь, на кургане, яростно сошлись
Земля дрожала, будто в лихорадке,
И ветры черные над ней неслись.

И все же заалело на вершине
Победы знамя, но какой ценой!
Оплакивает горько и доныне
Саур-Могила тот жестокий бой.

2011

Людмила Лысенко

БАЛЛАДА О ТРЕХ БЕРЕЗАХ

*Семье Донченко, проживавшей
в городе Снежное, посвящается*

Проснется ль солнце, иль взмахнет крылом
Устало ночь глухая под окном,
А три березы много лет подряд
О чьих-то судьбах скорбно шелестят...

Три сына было – жизни целых три
Вот в этом доме, кА, весна, цвели,
Как стали друг за дружкой подрастать,
Их в путь-дорогу провожала мать.

А соберутся дружно за столом,
Наполнят смехом, теплотою дом.
И солнце ясно всем светило им,
И было небо чисто-голубым ...

А вот теперь березы, тоже три
На место сыновей сюда пришли.
Как память, человеческая боль,
Как нежная, щемящая любовь...

Отец к березам тихо подойдет,
К стволам щекой горячею прильнет,
– Вот это Гриша, это Алексей,
Вот Коля. Сколько было сыновей!

Их всех война с собою унесла,
Остались мы, как птица без крыла...
И подойдет к березам скорбно мать,
Перед глазами прошлое опять.

– Мы с Колей и проститься не смогли,
Письмо и похоронка вслед пришли.
Вошел в Берлин с боями Алексей,
Но не дошел до Родины своей.

А Гриша, Гриша, сокол наш родной,
Пришел домой израненный войной,
Недолго побыл дома и опять
На шахту начал на заре шагать.

Он говорил: «Без шахты не могу.
Я перед теми, кто погиб, в долгу,
В окопах шахта снилась мне всегда
И запах угля доходил туда.

Когда врачи стояли надо мной,
Гудок я рядом слышал, как живой...»
Недолго проработал – и война
Последнюю надежду отняла.

Поднимет горько к небу руки мать,
И стон короткий вырвется опять.
– О, будь ты трижды проклята, война!
И в честь погибших снова тишина...

Роняя лист на пышную траву,
Березы гордо смотрят в синеву.
Как будто стали у тропы своей
НИКОЛЕНЬКА, ГРИГОРИЙ, АЛЕКСЕЙ.

1984

Александр Морозов

САУР-МОГИЛА

*В отрогах Донецкого края
Земля почернела от ран
И сколько на склонах поляжет,
Не знает высокий курган...*

Здесь шли на смерть советские герои,
Фашистов выбить вовсе нелегко.
С кургана было видно воды моря –
С Саур-Могилы видно далеко...

Земля в крови стонала под ногами,
Любой ценой высотку нужно взять!
В атаку шли, и боль невозможная,
За мертвых продолжали воевать...

Во многих семьях будут похоронки –
Косила смерть упорно храбрцев...
Саур-Могила множила воронки
И забирала дедов и отцов...

Ползли солдаты, что прочнее стали
И чтобы кто сейчас не говорил –
Мы победили и высотку взяли.
В Саур-Могиле – тысячи могил...

А в сводках о потерях скажут скупое –
Очищен стратегический простор.
И после трое суток сносят трупы,
Рыдая, бабы из окрестных сел...

Война сегодня на Саур-Могиле
Забирала жизни многих храбрецов...
Родной Донбасс потомкам дарит силы
И мы достойны подвигов отцов.

29. 07. 2017 г.

*Лиана Мусатова,
член СП ДНР*

ВЗЯТИЕ ВЫСОТЫ 277-9

*Комбату, гвардии капитану Смолякову,
посвящается*

Саур-Могилы возвышались
В степи, господствуя над всем.
Природы вот такая шалость!
Бойцам же столько с ней проблем:
Ключом немецкой обороны
Был исторический курган –
Колючей проволокой склоны
Опутаны. Приказ был дан
Им не сдавать своих позиций
И немец насмерть здесь стоял.
Ведя орудий колесницы,
Накатывал за валом вал:
Вели бои ожесточенно

И смертоносного огня
Вставала в схватке обреченной
Непроходимая стена.
При артогне прицельно метком
Простреливался каждый метр.
Земля была покрыта пеплом
От вражеских защитных мер.
Два дня окутана дымами
Стоит Саурская земля...
Но, Сталин и Отчизна с нами –
Не победить никак нельзя!
Броском рванулись дерзким выше
Семнадцать наших храбрецов,
Смяв оборону немцев, вышли
На пик кургана, а бойцов
Друзья поддерживали снизу,
Не дав врагам их окружить
(Вам это не прогулка в Гизу),
Чтоб смельчаки могли пожить.
Вторые сутки не смыкая
Уставших покрасневших глаз,
В атаку новых все бросая,
Руководил сраженьем ас.
А лучше так: комбатальона,
Гвардейский русский капитан.
Он у лощины, возле клена
Приказы четко отдавал
И, предугадывая планы
Коварных замыслов врага,
Умело продвигая фланги
И смертоносные «рога»
Навстречу фрицам выдвигая,
Их контратаки наповал
Разил. Штурмовиков спасая,
Обрушивал снарядов шквал.
Неся огромные потери,

Сражался яростнее враг –
Он не желал ни в коей мере
Снять с высоты немецкий флаг.
Но вот уже пехотой смяты
Врага передние ряды,
Потом и пятый, и десятый,
И в страхе пятятся зады...
Гвардейцы заняли высоты
И вышли к новым рубежам,
Замолкли вражеские «дзот»ы...
Но полегло же сколько там?!
И кровью алою сочится
Наш флаг на этой высоте,
И в сердце памятью стучится –
Ко мне стучится и к тебе.

*Лиана Мусатова,
член СП ДНР*

ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАЛИНО (ДОНЕЦКА)

Триптих

1

А на Донце, на подступах к Донецку
Вгрызался в грунт артиллерийский взвод,
Давала «жару» и пехота немцу,
Переpravляясь через реку вброд
И после обложной артподготовки
С могучими: «За Родину! Вперед!»
Владели Алексеево-Орловкой...
И дрогнул враг, пустился наутек.
На фронте, создавая обстановку,
Шишовку взяли, «Прохоров», Катък,
К исходу дня и вышли на Ольховку,
И к Нижней Крынке подошли впритык.
Врывались во врагии траншеи,

Штыками в рукопашном били «в лоб»,
Выталкивали прямо их взашеи
И накрывали плотной сеткой бомб.
И отступал, и отходил с позиций,
Но ощетинясь, огрызался враг
И мстить старался воинам сторицей,
И за собой сжигал все немец в прах.
Он разрушал железную дорогу,
Крушил заводы и взрывал мосты,
Чтоб нам от них не оставалось проку...
От мести рвалось сердце, от тоски.
И жарки были уличные схватки,
Дрались за каждый угол, каждый дом...
А сводки были очень-очень кратки:
«Отброшен немец далеко за Дон».

2

А самым смелым даже между смелых
Был сам комдив Антонов – генерал,
Как патриот доказывал он делом –
На запад немцев беспощадно гнал.
И, нанося внезапные удары,
Круша в пылу штабные блиндажи –
Так низвергая зла клубок в тартары –
Там бились насмерть, не щадя вражин.
Войска бросками к центру приближались.
Им дан приказ был: штурмом город взять,
А немцы в страхе к городу все жались,
Надеясь в зданьях в оборону встать.
Здесь Сталинское действуя подполье,
В тылу у немцев нанося урон,
Теперь уж разгулялось на раздолье –
Ведь на подходе «наши», вот он – фронт!
Народной лютой ненависти море,
Возмездия, ни капли не страшась,
Здесь выводило технику из строя

И кабели рвало – штабную связь.
Вредили, как могли, ведь были дома:
Выбрасывали в небо красный флаг,
Пожары учиняли и погромы,
Скорее чтоб убрался подлый враг.

3

День догорал рубиновым закатом.
С земли до неба вился черный дым.
Стояли насмерть русские солдаты,
Окутанные дымом тем густым.
Горел поселок и дымился город,
Дома взрывались и летели вверх –
То лютовал немецкий зверский «ирод»,
То скалил пасть свою фашистский рейх.
В далеком то военном сорок третьем
Прорвались к центру, оборону смяв,
Четыре танка и с пехотой вместе
Над сизым пеплом водрузили стяг.
А было это в сентябре, в начале...
И Сталино тогда свободным стал,
И жители своих солдат качали,
Впервые город ночью мирно спал.
Немало крови пролито бойцами...
И то не розы расцвели в садах,
То капли алой проступили сами,
Как память на Отчизны Алтарях.

*Лиана Мусатова,
член СП ДНР*

САУР-МОГИЛА 2014-ГО

Какая ж ненависть и ярость
Свершала дикий ритуал?
За что же память так каралась
О тех, кто здесь геройски пал?
Гремела музыка когда-то
Пестрел цветов сплошной покров
И восходили, как солдаты,
Потомки их, воздав за кровь.
За что ж погибшие герои
Попали снова под расстрел,
За что им отсекали брови,
Крошили стан бетонных тел?
Вокруг валялись бэтээры,
Сожженные шальным огнем
За то, что не предали веры,
Не продали свой окоем.
Так мезтью злоба бесновалась,
Вздымались всполохи огня
За то, что память здесь осталась,
Всегда в победный Май маня.
И эта вещая Могила,
Как и тогда, так и теперь
Из рук одних переходила
В другие, словно символ мер.
Летели в воздух монументы,
Осколки сыпались вокруг,
Как будто той войны моменты
Вернулись в наше время вдруг.
И в рукопашную сходились,
Когда был боя апогей.
Победу так они делили
Давно минувших майских дней.

Не поделив тогда Победу,
Пришли фашисты взять реванш...
Ну, вот... бандеровскому бреду
Отвесили мы крепкий бланш.
Здесь вновь стоять героям прошлых,
Живущих в памяти боев –
Под вопли лозунгов истошных –
Как эти семьдесят маев!
И встанут новые герои,
Кто не позволил честь попрасть.
Саур-Могила упокоит
Геройскую Донбасса рать.

Анастасия и Юлия Овчаренко

БАЛЛАДА О ЛИСТОПАДЕ

*И увидел (Иаков) во сне: вот, лестница
стоит на земле, а верх ее касается неба
(Быт.28:12)*

На Миус-фронте вновь затишье и августовский звездопад.
Дремал солдат под старой вишней, был это Яков Листопад.

Освободить Саур-Могилу задание получил отряд.
Фашисты заложили мины, чтоб русских погубить солдат.

Саперу сон тогда приснился: вилась тропинка на курган,
Вокруг нее – сплошные мины, и чей-то голос прошептал:

«От мин дорогу ты расчистишь, но только затемно иди.
Тропа одна лишь безопасна. По ней ты танки проведи».

Проснулся Яков среди ночи, товарищей он разбудил.
Ждать дальше просто нету мочи, идти сейчас же предложил.

И до рассвета через поле тропинка пролегла одна.
И обозначили солдаты маршрут пучками бурьяна.

Однополчанам доложили с рассветом про тропинку ту,
А утром рано наступленье уж началось на высоту.

И танки в верном направлении по бурьяна заломам шли,
Но тут огонь по ним открыли, исчезла видимость в пыли.

Тогда колонна растерялась, да как же повернуть назад?!
Но с экипажем головного сержант был Яков Листопад.

Он с башни прыгнул на дорогу, повел он танки за собой.
Так продвигались понемногу. Тяжелый бой! Смертельный бой!

Осколком вражеским сраженный, упал на землю вдруг сержант.
Указывая направление, лежал израненный солдат.

Уже немного оставалось и до заветной высоты.
Еще минута – и фашисты бежали в панике в кусты.

Но ждали их свои же мины... И ни один не уцелел.
Отбита вновь Саур-Могилы! Покрыта слоем вражских тел.

И ринулись тогда солдаты к тому, кто спас их весь отряд.
Изранен он, но жив остался, хоть рядом с ним упал снаряд.

Боец увидел командира, улыбки радостных солдат,
Услышал: «Ты живой? Спасибо!» и был отправлен в медсанбат.

Лечился очень, очень долго, но возвратился в строй сержант.
Дошел герой наш до Берлина и много получил наград.

Запечатлев народа силу, на обелиске встал солдат.
Освобождал Саур-Могилу сержант Иаков Листопад.

Фактологическая база

1. ОДИН ИЗ МНОГИХ ЭПИЗОДОВ // Газ. Звезда. – 1984. – 30 авг. – С. 3.

Величайшее мужество проявили советские воины в боях на Миусе.

Сержант Яков Листопад с группой саперов совершил дерзкую ночную вылазку в расположение врага. Сделав проходы для танков в минных полях, смельчаки вернулись назад. А когда начался бой, саперы провели по проходам танки. Листопад вел командирский – головной.

Недалеко от немецких траншей водитель в дыму сражения потерял из виду условные знаки, заломленные кустики бурьяна. Танк остановился, остановилась и вся колонна. Гитлеровцы сосредоточили на машинах ураганный огонь. Тогда из башни командирского танка выпрыгнул боец. Это был Яков Листопад. Сделав знак рукой «За мной», он побежал навстречу свинцовому ливню, указывая путь. Ведомые мужественным бойцом, остальные машины пошли вперед. Пули сразили сержанта. Но танки уже ничто не могло остановить. Боевая задача была выполнена.

Когда противник был смят и отброшен, к месту, где упал боец, подошел командирский танк. Экипаж искал храбреца. Склонившись над истекающим кровью солдатом, командир шептал «Сапер, родной, жив. Спасибо тебе, спасибо».

...Каждый год я приезжаю на Миус, посещаю дорогие моему сердцу места, где мы наступали на врага, где навечно остались лежать боевые товарищи.

Н. Новосельцев, гв. ст. лейтенант в отставке, почетный гражданин села Ряженое

2. А. Корольченко. Миусские рубежи / А. Корольченко. – С. 11. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=121062&page=11>

С наступлением ночи ушли вперед проделывать проходы в минных полях саперы сержанта Листопада. Вернулись они, когда на востоке уже обозначилась светлая полоска. Первыми пошли танки. В головной машине рядом с командиром сидел сержант Листопад. Только ему была знакома полоса, освобожденная от мин. Едва танки вышли из укрытия, ожила

оборона врага. Неподалеку рвались снаряды и мины. Все вокруг заволкло дымом и пылью. В этом густом мареве нелегко было найти проходы, обозначенные заломами бурьяна.

– Стой! – сказал Листопад командиру танка. – Место сапера не здесь.

Он поспешно выбрался из машины, осмотрелся и, найдя проход, смело вошел в него. Танки, взревев двигателями устремились вслед. Пуля скосила храбреца. Вытянув вперед руку, словно указывая танкистам дорогу к высоте, так и остался он лежать на минном поле...

3. В. Вовенко. Великий праздник освобождения. / В. Вовенко // Донецкое время. – 2016. – 7 сент. № 35 (49). – Режим доступа: <http://dnr-news.com/pressa/35364-velikiy-prazdnik-osvobozhdeniya.html>

Снежнянец Я. Ф. Листопад, в прошлом журналист местной газеты, работал на машиностроительном заводе. А летом 1943-го в жестоких боях сражался за легендарную высоту. Во время штурма Саур-Могилы сержант Листопад, как и под Сталинградом, командовал отделением разведчиков, ходил во вражеский тыл за языками. Пришлось ему действовать и как саперу. Однополчанин Якова Филипповича Ф. Я. Конча вспоминал:

Это был настоящий подвиг. В ночь накануне штурма Яков Листопад с другими бойцами готовил проходы в минных полях для танков. А когда началось атака, он сел на головной танк и, рискуя жизнью, показывал путь атакующим. До вражеских окопов было уже рукой подать, но проложенная дорога полностью затерялась в дыму и пыли, атака замедлилась. И тогда Листопад соскочил с бронированной машины и пошел впереди прямо на извергающие огонь вражеские окопы. До них оставалось метров тридцать, когда он упал, сраженный пулей. Но танки уже понеслись вперед и смяли оборону гитлеровцев. А Листопад после тяжелого ранения долго лечился, но возвратился в строй, освобождал Украину, Венгрию, Польшу, дошел до Берлина.

Ратный путь отважного воина отмечен орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы III степени, многими медалями.

Людмила Пастушок

Всем видам войск отдайте почести,
Склоните головы к земле!
Прочтите имена и отчества
Солдат-героев грозных лет.

Молчит Саур-Могила, лишь вздыхая,
Величие подвига хранит;
Чугунный плащ солдата поднимая,
Покоем вечным дорожит.

Донецкий Кряж всех помнит победителей,
Пропах он степью до небес.
Курган возвысил рыцарей-воителей,
Собрав народ славянский здесь.

Готовились к прорыву «Миус-фронта»;
Огнем пылала эта высота,
И тысячи солдат смертельной роты
В Донбасс живым «открыли ворота».

Пусть память поседевших ветеранов,
Освобождавших край родной,
Напомнит вновь наследникам о ранах,
О мужестве победною весной.

Людмила Пастушок

Собрала села, города
Донецкая родная сторона,
В любые годы и века
Всегда так славилась она.

Здесь против вражеской орды
От древних скифов и поныне

Мы защищали Мир земли,
Стоим в строю едином.

Там белорус спокойно спит,
Узбек, казах, башкирец
И россиянин, украинец –
Славянский дух их всех хранит.

За каждый шаг земли родной
Они отдали жизни,
Ведь Родина была одной
От их дня рождения и до тризны.

Нетленный подвиг пусть живет
И будет нам в наследство,
Пусть слава эта не умрет
О воинах советских.

Людмила Пастушок

Одна дивизия гвардейская
Была направлена на высоту
Тем знойным летом сорок третьего,
Чтоб там сразить зловещую орду.

Другие двинулись все к Миусу
Через село, сгоревшее дотла,
(Осталось только имя «Дмитровка»),
Она к передней линии вела.

Со стороны Снежного возле Ремовки,
Шли «тигры» в наступление стеной,
За ними двигалась пехота зверская,
И закипел ожесточенный бой.

И полегло немало здесь героев
Их имена нам нужно знать.
Пусть в памяти идут победным строем
Те, кто за Родину смог жизнь отдать.

Пришел тот долгожданный День Победы –
Саур-Могилы помнит этот день,
Чтоб вновь война не шла по следу,
Пусть от войны останется лишь тень.

Лидия Пономарева

У САУР-МОГИЛЫ

Ветер шумит у Саур-Могилы,
Как часовые застыли цветы,
Мы с тобой вместе сюда приходили
В преддверии этой ужасной войны!
Солнце светило и птицы летели,
Было печально у нас на душе,
С грустью погибших отцов вспоминали,
Но миром гордились на нашей земле.
Все повторилось и, как в сорок третьем
Война запылала в родной стороне!
Как поседел, ты и сам не заметил,
Держаться, не плача, приказывал мне!
Три года в тревоге, как день, пролетели,
Сынишка вопросы свои задает,
Взлетают все выше и выше качели,
А папа из боя уже не придет.
Стоим с сыном рядом,
Я слезы глотаю, не в силах сдержаться,
А ты улыбаешься ласково мне
Со старенькой фотки
На нашей семейной уже Высоте!
А ветер все также шумит,

Склонились к земле полевые цветы.
Тогда в сорок третьем бойцы погибали,
Чтоб не было больше войны!
Но где-то ошиблись, наверное, люди
Коль дали опять разгореться беде
Неужто мы память о павших предали
Позволив вернуться на землю войне!

Геннадий Щуров

ТАК ЖИТЬ!

Саур-Могила. Сорок третий –
хребет войне сломавший год...
Полынный дух тысячелетий
по склонам выжженным течет.
Еще задумана атака,
и кто в бою погибнет –
жив.
В пахучих скирдах спит по танку,
на мяту хобот положив.
Еще расстегнуты карманы,
в которых будут письма к нам.
Солдат, что станут безымянны,
еще зовут по именам.
Им давит горло свежий ворот,
и холодок стрижет вихры.
Бойцы скупы на разговоры,
они на курево щедры.
На самокрутки нетугие
следы махры друзьям скребут...
Их безымянными
другие
потом уж горько назовут.
И ни испуга, ни укора.
Лишь возле скул пекут бугры –

оскоминающее, злое «скоро ль?»
томит и ноет до поры.
Не отступили. Не поникли!
В скрижали не занесены,
во имя Родины погибли
и без имен погребены.
А памятники – не награда павшим,
что в нашу плоть перелились:
как узелок – живым на память –
из камня вяжутobelisk.
Чтоб с полной мерою ответа
постичь, у звездных плит скорбя:
теперь
позор или победа
зависят только от тебя.
Так жить – как будто миг последний
и у Отчизны ты один,
ее защитник и наследник –
не сводный брат,
не блудный сын.

Геннадий Щуров

БАЛЛАДА О ДЕСАНТЕ

Нам встретиться с вами не суждено –
нам жизни за этой чертой дано:
мы все поклялись отстоять ее здесь.
И дело не в шансах, которые есть.
Споткнуться теперь –
словно пасть на колени.
О смерти подумать –
как об измене...
Мы к вам прорывались.
На помощь из сада
спешили деревья.

Но била засада...
И мертвые
долго кричали потом
в последнем «ура» захлебнувшись ртом...
С коротким салютом под стертой горою
(ряд к ряду, как будто навечно построив:
затылок в затылок,
 хотя – не поротно,
шеренга к шеренге,
 хотя – не по росту.
плотней, чем живые в атаку ходили)
в широкой траншее нас тесно зарыли.
...Не всех и посмертно разыщут награды.
Не надо нам почестей.
Славы – не надо.
Пусть все будет вам –
 для которых мы жили.
Нам даже не важно, чтоб нас не забыли.
И все же спасибо, что память храните!
Мы слышим цветок и слезу на граните.
Мы знаем, что смертью вам боль причинили,
но тут ничего мы поделать не в силе.
До вражьего рва, до овражка, до сада
нам двадцать шагов не хватило! –
 досада!
Лишь двадцать шагов!
А кому-то – десяток!
До вас! До сегодня!..
Мы были десантом
на этой горе –
на краешке вашего дня,
на заре!..

*Геннадий Щуров***ПОВТОРИТЬ НЕВОЗМОЖНО**

Я прочел о герое-бойце,
что громил он захватчиков подлых
и в сраженье погиб на Донце,
«повторив беспримернейший подвиг».
Он – поклялся,
и он – совершил!
И не нам бы казенно, привычно
(хоть и подвиг, а все ж – «повторил»)
говорить, как о чем-то вторичном.
Не безлично ль порой говорим: повторил...
Подголоском ли вторил?
Легче ль вдвое им было – вторым?
Меньше ль вдвое у матери горе?
У нее он единственным был –
несравнимым
и неповторимым!
Он кого-то однажды любил.
Для кого-то был самым любимым.
Вдвое ль меньше он выжить хотел,
чтоб с детьми повстречаться, с женою?
Разве жизнь он вторую имел
или, может быть, сердце – второе?
Повторил?
Нет! Все было своим!
Как в обоймы, зажатые – зубы...
И поднялся он сам
перед танком чужим
(или, может, перед амбразурой).
Ведь была и Отчизна – одна!
Выбирал между ней и собою...
И посмертные ищут бойцов ордена,
и бессмертные Звезды Героев.
Подвиг можно постичь, пережить...
Но одно до конца непреложно:

если сам не готов совершить,
то его повторить
невозможно!

Владимир Хацко

САУР-МОГИЛА

В своем труде, тяжелом и рутинном,
Солдаты напрягались за троих...
Они ползли по скатам на вершину,
Как на ладони, было видно их.

Сейчас юнцы не представляют вовсе,
Что у народа был замес другой...
А из броней покрытых дзотов велся
Прицельный и безжалостный огонь.

В порыве атакующем все слито,
Для жизни драгоценный каждый миг.
Порой бывало, что тела убитых
От смерти защищали и живых.

Кошмарным, леденящим было чувство,
Когда гранаты сверху – кувырком.
И было неизвестно, где взорвутся –
Над головой, а, может, далеко.

С большим трудом воспринимает сердце,
Увы, жестокость жизни фронтовой.
Запомнился не раз, конечно, немцам
Безмерно смелый рукопашный бой.

Все не забыто, что когда-то было,
Свобода всем нужна наверняка.
Была и будет впредь Саур-Могилы
Как символ героизма, на века!

*Владимир Хацко***ПОСЛЕДНИЙ БОЙ**

Он не видел, как остался
Из расчета лишь один.
Бесконечным бой казался:
Танки... Пушки... Черный дым...

На плече носил снаряды,
Заряжал, смотрел в прицел.
Каждый выстрел беспощадный
Был таким, как он хотел.

Это было самым страшным
Испытанием в судьбе.
Взгляды детские ромашек
Ощущал он на себе.

Хорошо здесь утром росным! –
Все в сиреновом дыму...
Переспелые колосья
Низко кланялись ему.
Есть чем бить и жечь пришельцев,
Пусть в десятый раз подряд! –
Две гранаты в связке с сердцем,
С полным диском автомат.

Неожиданный и гулкий взрыв...
И скрылось все в огне.
Он упал, раскинув руки,
Преграждая путь войне.

ДОНБАСС

Расцветай ты, мой Донбасс –
Край угля и хлеба,
Где колосья выше нас,
И копры до неба!
Край, где уголь добывал
Алексей Стаханов,
Когда сам один давал
Десять личных планов!
Край, где славно варят сталь,
Где растут каштаны,
А кругом степная даль,
И цветут тюльпаны!
Край, где Паша родилась,
Трактор, где водила –
За тяжелый труд взялась
И девчат сплотила.
Край рабочих и крестьян,
Чьим трудом он славен,
Где когда-то рос бурьян,
Пашей след оставлен!
Край, где кровь рекой текла,
Где Саур-Могилы,
Наша армия, где шла
И врагов громила!
Где стояла степь тогда,
Рвались где снаряды,
Где заснули навсегда
За Донбасс солдаты.
Дорогие земляки,
Помните об этом!
Им живые васильки
Приносите летом.

Татьяна Филатова

Безмолвная степь, посреди – высота:
Двести семьдесят семь и девять.
Много лет здесь гуляют степные ветра,
Но не в силах им память развеять,

Как засел плотно враг, угнетающий степь,
Как избрал высоту для постоя,
Как надежно, он думал, что выстроил крепь.
Только степь с ним не знала покоя.

Степь ждала и звала для своей высоты
Тех родных, кто от ига избавит.
Не для недругов степь порождала цветы.
Не дано чужеземцам здесь править.

Их тяжелый сапог на ее высоте
Двести семьдесят семь и девять,
Как на горле, стоял на степной красоте,
Приказав ветру страх лишь здесь сеять.

Но, услышав призыв, отовсюду пришли
Дети русской земли на защиту.
Дух свободы и мужества в степь принесли
И без страха все бросились в битву.

Враг силен. Полегло столько наших солдат,
Прикрывая собой уцелевших.
Но лишь вверх! Высота! Нет пути им назад.
Истребляют врагов озверевших.

Ты запомни, чужак, не твоя высота –
Двести семьдесят семь и девять.
Это наша земля, нам родные места.
Долг беречь наш ее и лелеять.

Потому-то до смерти стоим за нее
Как тогда, в 43-м, так ныне.
Норовит поклевать нашу степь воронье,
Но никто высоту не низринет.

И теперь высота – символ наших побед,
Символ подвига, воли к свободе.
День за днем, год за годом встречается рассвет
Вольный взор на лучи в небосводе.

Честь и слава солдатам на наших устах!
Подвиг их нам вовек не измерить!
Вновь свободная степь и ее высота
Двести семьдесят семь и девять.

Эммануэль Терешкин

УШЕДШИЕ В БЕССМЕРТИЕ

До Саур-Могилы в день поминовенья
Небеса астральный пролагают мост
Душам павших, в час их восхожденья,
На оскале смертном, вражеский форпост.

Расстояние не в метрах до вершины
Измеряется у этой высоты,
И не гладью вышитой равнины,
А оборванными нитями судьбы,

Где в дома погибших в поле боя
Унесли смертельный свой заряд
Похоронки, убивая горем
Матерей, сестер и жен солдат.

Сколько ж у кургана к изголовью
Полегли, ушедшими в бессмертье,

Его склоны, окропивши кровью,
В сорок третье лето лихолетья.

Из него сквозь годы слышим мы шаги,
Их чеканят наши молодые деды,
В резонансе с эхом огненной дуги,
Об одержанной под Курском в те же дни победы.

И Донбасс минутою молчанья
В скорби, душу рвущей тишиной,
Сохранить дает им обещанье,
Что оплачено огромною ценой!..

Эммануэль Терешкин

ЧУВСТВО ДОЛГА

*Моему деду – комбату
Второго Украинского Фронта
посвящаю...*

Свой отчий дом закрыв собой,
Сжигая к отступленью мост,
В пространстве стиснутом войной,
Солдат поднялся в полный рост.

В четыре года путь длиной
Испишется рукой войны,
Мой вечный долг перед тобой
И боль, как чувство от вины,

Я буду ощущать всегда,
Что рядом не был я тогда,
Когда ты защищал Москву
И без названья высоту,

И скорбь твою не разделил,
Когда друзей ты хоронил,
И Днепр оставив за спиной,
Берлин не брал с тобой весной

В ней память о тебе хранит
Восставшем – мрамор и гранит,
И пламя вечного огня
В рассвете завтрашнего дня,

Где ты с ребенком на руках
Останешься живым в веках!

Ирина Терехова

ВЫСОТА

Пригнулась в окопах дивизия наша,
Снаряды летают, и сыплет земля.
И в ближнем бою начинается драка,
Фашист убивает бойца-горняка.
Боец до последнего вздоха боролся,
Успел защитить свой любимый курган.
Атака отбита, геройски сражался
Шахтерский стрелок, молодой капитан.
В дивизии сильно ряды поредели,
Но будут и дальше держать высоту.
По линии фронта воронки пестрели,
Никто не отступит, приказ дан бойцу.

*Валентина Степанова***ЗАЩИТНИКАМ САУР-МОГИЛЫ...**

Среди безмолвной тишины
Стоят герои той войны.
Из глубины прошедших лет
Глядит твой прадед или дед,
Одетый в камень на века.
Пришли захватчиков войска,
Чтоб все разрушить, истребить,
И землю кровью обагрить!
И встали внуки грудью здесь!
Саур-Могилы – это честь
И память подвига героев!
Душа Донбасса – мы с тобою!
Не пожалели жизнь свою,
Сложили головы в бою.
Высотка наша не сдана!
Над полем боя тишина...
Враг не прошел! На том стоим!
Донбасс родной не отдадим!
Среди безмолвной тишины
Герои прошлой той войны.
Изранен камень и разбит,
Но дух победы не убит!
Могилы свежие ребят...
С портретов их глаза глядят...
Их подвиг помним и скорбим.
Врагу Донбасс не отдадим!
Не зря Вы проливали кровь
За мир, за правду, за любовь!!!

Эллина Сребная

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖУРАВЛЕЙ

Не скажешь лучше, чем Расул Гамзатов
В задумчивых и грустных «Журавлях»
О шедших в бой комбатах и солдатах,
О павших в битвах дедах и отцах.

Он в небо их отправил журавлями,
Чтобы летели к нам их голоса.
Не потому ли в горе и в отчаянии
Мы устремляем взоры в небеса?

Для нас они остались молодыми
С горячей кровью, пролитой в боях,
Но капли этой крови не остыли,
А маками алеют на полях.

А журавли летели и летели,
Укрыв все небо, сколь хватало глаз,
Чтобы спасти от красно-черных теней
Саур-Могилу и родной Донбасс.

И, покружившись над Саур-Могилей,
И расстановку сил поняв над ней,
Ударившись о землю, превратились
В комбатов и солдат из прошлых дней.

И встали вместе: дети, внуки, деды
И дали нечисти жестокий бой,
Но только вот о славной той победе
Из журавлят не смог узнать никто.

И – тишина... Свое закончив дело
От 43-го до наших дней,
Увидели, что стая пополнила –
То журавлят прибавилось при ней.

И вновь летит по небу клин усталый,
Забрав с собой потомков – журавлят.
Летите с миром крепкой дружной стаей,
Летите с миром. Нас не победят.

Не меркнет память и отцам на смену
Встают солдаты от родных полей,
Чтоб защитить от всех поползновений
Родную землю с маками на ней.

Соломия Галицкая

САУР-МОГИЛА

Донецкий край вуалью ночь накрыла,
В тиши степей в раздумье впал курган:
«Открой мне свой секрет, Саур-Могилы.
О чем грустишь, закутавшись в туман?».

Вдруг небо покачнулось над Донбассом,
Закрыла туча звездный небосвод.
Ответил мне курган железным басом:
«Я вспомнил грозный сорок третий год.

Мне не забыть сражений эпизоды,
Наш край утюжил танками фашист.
Но не сломить советские народы!
Не дрогнет тот, кто сердцем смел и чист.

Солдаты шли на запад шаг за шагом,
Сквозь дым и пламя, волю сжав в кулак.
Фашист был побежден, и над Рейхстагом
Победно водружен был красный флаг.

Но, видно, не добились супостата,
Ростки фашизма проросли сквозь прах.
Ты видишь, спят у ног моих ребята?
Они сложили головы в боях.

Идет война, и дым стоит стеною,
Гниет земля от крови и от ран.
Здесь гнев кипит, и боль звенит струною,
Видать погибнет Мир...», – вздохнул курган.

«Не быть сему!», – в ответ я возразила. –
«Крепись, мой друг, пуста твоя тоска.
Поверь, разбита будет вражья сила.
Смотри, с фашистом в бой идут войска.

В сердцах людей клокочет гнев, как лава.
Их цель – идти к победе до конца.
Твои шахтеры созданы из сплава
Титана, стали, хрома и свинца.

Трепещут перед ними изуверы,
От злости изрыгая смрадный яд.
Настанет судный день, и бюст Бандеры
Низвергнут с пьедестала прямо в Ад.

Мы знамя мира пронесем по свету!
Мы подвиг наших предков свято чтим!
Мы твердо верим в славную победу!
А если верим – значит победим!

Виктория Семибратская

СКАЗАНИЕ О ГЕРОЯХ САУР-МОГИЛЫ

Курган, свидетель молчаливый,
Он видел много перемен.
И ветер, друг его игривый,
Донес легенды тех времен.
Степей бескрайние просторы
Манили грозных ханов к нам.
Творив набеги, словно воры,
Вредили людям и домам.

Казачи, вольные, как песня,
Поднялись грудью за народ.
Повел Саур, вожак их честный,
На стан врага отряд вперед.

На том кургане пост воздвигли.
Взирали, не клубится ль пыль,
Чтоб вражью конницу настигли,
В полях, где шелковый ковыль.
Случился бой в степи неравный,
Саур сражался как герой.
И пал, свершив свой подвиг славный.
Тот холм взыграл и стал горой.

Татары в страхе отступили,
Умчавшись восвояси прочь.
Саура братья хоронили,
Тот день от скорби стал как ночь.

С тех пор стоит Саур-Могила
В степи донецкой словно щит.
В той высоте Саура сила –
Свободу Родины хранит.

Когда фашизм ордой жестокой
Пришел поработить Донбасс,
Воскрес Саура дух далекий,
И в бой повел в тяжелый час.

В крови кипела степь без края,
Бойцы сражались за курган.
Ни сна, ни устали не зная,
Сметали подлый вражий стан.
Там полегло бойцов немало,
Отдали жизнь за высоту.
Победа та была началом

Конца фашистскому кресту.
Пусть наше время быстротечно,
Чтоб память стала как металл,
Воздвигли памятник навечно
Всем кто погиб – мемориал.

Полвека на Саур-Могиле
Горит огонь, как торжество
Победы, чести, славы, силы,
Как правды, света рождество.

И пусть пока снаряды рвутся,
Курган внимает Градов вой.
Враги бесславно уберутся
Как много раз ни с чем домой.

Виктория Семибратская

ВОСПОМИНАНИЯ НА САУР-МОГИЛЕ

Как тяжек путь его к Саур-Могиле.
Пришел солдат и голову склонил.
Здесь дед стоял, не сдался вражьей силе,
Он жизнь отдал и подвиг совершил.
Стоял солдат, смотрел куда-то в небо,
Он снова слышал стон родной земли,
И Града гул, ревущего свирепо,
И голос деда слышался вдали.

Он вспомнил бой. На высоте стояли,
Держали оборону день и ночь.
Как братья бывшие огнем их поливали,
Не в силах дух Донбасса превозмочь.

Как ранен был, жизнь уходила быстро,
Друзья хрипели: – Ты, браток, держись!

И вдруг пространство искажилось искрой:
Вот ранен дед, идет борьба за жизнь.
– Дед, ты живи! Пришел я на подмогу.
Мы отстоять сумеем высоту,
Вовек свободным быть Юго-Востоку,
Стоять всегда незримому щиту.

– Фашиста бьем, – слабеет голос деда, –
Здесь полегли бойцы, останусь с ними я.
Тут в сорок третьем добыли победу,
Очистив нашу землю от зверья.

– Прости нас, дед, что снова бьют снаряды,
И враг опять идет на высоту.
Но духом крепки наши баррикады,
Мы победим и горе, и вражду.

– Внук, ухожу. Последние минуты.
На правый бой тебя благословлю.
Вы нас и битву эту не забудьте,
Жизнь отдаю за тех, кого люблю.

И дед исчез. И гул снарядов снова.
– Братишка, жив? Вернулся наконец! –
Вдруг улыбнулся в ус комбат суровый, –
Сейчас не время, умирать, храбрец!

Не победить того, кто не сдается,
В его груди всегда горит огонь.
Он презирает смерть, он ей в глаза смеется
Он до конца стоит, в кулак сложив ладонь.
Пусть никого у нас не забирают.
Иссякнут слезы, расцветут сады.
Рассветы мирные пусть стаи птиц встречают,
На поле битвы вырастут цветы.

Виктория Семибратская

А НА САУР-МОГИЛЕ ТИШИНА

А на Саур-Могиле тишина,
И стайка птиц метнулась резво ввысь.
Мы помним как в наш дом пришла война,
Как землю жег непрошенный фашист.

Донбасс пылал, он погибал в огне.
Стонал, страдал, срывался в шурфах крик.
И выжить в этой бешеной войне
Не мог никто, ребенок ли, старик.

Там враг построил форт на высоте,
Он окопался, стал неуязвим.
Не знал в самодовольной слепоте,
Что русский дух никем не победим.

Пришел освободитель, наш солдат,
В бою неравном силы не щадил –
Отвага, доблесть, верный автомат.
Кровь проливал он, не жалея сил.

А на Саур-Могиле тишина,
И стук сердец, как колокольный звон.
Кровавый след оставила война –
Наш несломимый гордый бастион.

Галина Самтарова

ВОЙНА

На черных крыльях прилетела
Хозяйка новая – ВОЙНА.
Повеселиться захотелось
И кровушки испить сполна,
Целуя жадными устами

Вдову с ребенком, мать, сестру,
Играя белыми костями
И тешась пеплом на ветру...
Четыре года бушевала,
Смертями утоляя страсть,
И похоронки рассылала,
И стоном воспевала власть.
В земле, могиле для погибших,
Землянки рыла для живых,
В руинах – жутких и притихших,
Ютила старых и больных...
Шагала нагло, без разбору,
Соря бедою на ходу,
Травила люд голодомором,
Проклятья сея и вражду,
И, тенью небо покрывая,
Топила дни дождем из слез,
Рассветы бомбами пугая,
Губя спасительный обоз.
О! Столько горя и печали
Не знали прошлые века,
В тревожной немоте молчали
И лес густой, и берега.
Как дети, юные солдаты
И «старики» с передовой
Просили: «Господи, когда ж ты
Пошлешь нам мир и дашь покой?
Когда поможешь в избавлении
От испытаний роковых?
Услышь же слезные моления
Прости всех грешных и слепых...»

И Бог помог, принес Победу,
И была радость до небес,
И разносилась весть по свету –
Чудесная из всех чудес!

Галина Самтарова

СОЛДАТ В БОЛЬНИЦЕ УМИРАЛ...

Солдат в больнице умирал,
Играло солнышко на раме:
Вставай, солдат, покинь привал,
Давно жаждалась тебя мама.

Солдат в больнице умирал,
И в муках уходили силы,
Прощался с тем, чего не знал,
Был он молоденький, красивый...

Солдат в больнице умирал,
А медсестра не отходила,
Ведь он еще и не любил,
Какую жизнь война скосила!

Солдат в больнице умирал,
Лежали рядышком тюльпаны,
Стоял невыпитый бокал,
Врач записал: погиб от раны...

...

Солдаты, братья и сыны!
Как многих вас покрыла вечность!
Нет оправданий у войны,
Как у жестокости извечной...

Галина Самтарова

КРАСАВИЦЫ ВОЙНЫ

О, женщины! Красавицы войны!
Свидетельницы пламенных сражений
За Родину, за жизнь родной земли,
За будущее новых поколений!

Как много горя на плечах вы пронесли,
Видали смерти, голод и разруху,
Вы воевали и боролись как смогли,
Стояли до конца – на все хватало духу.

А вечером вам пели соловьи,
И молодость головушку кружила,
Играли гармонисты вам признания свои,
А вы платочки им дарили фронтовые...

О, та любовь, рожденная в войне,
И весны юной памяти, далекой,
Дороже они вам теперь втройне,
Когда вы теперь в старости глубокой...

Да, время выбирало вас не зря
И силы вам давало, чтобы выжить,
Вы были « соль земли » – так говорят,
И Ангелы над вам были ближе.

Летали смерти, унося ребят,
Да и девчат частенько не щадили.
Всех собирали и ложили в ряд,
А после боя тут же хоронили...

Вам тяжело вспоминать, как шли в дыму
И ноги бинтовали на привале,
Как хлеб делили по кусочку одному,
И будет ли конец тому – не знали.

Вы видели, как падали мосты,
И небо от пожарищ было черным,
И вместо хат стояли лишь кресты,
А в рощах и в полях кружили вороны...

Земля стонала от тяжелых ран,
Рыдали всюду вдовы молодые,

Вы шли с боями и в туман, и в ураган,
Давая миру сводки фронтовые.

Победа – со слезами на глазах,
Как многих вы подруг не досчитались...
Земля встречала вас цветением в садах,
А вы с живыми, кто остался, обнимались...

О, Женщины! Красавицы войны!
С годами, верьте, нам дороже стали.
Поклон вам, дорогие, до земли,
Вы – совесть и история святая!

Виктор Руденко

О ВЕЧНОМ

Степь от боев давно остыла,
Но так пронзительна заря,
Но так цветы окрест горят,
Что светится Саур-Мои́ла.
Шла со свинцом-огнем беда,
Теперь здесь память вече правит,
Слетаются ветра сюда
Не слезно нить – вещать о славе:
Весной, осеннюю порою
Летят на кряжистый погост,
Чтоб снова вознести до звезд
Святые имена героев.
Чтоб, поднимаясь, шли в народ
Светлейшей памятью солдаты,
И не посмел искариот
Наречь героя оккупантом.
Из Тулы и Алма-Аты,
Армянской и киргизской крови –
Герой! – ему мои цветы

С поклоном доземным, с любовью!
У плит гранитных –
 маковый огонь,
Тюльпаны у гранитных плит –
 в поклоне.
Любой цветок
 в славянских землях тронь –
Он обожжет,
Он словно молвит:
– Помни!
Тяжел здесь в ветре дух свинца,
Живуч в притишенном просторе
Дух душ бесспорных и, бесспорно,
Отвага моего отца.
Комбата сын, я вновь пришел
К пленительной Саур-Могиле,
И вечность над моей душой
Расправила тугие крылья.
Я, чувствуя подкожно бой
И жуть кромешной рукопашной,
Шепчу отцу, что я живой,
Что поплатиться головой
Мне за Отечество не страшно!

Любовь Решетова

САУР-МОГИЛА

Легендарный курган...
Здесь героя Саура могила
Наступал крымский хан...
Не сломила татарская сила
И когда-то посты
Были тут и казачьи заставы
А теперь лишь цветы
Здесь растут и пахучие травы

В том военном году,
В сорок третьем далеком... далеком...
Как в кромешном аду,
Гибли тысячи... Страшно... Жестоко...
Битв кровавых накал...
И бойцов изможденные лица...
Кто же думал? Кто знал,
Что такое опять повторится?..
Как тогда – высота...
И безумное жаркое лето...
Вновь беда,
Вновь война... Не забыть август этот...
Мать-земля
Щедро кровью багровой полита
И опять
Воздух порохом, дымом пропитан
Танки... Люди...
Все смешалось, как фарш, в этом зное...
Залп орудий...
Умирающих в муках агонии
За Отчизну
Честно жизни свои положили
Жаль...
До полной Победы они не дожили...
Деды... Внуки...
Вечной в сердце о вас будет память
И достойно
Пронесем мы победное знамя
А солдат,
Что у стелы разбит от обстрелов,
Будет снова
Охранять наше чистое небо...

*Александр Радин***ДУМЫ НА САУР-МОГИЛЕ**

Неспешный склон Саур-Могилы.
Все те ж полынь, чабрец, ковыль
И те ж неведомые силы
Уводят сердце в сказку – быть.

Та сказка в том, что верить стремно,
А быть – что не могло не быть
В той Святости своей огромной,
И что нельзя не сохранить...

Те ж царственные шлейфы-ветры
И гроз державные венцы
На много-много километров
Расходятся во все концы.

Ее вершине величавой
Волной поклоны шлет Азов
И благовестит вечной славой
Звонницы Святогорской зов.

Оплот и символ Дикополья
Саур-Могила – Царь-Гора!
Здесь не однажды на раздолье
Гремело Русское «Ура».

Не раз рассвет росой кровавой
Пылал на склонах Царь-горы,
Тогда не думалось о славе
И об величье той поры.

Одной страной, одним законом
Всегда жил Дикополья край.

Саур-Могилы вещим склонам
Свобода –
жизни смысл, и рай.

2.

Немало в памяти хранится
Саур-Могилы – Царь-Горы.
Засохшей кровью до коры,
Пропитаны ее страницы.

Ей не забыть, когда без страха,
Радист сквозь смерч огня и праха
Слал к новорожденной заре
С надеждой точки и тире.

Но не дошли до адресата –
Не стало на земле солдата,
Был слишком частым взрывов лес
И не произошло чудес.

Друзья его ж в крови рубашкой
С горы сигналили отмашкой:
«Мы здесь, мы в центре всей земли,
Не медлите, ребята – пли!».

...Ну, а его тире и точки,
Потом легли в скупые строчки
На полированный гранит,
Где вечность Их теперь хранит.

Хранят Их в памяти цветы,
Что отойдя от суеты
Приносят юные невесты
На политое кровью место.

Хранит войны той ветеран
На шрамах застарелых ран.

И начатого дня зарница
Кладет поклон на ту страницу.

3.

Месяц теплится лампадой
Над Саур-Могилой,
На ее вершине Лада –
Вновь в походе милый.

Божью мать в святой молитве
Материнским словом
Просит Лада в грозной битве
Стать святым покровом...

Было так всегда на свете –
Ратных дней страницы
Дороги отцам и детям
Как очей зеницы.

Были мы едины верой
В братские союзы.
Миру были верной мерой
Дружбы нашей узы.

Были... нынче ж стали адом
Дикополья дали,
Как над Гефсиманским садом
Дни большой печали.

Месяц теплится лампадой
Над Саур-Могилой
Дикополье вещей Ладой
Полнит веру силой.

Раиса Пудак

ВЫСОТА 277,9

(Саур-Могила)

*Шурочке-связистке,
Александре Николаевне Гуровой,
освободителю Донбасса,
участнице штурма Саур-Могилы
посвящается*

Земля вставала на дыбы.
Рвались снаряды, танки скрежетали.
Свистели пули, падали столбы,
Свинцовым ливнем пушки поливали.

Солдаты шли стеной единой
Вперед, к Победе, к высоте.
Друзей теряя, поднимались через силу,
Чтоб штурмом взять Миус и сопку, что в огне.

Не стал реваншем для фашистов Миус-фронт
За проигрыш под Сталинградом «немцев-асов».
5-ая Ударная прорвала этот фронт,
И началось освобождение Донбасса...

Стою, застыв у монумента, голову склоня,
Как бы прислушиваясь к голосам с гранита,
И хочется во всеуслышание сказать:
«Никто не забыт, ничто не забыто».

*Вера Белина***А ВЯЗ ВСЕ ПОМНИЛ...**

Закончен бой. Взята Саур-Могила!
Бегут фашисты! Мертвые не в счет.
А над курганом воронье кружило...
И вздыбилась земля! И солнце жжет!
Кусты, деревья, травы вверх корнями.
... От уходящих танков страшный рев!
Один лишь вяз израненный упрямый –
свидетель состоявшихся боев.
Траншеи и окопы, и накаты,
и трупы тысяч молодых солдат.
Глубокие воронки от снарядов
о многом и трагичном говорят.
А женщины здесь трупы убирали.
Стояла гробовая тишина,
когда тела бойцов в кострах сжигали.
... Будь проклята! Будь проклята война!
Об этом нужно рассказать потомкам!
В округе пусто, ветер лишь шумит.
Орудий покореженных обломки.
...Ни что, ни кто не должен быть забыт!
Но время шло. Залечивались раны.
Шумели ветры. Летом шли дожди.
К кургану приходили ветераны:
Солдаты рядовые и вожди.
Тут монумент воздвигнули – по праву.
Еще сажали вязы, тополя.
Уже на склонах прорастали травы.
О, радость! Возрождается земля!
И вяз все вспомнил! Вспомнил все прекрасно!
Как до боев шумели ковыли.
Боярышник, шиповник ярко-красны.
Родные степи по весне цвели.

Росли внизу тенистые дубравы.
Орлы парили гордо в вышине.
Ковер степных цветов, по пояс травы.
Поющие цикады при луне.
Так обо всем вяз рассказал потомкам:
что знал о прошлом, помнил о былом.
А птицы пели на рассвете звонко.
... Вяз засыпал навек спокойным сном!

Август. 2017 год

Вера Белина

ЭТО БЫЛО НА САУР-МОГИЛЕ

*Посвящается уроженцу Донбасса, горловчанину,
младшему лейтенанту С. А. Шевченко²,
отличившемуся в боях с немецкими оккупантами
за Саур-Могилу 28–29 августа 1943 года.*

Они ползли к вершине... Укрывала
их ночь. Еще – орудия друзей,
кусты, траншеи. И преград немало –
пройти бы все, как можно поскорей.
Они ползли, преодолев преграды.
Шиповник, камни рвали руки им.
Свистели пули, падали снаряды.
(Добраться важно было всем живым.)
Тогда ракеты местность освещали,
старались слиться с бурою землей.
Все ж, наконец, блиндаж фашистский взяли!
И окопались... Знали: будет бой...
Врага готовы были встретить грудью
Семнадцать сверхотчаянных парней!

² Шевченко – командир группы дивизионных разведчиков. За подвиг был удостоен ордена Красного Знамени посмертно.

А враг палил из всех своих орудий
 Саур-Могила плавилась в огне.
 Сорвал Шевченко нижнюю рубашку,
 что собственной кровью обагрил,
 надел на палку. С грудью нараспашку,
 между камнями палку прикрепил.

Но помнили разведчики, что нужно
 им высоту держать любой ценой.
 Шевченко же держал свое оружие
 совсем уж ослабевшею рукой.
 Рубашка развевалась словно знамя.
 Под ним бойцы держали высоту!
 Вокруг рвались снаряды, дым и пламя.
 (Представь себе, мой друг, картину ту!)
 Фашисты, то из всех орудий били,
 то шли в атаку черною волной...
 «Умрем, но не уйдем!» – бойцы твердили.
 ... Почти что сутки шел смертельный бой!

.....
 Две тысячи четырнадцатый. Лето.
 Горит земля и льется кровь рекой!
 Неонацисты нового обета
 пришли войной в Донецкий край родной!
 Здесь вновь идут бои. Саур-Могилу
 любой ценою нужно отстоять –
 земля – родная! Несравнимы силы,
 но все-таки врагов смогли прогнать!
 Они бежали, как и в сорок третьем.
 Их Иловайский ожидал котел.
 Народ Донбасса жив! Донбасс бессмертен!
 В боях, в труде свободу он обрел!

Светлана Кочеткова

САУР-МОГИЛА БЫЛА ВЗЯТА!!!

По полю минному десант...
Бесстрашные ребята.
Приказ: «Курган атаковать!»
Саур-Могила будет взята!
Огонь прицельный, взрывы мин ...
(Миус-река тому свидетель),
Как за Донбасс отдали жизнь
Солдаты летом, в сорок третьем.
 «Не плачьте, мама, Вас прошу.
 Я жив, здоров. И Вам пишу.
 А на рассвете будет бой.
 Сражаюсь на «Передовой».

В живых остался лишь комбат.
Погибли все солдаты.
А в небе «Мессеры» горят...
Саур-Могила была взята!
В атаку танки понеслись,
Ведь мин на поле не осталось.
За край родной Ты отдал жизнь.
На шаг к Победе приближаясь.
 «Не плачьте, мама, Вас прошу.
 Я больше Вам не напишу.
 Был на рассвете смертный бой...
 Сражался на «Передовой».

*Светлана Кочеткова***НУЖНА ПОБЕДА!**

Наш край войны не ждал,
Здесь детский смех звучал,
Майдан и госпереворот
Донбасс не поддержал.
Который год мы терпим беды,
Над нашей Родиной дым
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!
 Не взять огнем смертельным
 Республика живет!
 Фашизму – нет! Мы от него отдельно,
 И на Донбасс он больше не придет.

Вновь выстрелы гремят,
Дома наши горят –
Идет гражданская война,
Стреляет в брата брат.
И снова гибнут наши дети,
Не для войны мы их растим!
А, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!
 Не взять огнем смертельным
 Республика живет!
 Фашизму – нет! Мы от него отдельно,
 И на Донбасс он больше не придет.

А враг уж у ворот,
и гибнет наш народ,
Опять бои напоминают
Нам сорок третий год.
Фашистов гнали наши деды,
Донбасс родной непобедим!
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!

Не взять огнем смертельным
Республика живет!
Фашизму – нет! Мы от него отдельно,
И на Донбасс он больше не придет.

Пропитан кровью склон.
Горит в душе огонь.
Саур-Мои́ла вновь хоронит
доблестных сынов.
Врага мы точно одолеем.
Мы не забудем, не простим!
И, значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех мы за ценой не постоим.

Не взять огнем смертельным
Республика живет!
Фашизму – нет! Мы от него отдельно,
И на Донбасс он больше не придет.

Татьяна Попова

ПАМЯТЬ

Саур-Мои́ла – Святая земля!
И каждый житель Донбасса знает,
Здесь каждый камень, кургана пядь,
Твердит, что мужество не умирает.

Высотка стонала от взрывов и боли,
Жестоким огнем разрушая гранит,
Враг не сдавался в бессильной агонии,
Надеясь, что мощью злобы победит.

Судьбой предназначено внукам,
Как в прошлой войне их дедам,
Встать на защиту отчизны,
Назло неумным врагам.

Смести с земли родной орду –
Захватчиков любых мастей,
В Донбасс пришедших убивать,
Живущих мирно здесь людей.

Победа, она и светла и горька,
А радость размыта слезами,
О павших в жестоких боях за Донбасс,
И, здесь, на кургане, хранимым ветрами.

Все павшие в той, или этой войне,
Для всех нас бессмертными стали,
Их мужеству, стойкости низкий поклон,
А память о них не проходит с годами.

И пусть проходят сотни лет,
Тропы войны все зарастут,
На обновленный монумент,
Цветы с почтеньем и любовью,
Потомки павших принесут

Пусть знает мир, Дончан завет,
В Донбассе мужеству забвенья нет!

Анаит Агабеян

Со смертью торгуясь за пяди земли
и в третье военное лето,
бои за Саур-высоту обрели
значение схватки последней.

Сломить никого не смогла бы тогда,
в разгар переломного года,
полуторамесячная череда
атак с безуспешным исходом.

И с группой разведки ли двигаясь в тыл,
ползком ли по склонам покатым,
навек в объятьях Саур-высоты
покой обретали солдаты...

Но штурм удался. На кургане возник
от рытвин нелепый орнамент.
Свободолюбиво взметнулось над ним
победное Красное знамя.

Утихли сраженья. Взята высота.
Лишь ветер как будто бы плакал.
Пришедшая осень вдали неспроста
окрасила кроны краплаком.

Скорбеть о потерях никто не привык
у сорок седьмой параллели:
опавшие листья – казалось живым –
на склонах в траве багровели...

Но самоотверженно жизни отдав –
так хочется верить весною, –
герои воскресли и множеством трав
встают над окопами снова.

Из памяти подвиг солдат упразднить
потомков никто не обяжет,
всегда возвышаться он будет сродни
высотам Донецкого кряжа.

*Надежда Гирявенко***ЗДЕСЬ ЗАМИРАЮТ СЕРДЦЕ И ДУША**

Здесь замирают сердце и душа,
И в сером камне оживают лица.
Стоишь в оцепененье, чуть дыша.
Перед тобой – истории страница.

Саур-Могила – наш степной курган,
Где монумент воздвигнут был по праву,
Хранит в себе и боль солдатских ран,
И жар сердец, и воинскую славу.

В войну здесь у фашистов был форпост,
(курган под триста метров высотой).
И очень жестко ставился вопрос:
Как высоту оставить за собою.

Год сорок третий. Август. Все в цвету,
Все впереди – победы и награды...
И называли немцы высоту
С опаскою – «Донецким Сталинградом».

А наши в наступленье перешли,
Ведомы данным Родине обетом.
По склонам высоты они ползли
К вершине, к предисловию Победы!

Ползли под градом пуль, гранат, огня,
вперед бежали, словно олимпийцы...
И дрогнула фашистская броня –
Бежали, отступили кровопийцы.

А над курганом знамя поднялось
Все в пятнах крови доблестных героев.

Жаль, им увидеть это не пришлось...
Там много их, лежащих под землею.

Чтоб не кружить коричневой чуме
Фашизма и нацизма вновь над нами,
Храните в сердце память о войне,
Читайте души, ставшие стихами!

Нина Голикова

САУР-МОГИЛА

Возвышенность, пропитанная кровью –
Саур-Могилы – боль, через года;
Мемориал, построенный с любовью
В честь тех, кто здесь остался навсегда.

Нелегкою военною порою
Удерживали немцы высоту,
Но в 43-ем, прадеды-ГЕРОИ
Отдали жизни за вершину ту.

Достойных верных полегло немало,
Оставив матерей и жен страдать...
Забуть их подвиг – это означало б
Победу наших прадедов предать!

В их честь тогда воздвигли пирамиду,
Чтоб поклонится тем, кто храбро пал;
В семидесятых изменили с виду,
Построили другой мемориал –

Гранитный обелиск с музеем Славы,
А у подножья – бронзовый солдат
Застыл, оберегая сон державы
Погибший чей-то сын, отец и брат.

На четырех пилонах, по дороге
История бессмертная живет,
Скульптуры из реальной жизни многих,
Кто никогда отсюда не уйдет.

И надпись – БЕРЕГИТЕ, БЕРЕГИТЕ –
Призыв к живущим – БЕРЕГИТЕ МИР!
Не сберегли!!! Герои, извините,
Могилу превратили в адский тир.

За мир, за жизнь, за честь родного края
Под «Градами» отбили высоту
Донецкие ребята, умирая,
Остались здесь на боевом посту.

Среди руин того мемориала
Разрушенного новой войной,
Могилки ополченцев, и немало,
И даже с неизвестною одной.

Расстреляны пилоны, словно тоже
Они здесь защищались от врага,
От нелюдей, что на людей похожи,
Которым жизнь людей недорого.

А мы, потомки, это не забудем,
Починим, что разрушено войной,
Чтить ПРАДЕДОВ и всех ГЕРОЕВ будем,
И защищать Донецкий край родной!

Марина Жукунова

СКАЗАНИЕ О САУР-МОГИЛЕ

Вы слышали, как стонет тишина
Над выжженным холмом Саур-Могилы?
Быть может, та далекая война,
Здесь новый подвиг эхом повторила!

Здесь, в сорок третьем – памятном году,
Стояли насмерть русские солдаты!
И подвиг их прославил высоту!
По сути – безымянную когда-то!

Ее курган был выше всех высот
Донецкого ступенчатого кряжа!
И с западного склона Миус-фронт
Вел оборону. С ненавистью вражьей,
Противник брал с боями высоту,
И отступал, и снова поднимался
На точку стратегическую ту...
И все-таки на ней не удержался!

Не удержался, видно потому,
Что сильный дух Советского солдата,
До гнева не понятен был ему...
Вершина стала точкой не возврата!

И вот над нею тайно вознесли,
В жестоких битвах выжившее знамя,
С которым каждый метр родной земли,
Отмерен был кровавыми шагами!

Победой одержимые сполна,
Сомкнули круговую оборону
Бойцы вокруг курганного холма.
Но сколько их легло на этих склонах!

Враг был повержен, сожжены мосты!
Миус-река горячий порох смыла.
Родной земли знакомые черты
Открылись с высоты Саур-Могилы.

Да только их увидеть довелось,
Лишь тем, кто выжил в битве той кровавой!
А в честь того кто пал, поднялся в рост
Мемориальный комплекс вечной славы!

Мемориал полвека простоял,
А если быть точней – почти полвека!
Он в августе 14-го стал
Объектом битв для недочеловеков!

И снова здесь немало полегло
Бойцов за Новороссию восставших!
Нет, ничего бесследно не прошло!
Саур-Могила не забудет павших!

И будем подниматься вновь и вновь
Мы по ее разрушенным ступеням,
И в правду исторических основ,
И в созиданье мирное поверим!

Мы восстановим памятник времен,
В которых жили правнуки и деды,
Чтоб помнить о ненужности всех войн!
Но почитать в веках все дни Победы!

Донецкий край – курганы ковыли,
Степных дорог и троп переплетенье.
Живу судьбой родной своей земли,
В миг радости и в скорбные мгновенья!

Ольга Кущинева

ПОЛЕВЫЕ МАКИ

У высоты, за овражком,
Там, где шли атаки,
Алым шелком полыхают
Полевые маки.

Полыхают ярко-ярко,
Трепещут под ветром.
В день атаки было жарко,
Несло гарью, пеплом.

Рвались бомбы и снаряды,
Пули песнь визжали,
И бойцы не за награды
На смерть здесь стояли.

В 41–45
И отцы, и братья
За родную землю встали
Единою ратью.

Путь нелегкий прошагали
Аж до самой Волги.
Куковали им кукушки
Годы жизни долги.

Им кукушки куковали,
Куковать устали.
В камне, в бронзе продолжают
Жить на пьедестале.

Падали бойцы на землю,
Грудью заслоняли
И своей горячей кровью
Ее орошали.

Защищали мать-Отчизну,
Жизни не жалели.
На местах боев горячих
Маки заалели.

Ведь отцы наши и деды
Дорого платили,
Чтоб мы День Святой Победы
В мире проводили.

И опять куют кукушки,
И идет сраженьё,
И познало боль потери
Внуков поколеньё.

Но поднимутся солдаты
Над Саур-Могилей,
Защитят родные дали
От вражеской силы.

Маки ветры колыхнули,
Лепестки опали,
Будто слезы кровавые
На землю упали.

Анна Лындина

РАССКАЖИ МНЕ, САУР-МОГИЛА

Расскажи мне, Саур-Могила,
Сколько видела горестных дней.
И какая, поведай, сила
В смертный бой поднимала парней.

Что хранишь ты, какие боли
Прорастают в твоём ковыле.
И дожди по ком в этом поле
Не жалеют слезы в сентябре.

Горькой дымкой полынной ветер
Шепчет на ухо: «Были дни...
Погибали мы в сорок третьем,
Чтобы жить вы сегодня могли».

Голос крови погибших в ветре,
И в дождях, и в седых ковылях.
Погибали на этих метрах,
Чтобы в наших родиться сердцах.

Чтоб воскреснуть вновь русским духом
На просторах великой страны.
Пусть земля вам, родные, пухом,
Общей Родины нашей сыны.

Анна Лындина

ВЫСОТА 277,9

Мне снилось, что в далеком сорок третьем
Я штурмовал в степи родной курган.
Так мало слов, сплошные междометья,
А лейтенант совсем ослаб от ран.

Нас лишь семнадцать вышло этой ночью,
Вокруг металл расплавленный стонал.
И из-под ног куда-то мчалась почва,
И перед нами то окоп, то вал.

Мы прорывались через цепь к вершине,
Мы шли вперед, к заветной высоте.
И седину, как первый зимний иней,
И боль в глазах я видел в этом сне.

И было не до радости иль страха,
Когда пришел измученный рассвет.
И вместо флага поднялась рубаха,
Окрашенная кровью в красный цвет.

*Анна Лындина***ДУМЫ НА САУР-МОГИЛЕ**

Склоняюсь перед мужеством и силой
Погибших в сорок третьем за Донбасс.
И память, и укор – Саур-Мои́ла,
И колокол, зовущий в трудный час.

Когда земля разграблена без меры,
Когда в почете взяточник и вор,
И попраны устои нашей веры,
То слышен зов: «До коих, братья, пор?»

За то ли погибали в сорок третьем,
Об этом пел ли мой в те дни Донбасс?
Но третье на земле тысячелетье,
И есть мужи, есть воины у нас.

Я думала: «Мужчины измельчали,
Стада продавших Родину и честь».
Но вдруг горжусь, сквозь беды и печали,
Что вот у нас ТАКИЕ парни есть!

*Галина Мамчич***ОТ ЗАБВЕНЬЯ К ПАМЯТНОМУ ДНЮ**

Донецкий край, легендами окутан,
уходят вдаль столетия, года.
А доблесть прадедов и дедов
мы не забудем никогда.
Они – создатели, защитники земли родимой
и образец любви к родному краю,
земли, что называлась Диким полем,
история которой не повторна.
С седых времен дошли и к нам былины,

про славное былое наших мест.
Свидетельства поступков наших предков
записаны в летописях навек.
Сии места хранят большие тайны,
от князя Игоря до казаков.
Описаны в истории преданья
о битвах за курган с врагом.
Врагами были половцы, хазары, татары, турки...
Много ли кого.
Курган Саур возник не просто,
с округлою вершиною причем.
Легенды говорят, что пост казацкий
когда-то был построен здесь.
Казак Саур поставлен старшим,
нести дозор и Родину беречь.
Он гордый был и честный, сильный, бесстрашный
оптимист, ведущий за собой.
И вот однажды, в непогоду,
его отряд вступил в неравный бой с врагом.
Орда татар, надеясь на победу,
к высоте пробралась тайком.
Бой длился долго, силы неравны.
Предупредив товарищей харцызских,
предприняли отход, но не смогли...
Саура окружили плотно,
накинули аркан и сбросили с коня.
Секли саблями настолько,
что загудела матушка-земля.
Она стонала поднимаясь – на высоту, еще одну, еще...
Татары сильно испугались непогоды,
их молния слепила,.. глазам больно,.. убрались.
Все стихло, ночь прошла, пришла подмога... поздно.
...И по казацкому, по своему обычаю,
похоронили здесь же казака,
накидав шапок на могилу
образовали тут большой курган.
С тех пор и назван он Саур-Могилою и

есть примером остальным,
за Родину свою любимую, прапрадед жизнью
заплатил.

Часть вторая

Расцвет

Прошли века. Расцвет настал. 20 столетие
И нет больших раздольев Дика поля.
Повсюду разные губернии, уезды и волости,
и города, и села.
Освоились, обжились люди.
Трудились на полях, заводах Юза,
среди богатых – копанки в почете,
в том месте добывают уголь – труд тяжелый.
И заселился край бескрайний,
от вод Азова за Саур-Могилу.
Не долго длилось юзовским на прибыль, О
ктябрь сменил приоритеты.
И стала здесь страна Советов,
с названьем гордым – край Донецкий.
Все в жизни стало так красиво
и «хлеб промышленный» рекою лился.
Приняли люди эстафету – Ангелины,
Стахановы отсюда вышли.
Все стало быть сложилось, все чудесно.
Трудился люд советский, чтилась память предков.

Часть третья

Война. Мы не забудем эти имена
Не долго край шахтерский, спал мирно, жил спокойно,
ворвался 41..., год страшный, роковой.
«Вставай страна огромная. Вставай на смертный бой»...
В Донбассе перестройка, прифронтовая зона,
из добровольных взносов был создан новый фонд,
шахтерские дивизии, народный наш оплот.
Где колосились нивы хлебные,
цвели сады и плавился металл,
теперь идут бои смертельные, за жизнь,
за Родину, Саур-курган.

Тихие воды Миуса плавно идут на Азов,
немцы, непрошеным гостем, бьют по Донбассу...
В пепел сожжены села, порыта окопами земля,
укрепления – сотнями дзотов,
вокруг заминированы поля.
Нет ни единого метра на шахтерской матушке-земле,
где не разрывались бы снаряды,
утром, днем или во тьме.
Артиллерия, танки, зверства –
составляли немецкий оплот.
И опять, как когда-то бывало, высота вдали,
у наших ног.
Немцы рыли повсюду землю, обустроивая блиндажи,
но не смогли укрепления эти,
защитить их на нашей земле.
Вот оно – переломное время,
Сталинград прорвался – дал отпор,
оккупанты идут на попятную.
Вот это да! – Перелом!
Наши войска не теряя времени, плотно сомкнув ряды,
зимою 43-го бесстрашно вперед пошли.
« Донбассу нужно освобождение,
гоним фашиста с нашей земли!»
Целью было прорвать оборону,
жизни людские спасти.
Полгода бились советские воины,
много погибло солдат,
но настойчивость русского норова,
не дано никому сломать!
Дивизия полковника Левина
у подножья кургана стоит,
чтобы в августе темною ночью
красный флаг на горе закрепить.
Имена героев не забыты, вот они – героев имена:
младший лейтенант Шевченко,
Веремеев старшина и Кораблев,
рядовые Дудка, Бондаренко, Иванов, Алешин,

Петряков,
Гаин, Селиванов, Кобзев,
Гавриляшин, Черепов, Калиничев, Лобков,
Симаков, Меркулов – все ребята,
не большая группа смельчаков.
За курган боролись очень жестко –
стратегическая высота.
Больше 270 и метров роста,
вся Донецкая степь, как на ладони, видна.
В радиусе сорока километров можно увидеть все,
даже Азов.
«И ее вернуть необходимо, –
так сказал товарищ командарм, –
вырвать из фашистских лап
Саур-Могилу и прорвать окопы на
Миус, гнать врага с земли родимой,
очищать от оккупантов путь».
Подготовка к полному освобождению
очень тщательная была.
Разработан план военных действий:
«Медлить нам нельзя, совсем нельзя!»
Приблизился день долгожданного штурма,
все решалось, все готово, все в ружье.
Начала наступление артиллерия,
самолеты сменяют ее.
Не закончив бомбить с самолетов
танки идут напролом.
«Ревут катюши, слышишь» – говорит ребятам Иванов.
Командир истекая кровью, дал рубаху ребятам свою,
чтобы было всем видно снизу, обозначенную высоту.
Шаг за шагом советские воины сквозь огонь
продвигались вперед,
быть героями достойными,
жизнь отдать свою за советский народ,
и за землю за нашу русскую, и за Родину, и за мать
наши советские воины жизни готовы отдать.
Бои длились несколько суток,

оккупант то вперед, то назад...
И горел курган, и взлетал курган,
и пылал курган... В общем – ад.
Но шевченковцы удержали, сохранили они высоту,
наконец мы сломили фашистов...
...На заре, чуть забрезжил рассвет,
реет флаг наш, красный,
немцев больше здесь нет.
И погнал солдат наш бесстрашный
эту погань с родной земли,
чтобы больше им не хотелось,
в дом к нам, без приглашения прийти.
По пути освобождались села и города,
над рейстагом водрузили флаг советский... Все.
Конец. Ура!

Часть четвертая

Память
Саур-Могила. Раняя пора и тишина вокруг, до дрожи.
Всплывают в памяти давно забытые года,
уносят прочь военные тревоги.
Вы видели когда-нибудь рассвет?
А солнце?.. новый день дающее,
и трели жаворонка вопиющие.
Вы, видели когда-нибудь рассвет?
Когда туман опустится на землю,
пред нами станет мощь огромная,
Солдат – защитник Родины и его сила всемогущая.
Уходят в забвенье враги, но не забыты имена героев,
людей, чьи жизни отданы,
за то, чтоб жили мы с тобою.
Какая разница когда была война?
Но ведь была же, и не скроешь,
начертаны святые имена
на памятной палитре у подножий.

*Игорь Сердюк***ПОЙТЕ ВЕТРА, ШУМИТЕ!**

Пойте ветра, шумите!
Пойте ветра, над курганом,
И по земле несите,
Дух победителей славных!

Пойте ветра, над степью,
В песне вашей свобода,
Честь и отвага в песне,
Мужество, слава народа!

Подвиг отцов и дедов,
Песнею к нам вернется,
Лето. Год – сорок третий,
Болью. В сердцах отзовется.

Точкой начала прорыва,
Что истребил злую нечисть,
Стала Саур-Могила,
Подвиг солдат – вечен!

Пали фашистские ДОТы,
Смерть оккупантов бесславна,
Сила и дух народа –
Есть честь великой Державы!

Светлана Симонова

НА ПОДСТУПАХ К САУР-МОГИЛЕ

*Дончанину, комсомольцу, гвардии рядовому
А. Кожухарю, погибшему за Саур-Могилу,
посвящается*

Год сорок третий... Фашисты лютуют,
Донбасс превращая в руины и в ад...
Все их старания – просто впустую:
У русских в крови – до победы стоять!

Здесь, у кургана, что прадеды наши
Не раз отстояли в смертельных боях,
Нечисть фашистская злится и пляшет:
Мнит поселиться в восточных краях.

День ото дня тут все жарче и жарче...
Июль на исходе... Сильнее бои...
Вспышки от залпов страшнее и ярче...
Донбасс весь в разрухе, в дыму и в крови...

«Тигры» уютжили землю нещадно,
Огнем накрывая советских солдат.
В схватку с врагами вступил беспощадно
Герой-пехотинец, держа автомат.

Мины вокруг, словно гром, разрывались
И злой артиллерии звук не смолкал.
Танки, рыча, словно зверь, приближались,
Свой демонстрируя жуткий оскал.

Там, за спиною, родные просторы,
Родители, дети, соседи, друзья,
Девушка ждет. (Но дождаться дано ли?)
Врагу уступать в этой битве нельзя!

Взгляд устремлен на убийцу из стали,
Движенья уверены, сильная статья...
Думал ли он о спасеньи? Едва ли!..
Одно лишь мгновенье, чтоб устоять...

Да, комсомольцу не нужно приказа:
Наш рядовой пятерых уложил.
Вырвав чеку из гранаты, он сразу
Танку немецкому путь преградил.

Жизнь оборвалась так быстро, жестоко...
Но высота не досталась врагу!
Матери слезы прольются потоком...
Жизнь – ради Родины! Честь – никому!

Парень с Донбасса... За подвиг, отвагу
Отмечен наградой посмертно потом:
Орденом Красного Знамени. Флаги
Реют на месте сраженья с врагом...

Галина Шпак

СТАВШИЕ СЕМЕНАМИ

*«Они пытались нас похоронить. Но они
не знали, что мы семена!»
Мексиканская пословица.*

Двести семьдесят семь и девять –
Эти цифры как пули ранят.
Никогда ничем не измерить
Боль, пылавшую на кургане.

В сорок третьем на этой высотке
Стало в августе жарко. Адски!
Так хотелось надеть пилотки,
Сняв вконец надоевшие каски

Да нельзя. Оттуда – с вершины,
Где зарылись по уши фрицы,
К краснозвездным неслись лавиной
Пуль, гранат и мин вереницы.

Словно бесы всей преисподней
Объявились с грохотом, стоном,
Словно это сейчас, сегодня
Репетиция Армагеддона.

Только зубы сжав наши деды,
Прикрываясь телами павших,
Устремленно рвались к победе,
Даже рухнув среди упавших.

Им назад отступить – юродство:
За плечами Союз Советский.
Не играли, отнюдь, в благородство,
Просто жили правдой вселенской.

Просто каждый из них был скроен
Стать щитом для Родины, близких,
Даже став безымянным Героем,
Без наград и без обелисков.

Там тогда на Саур-Могиле
Непредвиденно для супостата
Семенами духовной силы
Стали русские наши солдаты!

2.

Сам курган восстал против фрицев,
И бежали фашисты в страхе,
Чтоб в земле чужой не зарыться
Неизвестным потомкам прахом.

Их пугал фанатизм, с которым
Нападавшие в бой бросались,
Отступление считая позором,
До последнего защищались.

Ненавистный курган, как будто,
Что ни час этих русских множил!
Сколько пройдено стран, маршрутов,
Но такого не знали все же.

А давно ли надеждой жили,
Хохоча, не ведая горя
И любуясь с Саур-Могилы
Полосою Азовского моря

Все мечтали, как здесь построят
Замки в сверх-готическом стиле,
И надеялись, что откроют
Бизнес свой, ведь рабов – как пыли!

Обманулись. Как оказалось,
Не в оружии только сила.
Неужели сегодня станет
Им могилой Саур-Могила?

3.

Не бывает долгих сражений,
Вечных войн не знает история.
Для одних война – поражение,
Для других, однозначно, виктория!

Тридцать первого на кургане
Тишину встретил солнечный лучик.
Весь курган – как сплошная рана!
Солнце в ужасе скрылось в тучи

И три дня ужасных, покуда
Трупы всех храбрецов и фрицев
Не сожгли, наконец-то, люди,
Не желало никак появиться.

С этих пор, если недруг рядом,
По неписаному закону
Не за почести и награды
Держат павшие оборону.

Не уйдут с поста, не устанут
Те, что стали пеплом и камнем.
Пусть столетья в пространство канут
Они здесь. Они рядом с нами.

Поднимаясь к самой вершине,
Вдруг почудилось: рядом кто-то
Мне взволнованно дышит в спину
Из погибшей тогда пехоты.

Это было только мгновенье,
Будто ангел коснулся крылами.
Вверх иду я с благоговеньем,
Обливаясь сухими слезами.

Так тепло, а душа в ознобе,
И печаль на ногах, как путы.
Вверх иду и снимаю обувь.
Здесь нельзя никому обутым!

*Нинель Прохорова***САУР-МОГИЛА**

Мощь Саур-Могилы, высота
Соразмерны с терриконами Донбасса,
Смяты укрепления врага,
Но потери наши - скорбны и ужасны,

В память храбрым воинам поднят
Крест святой - награда дням далёким.
Искры памятного «Вечного огня»
Вознеслись к облакам высоким.

Тридцати шести метровый обелиск,
Танки, пушки, миномёт, «Катюша»,
Слышится не пульт, а ветра слабый свист,
Он наполнил скорбью наши души.

Люди к месту подвига идут.
Степь вокруг и небо голубое...
Память поколенья пронесут.
Подвиг вечен. Помним Вас, герои.

*Саур-Могила
7 сентября 2011 года.*

*Нинель Прохорова***ПОДВИГ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА**

Траншеями вгрызались в степь враги,
Стремясь не упустить Саур-Могилу.
17 хабрецов упрятал склон горы,
А ночью воины поднялись на вершину.

Тяжёлый бой здесь долго не смолкал.
И днём, и в ночь орудия тут били.

Солдат советский высоту ту взял,
Остался каменным он на вершине.

Танкист и лётчик, боевой расчёт,
Сапёр, пехота - вклад свой приносили.
Они не сдали в рабство свой народ,
Родную землю жизнью защитили.

Елена Лонюк-Забайкальская

САУР-МОГИЛА. ДОНБАССКАЯ ВЫСОТКА

Вот опять над Сауром гроза собирается,
Заглушив соловьиные трели.
Снова в памяти прошлое поднимается
О свинцовой военной метели.

Ветер гонит в степи душ солдатских волну
И чабрец полыхает здесь пятнами крови.
И навечно уснули, упали в траву,
Обессмертив свой подвиг, герои.

А сегодня беспечен здесь птичий полет,
Только в сердце живет эта драма:
Когда в небе горящий летел самолет
И звучало прощальное: «Мамочка, мама!»

Здесь в граните солдаты - молчаливый оплот.
Болью сердце мо е встрепенулось...
Здесь доказано – ВРАГ НИКОГДА НЕ ПРОЙДЕТ!
И в бессмертие знамя взметнулось!

*Валентина Петровская***САУР-МОГИЛА**

Это место священо
Здесь были бои
И Родину-Мать они
сумели спасти
Солдаты гибли за
Страну-Россию.
Родину свою.
И в наши дни война
пришла
Ребята с честью за
Донбасс
Готовы биться каждый
раз
Нельзя отдать Донбасс
врагу.
Здесь место священо
здесь пали в бою
Ребята высоту брали
свою
И враг отступил
дал ходу назад.
Нельзя врага прощать
Что посягнул на собку
дважды,
Их надо сразу убивать
Чтоб знали наш
Донбасс
нельзя поставить на колени
Он был и будет жить
для нас
Донецкий край любимый.

Екатерина Поливода

ПАМЯТЬ О ТЕХ ДНЯХ...

Там, где слышен шелест тополей и кленов,
Где по аллеям Памяти проходишь не спеша –
Пилоны, посвященные советским воинам,
О мужестве и доблести трагически молчат.

Тем, кто поднимется вверх, на широкой местности
Откроется Саур-Могилы величье и краса.
И можно там увидеть, как по Небесной лестнице
Уходят Ангелы бесшумно навеки в небеса.

Они уходят, ни сказав, ни слова,
Но память об их подвиге живет в наших сердцах,
И возвращаемся поклониться снова и снова
Тем, кто погибли здесь в разных боях.

«Спите спокойно, наши воины-дети, –
Матери скажут сквозь слезы и боль. –
Вам колыбельную споет тихо ветер,
Земля же подарит вам вечный покой».

Вы в наших сердцах остаетесь навечно,
Вы в мыслях и душах с нами всегда.
Так пусть же память будет бесконечной,
И не забудут ваш подвиг потомки никогда.

22.07.2017

*Екатерина Поливода***САУР-МОГИЛА**

Чугунный солдат в дозор вновь идет,
В руке автомат, на плечах - плащ-палатка.
Ответственно службу свою он несет,
С врагами сражается в схватке.

Владенья свои защищает достойно,
В кровавый бой готов идти всегда,
И не позволит быть он новым войнам
И не покинет нашу землю никогда.

10.07.2017

*С. Федосова***МОЙ ДОНБАСС**

Грозный, страшный 43
Ты вновь пришел на землю предков,
На землю дедов и отцов,
На землю, израненную свинцом.
Но мы, двужильные.
Об этом знает и стар, и млад.
Святыню нашу, Саур-Могилу, мы не уступим,
И не отдадим врагу назад.
Хочу обнять тебя, Донбасс, но не хватает рук...
Хочу сказать тебе, Донбасс, но не хватает слов...
Хочу понять тебя, Донбасс, но не хватает чувств...
Хочу спасти тебя, Донбасс, – и здесь я помолюсь
Спаси, спасать ведь это можешь ты – сейчас, потом, тогда...
Останется мне ждать часочек или два?
А может побыстреей,
Ведь не хватает слез,
Терпенья и молитв.

Ведь не хватает сил,
Чтоб все остановить.
Спаси – и сохрани,
Укрой – и защити,
Смотри не отвернись,
В дороге – сбереги,
Не дай сойти с пути,
Не дай сгореть в огне,
Не дай уйти, в тот – мир,
Который впереди.

Александр Товберг

ДЕД ИСААК

*Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие...
Б.Слуцкий*

А поутру он выйдет в сад –
Ну вот и зиму пережил –
Наивный дедушка Исак,
А для кого-то – старый жид.

Полуоглох, полуослеп,
Сидел всю зиму у окна,
Жевал свой социальный хлеб,
Выглядывая – где ж весна?

Да ждал законные гроши,
Их почтальонша выдаст в срок,
Полубезумен и плешив –
То ли дурак, то ли пророк.

О прошлом годе схоронил
Он Сару – верную жену,

А дети звали в Израиль,
А он в ответ, мол, здесь загнусь.

Ах, нынче злые времена,
И глупый старый Исаак
В толк не возьмет, что та страна
Его продала за пятак.

Но кто сказал, что – не жилец?,
Что не воспрянет духом вновь?
Наденет он бронежилет
Из потускневших орденов.

И этой позднею весной,
Нацистам новым вопреки,
Он поведет в последний бой
Небесных воинов полки!

Александр Товберг

ВОЙНА

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые...
Д. Самойлов*

Тени черные, тени злые
Над страну зажгли пожар.
Роковые сороковые
Реют вороны в жажде жатв.

Счета нет человеческим жертвам,
Смерть грабаркой гребет навар,
Перемалывая всех в жерлах
Войн и распрей, и вражд, и свар.

Птицы смерти – страда и пир им –
Горы трупов в полях лежат –
Притязаниям их вампирьим
Все равно, чей погиб солдат.

Сумасшествие машет флагом
Старым, выстиранным в крови.
Сколько жизней в могилы лягут,
Чтобы бойню остановить!?..

Александр Товберг

Забываем наших ветеранов,
И они уходят в тишине,
Наблюдая на телеэкранах
Лютую неправду о войне.

Время разрушает монументы,
Истирает списки скорбных дат,
И срывает ложь аплодисменты,
Прямо в сердце нанося удар.

Мы довольны мизерною ролью, –
Все равно, кто будет помыкать.
Только правда проступает солью,
Оставляя внуков в дураках.

И когда с последним очевидцем
Та эпоха канет в забвенье,
Мы пред ней не сможем повиниться,
Потому что предали ее.

*Сергей Лысенко***ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ***Серго Донецкий*

Красным красит рассвет
Облака надо мной,
Просыпается город родной
Околдованный вдруг тишиной.

И звенит тишина
Над моею землей,
И как будто приснилась война,
Просто только что кончился бой.

Все когда-то пройдет,
Все растает как дым,
Только вечная память живет,
Где останусь всегда молодым,
Каждый миг, каждый вздох
Край родной для тебя,
Ну, а то, что доделать не смог,
За меня пусть закончат друзья.

Пусть плывут облака,
Мирно город живет,
Пусть опять в день рождения свой
Миллионами роз расцветет.

Никому не убить
То, что вечно со мной,
Небо мирное будем хранить
Над дарованной Богом землей.

Все когда-то пройдет,
Все растает как дым,

Только вечная память живет,
Где останусь всегда молодым,
Каждый миг, каждый вздох
Край родной для тебя
Ну, а то, что доделать не смог,
За меня пусть закончат друзья.

Игорь Попсуй

СВЯТОСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ВРЕМЕН

Святость героических времен
В поступи великого бойца,
Словно призывая всех солдат:
«Братцы, будем биться до конца!»
И за ним мы слышим голоса –
Это ведь героев, вечный строй!
Они спасли тогда Донецкий край
Закрыв собою нас с тобой.
Я пришел к солдату на поклон,
Чтоб сказать ему: «Прости,
Что не смог тебя от пуль «хохлов»,
От убийц «украинских», спасти!
Я надеялся, что Новоселковка,
Как и вся Донецкая земля,
Не останется стоять в сторонке,
А поднимется в ружье сама...
Но не случилось этому свершиться,
Мы стали счастьем вражеской черты
Захлопнулись, как челюсти акулы,
Спокойный мир и детские мечты.
И мысленно со мной Саур-Могила,
Как символ воли, правды и надежд,
Не верю, что уж нет мемориала,
Нет места, где встречали мы закат

Когда бежали после выпускного,
И каждый из ребят, был жизни рад.
Смотрю сейчас на сломленные камни.
То, что осталось здесь от памяти людской.
Ну, почему, я не пришел в июне
Не стал преградой, и не стал стеной,
Не мог спасти великое создание
И стелу, что раздроблена войной!
Сейчас мы отмечаем юбилей
Полвека как был памятник открыт,
И верю, что мемориал,
Донбасс разорванный навек соединит!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Журилов Владимир</i> Война и горе ходят рядом	3
<i>Журилов Владимир</i> О чем молчит Саур-могила	5
<i>Журилов Владимир</i> Саур-могила.....	6
<i>Журилов Владимир</i> Подвиг сапера	8
<i>Киселева Елена</i> Дядя Митя	9
<i>Войтко Валерия</i> А вы уважаете?	12
<i>Гладнева Ольга</i> Фронтовой путь освободителей Донбасса	17
<i>Кошелев Юрий</i> Судьбы...Судьбы...Судьбы...	27
<i>Головченко Ярослав</i> Победный август Саур-Могилы.....	28
<i>Гросов Александр</i> Памятник бессмертию.....	32
<i>Губарева Ольга</i> Курган Донбасской славы	37
<i>Губарева Ольга</i> Твоим освободителям, Донбасс	38
<i>Задорожная Наталья</i> Там, где проходили бои	39
<i>Коровина Нина</i> Память.....	41
<i>Красулина Татьяна</i> Героизм защитников Саур-Могилы – преемственность поколений	46
<i>Кулага Иван</i> Донбасс никто не ставил на колени...	52
<i>Литвинова Елена</i> Память сердца не предаст...	56
<i>Мочалова Дарья</i> Уголь, кровь и порох	59
<i>Передережева Людмила</i> Война и время перед памятью бессильны	62
<i>Рангу Юлия</i> Гордая Донбасская высота	69
<i>Саттарова Галина</i> Богородица благословила на Победу	75
<i>Саттарова Галина</i> Не спешите судить ближнего	77
<i>Саттарова Галина</i> Была ли война в Ремовке?	78
<i>Старкова Рута</i> Донбасс никто не ставил на колени	79
<i>Фролков Виталий</i> Память Саура.....	82
<i>Шевцов Сергей</i> Два Федора, одна судьба	84

<i>Эктова Алла</i> Сила, способная победить все	94
<i>Горобец Надежда</i> Сон	96
<i>Русская Валентина</i> Запоздавшее письмо.....	100
<i>Пудак Раиса</i> Мы этой памяти верны.....	101
<i>Ионов Богдан</i> История о Вернере и сержанте Васильеве....	107
<i>Руденко Любовь</i> Саур-кошка	113
<i>Прохорова Нинель</i> Далекая быль.....	115
<i>Гомжина Елена</i> Воспоминания моей мамы – Гомжиной Марии Алексеевны	117
<i>Сливный Станислав</i> Послушай ветры над Саур-Могилей.....	122
<i>Епихин Василий</i> Письмо с фронта	124
<i>Куба Константин</i> Высота	125
<i>Куба Константин</i> Колосок.....	126
<i>Мирошниченко Раиса</i> На высоте 277... ..	127
<i>Мирошниченко Раиса</i> Саур-Могиле – 50.....	128
<i>Пефтиева Людмила</i> Саур-Могилы	129
<i>Пефтиева Людмила</i> Памяти павших	130
<i>Пефтиева Людмила</i> Письма с фронта	131
<i>Кучерова Инна</i> Баллада о дереве.....	132
<i>Лобанов Николай</i> Штурм сопки.....	134
<i>Адинцова Елена</i> Однопольчане	136
<i>Бабинин Сергей</i> Саур-Могилы.....	138
<i>Буров Владимир</i> Ты пришел на могилу героев... ..	150
<i>Вингливскт Наталья</i> Смотри, сынок... ..	151
<i>Вингливскт Наталья</i> Саур-Могилы	154
<i>Гаврилястая Елена</i> Высота 277,9 Саур-Могилы	155
<i>Ганин Анатолий</i> На высоте под названием Саур-Могилы	157
<i>Ганин Анатолий</i> Ополченец	158
<i>Ганин Анатолий</i> Солдату Победы	159

<i>В Донбассе мужеству забвенья нет</i>	281
<i>Гонкина Елена Бой за высоту.....</i>	161
<i>Гравченко Анатолий На Саур-Могиле</i>	162
<i>Десятерик Вадим На холстах войны</i>	167
<i>Десятерик Вадим Маятник</i>	168
<i>Десятерик Вадим Созвездие Память.....</i>	169
<i>Морозова Елена Обрубок остался от человека</i>	169
<i>Морозова Елена Каждый год на девятое мая.....</i>	172
<i>Морозова Елена Каждый год на День Победы</i>	173
<i>Ермоленко Валентина Саур-Могилы.....</i>	173
<i>Ермоленко Валентина Поклон Саур-Могиле</i>	175
<i>Ермоленко Валентина История священного кургана</i>	177
<i>Журилов Владимир Святое место</i>	181
<i>Зосенко И.Н. Саур-Могилы</i>	182
<i>Коваль Константин Как осколок разбитого солнца</i>	184
<i>Коваль Константин Муравей</i>	185
<i>Коваль Константин Медный колокол вокзальный.....</i>	185
<i>Короткова Евгения Саур-Могилы – символ стойкости и мужества</i>	187
<i>Лавриненко Людмила Макеевка – Саур-Могиле</i>	189
<i>Литвинова Надежда Саур-Могилы для Донбасса</i>	190
<i>Логоша Людмила-Дубограй Бой за Саур-Могилу</i>	190
<i>Логоша-Дубограй Людмила Саур-Могилы</i>	192
<i>Логоша-Дубограй Людмила Герои не умирают.....</i>	193
<i>Лысенко Людмила Монолог Саур-Могилы</i>	194
<i>Лысенко Людмила Дорогой ценой</i>	195
<i>Лысенко Людмила Баллада о трех березах.....</i>	195
<i>Морозов Александр Саур-Могилы.....</i>	197
<i>Мусатова Лиана Взятие высоты 277-9</i>	198
<i>Мусатова Лиана Освобождение Сталино (Донецка).....</i>	200

<i>Мусатова Лиана</i> Саур-Могилы 2014-го.....	203
<i>Овчаренко Анастасия и Юлия</i> Баллада о Листопаде.....	204
<i>Пастушок Людмила</i> Всем видам войск отдайте почести.....	208
<i>Пастушок Людмила</i> Собрала села, города	208
<i>Пастушок Людмила</i> Одна дивизия гвардейская	209
<i>Пономарева Лидия У</i> Саур-Могилы	210
<i>Щуров Геннадий</i> Так жить!.....	211
<i>Щуров Геннадий</i> Баллада о десанте	212
<i>Щуров Геннадий</i> Повторить невозможно.....	214
<i>Хацко Владимир</i> Саур-Могилы.....	215
<i>Хацко Владимир</i> Последний бой.....	216
<i>Халаджи Михаил</i> Донбасс	217
<i>Филатова Татьяна</i> Безмолвная степь, посреди – высота.....	218
<i>Терешкин Эммануэль</i> Ушедшие в бессмертие	219
<i>Терешкин Эммануэль</i> Чувство долга	220
<i>Терехова Ирина</i> Высота	221
<i>Степанова Валентина</i> Защитникам Саур-Могилы.....	222
<i>Сребная Эллина</i> Возвращение журавлей.....	223
<i>Галицкая Соломия</i> Саур-Могилы	224
<i>Семибратская Виктория</i> Сказание о героях Саур-Могилы	225
<i>Семибратская Виктория</i> Воспоминания на Саур-Могиле....	227
<i>Семибратская Виктория</i> А на Саур-Могиле тишина.....	229
<i>Саттарова Галина</i> Война	229
<i>Саттарова Галина</i> Солдат в больнице умирает.....	231
<i>Саттарова Галина</i> Красавицы войны	231
<i>Руденко Виктор</i> О вечном.....	233
<i>Решетова Любовь</i> Саур-Могилы.....	234
<i>Радин Александр</i> Думы на Саур-Могиле	236
<i>Пудак Раиса</i> Высота 277,9.....	239

<i>В Донбассе мужеству забвенья нет</i>	283
<i>Белина Вера</i> А вяз все помнил.....	240
<i>Белина Вера</i> Это было на Саур-Могиле	241
<i>Кочеткова Светлана</i> Саур-Могилы была взята!!!.....	243
<i>Кочеткова Светлана</i> Нужна Победа!	244
<i>Попова Татьяна</i> Память	245
<i>Агабекян Анаит</i> Со смертью торгуясь за пяди земли.....	246
<i>Гирявенко Надежда</i> Здесь замирают сердце и душа	248
<i>Голикова Нина</i> Саур-Могилы	249
<i>Жукунова Марина</i> Сказание о Саур-Могиле	251
<i>Кущикова Ольга</i> Полевые маки	253
<i>Лындина Анна</i> Расскажи мне, Саур-Могилы.....	254
<i>Лындина Анна</i> Высота 277,9	255
<i>Лындина Анна</i> Думы на Саур-Могиле	256
<i>Мамчиц Галина</i> От забвенья к памяtnому дню	256
<i>Сердюк Игорь</i> Пойте ветра, шумите!	262
<i>Симонова Светлана</i> На подступах к Саур-Могиле	263
<i>Шпак Галина</i> Ставшие семенами	264
<i>Прохорова Нинель</i> Саур-Могилы	268
<i>Прохорова Нинель</i> Подвиг советского солдата	268
<i>Лонюк Елена-Забайкальская</i> Саур-Могилы. Донбасская высотка.....	269
<i>Петровская Валентина</i> Саур-Могилы	270
<i>Поливода Екатерина</i> Память о тех днях... ..	271
<i>Поливода Екатерина</i> Саур-Могилы	272
<i>Федосова С.</i> Мой Донбасс.....	272
<i>Товберг Александр</i> Дед Исаак	273
<i>Товберг Александр</i> Война	274
<i>Товберг Александр</i> Забываем наших ветеранов	275
<i>Лысенко Сергей</i> Вечная память	276
<i>Попсуй Игорь</i> Святость героических времен	277

Литературно-художественное издание

В Донбассе мужеству забвенья нет

*Сборник лучших произведений
открытого литературного конкурса,
посвященного 50-летию
мемориального комплекса Саур-Могила*

Составитель:	А.Л. Толмачева
Редактор:	О.А. Пинзон
Компьютерный макет:	А.А. Добродомова
Ответственный за выпуск:	И.А. Горбатов

Сдано в набор 25.08.17. Подписано в печать 28.08.17.
Бум. офсетная. Гарнитура «Arial». Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,87. Уч.-изд. л. 13,32.
Тираж экз.

Государственное учреждение культуры «Донецкая республиканская
универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской»
83001, г. Донецк, ул. Артема, 84,
тел.: +38 (062) 335-30-79. e-mail: krupskaya@lib-dpr.ru

ЧП «Бренд Имидж». 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 202а

1941
1945